

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

2024 Том 29 № 3

DOI 10.22363/2312-9220-2024-29-3
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал
Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Борхес-Рей Э., доктор в сфере медиакоммуникаций, адъюнкт-профессор по программе журналистики, Северо-Западный университет в Катаре, Доха, Катар

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Дрок Н., PhD, профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей журналистики (EJTA), заместитель председателя Всемирного совета по журналистскому образованию (WJEC), профессор школы медиа, Университет прикладных наук Виндсхайма, Зволле, Нидерланды

Жаккар Ж.-Ф., профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет, Женева, Швейцария

Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

Киссель В.С., ведущий научный сотрудник международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет, Бремен, Германия

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия

Лободенко Л.К., доктор филологических наук, профессор, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Меррилл Дж., PhD, профессор русского языка, Университет штата Мичиган, Ист Лэнсинг, США

Низматуллина К.Р., доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой цифровых медиакоммуникаций, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Панасенко Н., доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации, факультет массмедиальной коммуникации, Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словакия

Саймонс Г.Дж., PhD, профессор, адъюнкт-профессор департамента государственного управления, научный сотрудник Института исследований России и Евразии, Университет Упсалы, Упсала, Швеция

Сколари К., доктор лингвистики и коммуникаций, профессор, адъюнкт-профессор факультета медиакоммуникаций, Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания

Тилак Г., PhD, доктор литературы, доктор менеджмента, профессор, декан факультета современных наук и профессиональных навыков, профессор департамента массовых коммуникаций, Университет Тилак Махараштра Видьяпигт, Пуна, Махараштра, Индия

Флейшман Л., профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Шилина М.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» – периодическое научное издание в области филологических исследований. Международный состав редакционной коллегии и экспертного совета обеспечивает отбор, рецензирование и публикацию авторских материалов на русском и английском языках представителей различных научных школ и регионов мира.

Цели журнала – осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала – знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и медиаведческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Принимаются материалы, соответствующие следующим специальностям номенклатуры ВАК: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, 5.9.2. Литературы народов мира, 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, к участию в подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Электронный адрес редакции журнала: litj@rudn.ru

Редактор *А.С. Намойлик*

Редакторы англоязычных текстов *К.Ю. Каплявик, Н.В. Рабкина, О.В. Спачиль*
Компьютерная верстка *Т.Н. Селивановой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Подписано в печать 23.09.2024. Выход в свет 30.09.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 16,97. Тираж 500 экз. Заказ № 1068. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 2024

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

2024 VOLUME 29 NUMBER 3

DOI 10.22363/2312-9220-2024-29-3
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Irina I. Volkova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Anna E. Bazanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, RUDN University, Moscow, Russia

Eddy Borges-Rey, PhD in Media and Communication, Associate Professor in Residence Journalism Program, Northwestern University in Qatar, Doha, Qatar

Niko Drok, PhD, President of European Journalism Training Association (EJTA), Vice Chair of the World Journalism Education Council (WJEC), Professor of Media & Civil Society, Windesheim University of Applied Sciences, Zwolle, Netherlands

Lazar Fleishman, Professor of the Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University, Stanford, USA

Michail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Jean-Philippe Jaccard, Professor of the Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva, Geneva, Switzerland

Liubov G. Kihney, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

Wolfgang Stephan Kissel, leading research fellow of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen, Bremen, Germany

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Jason Merrill, PhD in Russian Literature, Professor of Russian, Michigan State University, East Lansing, USA

Kamilla R. Nigmatullina, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Digital Media Communications, Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications", St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nataliya Panasenکو, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Language Communication, Faculty of Mass Media Communication, University of SS Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Carlos Alberto Scolari, PhD in Applied Linguistics and Communication Languages, Professor, Associate Professor of the Faculty of Communication, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Marina G. Shilina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Advertising, Design and Public Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Gregory John Simons, PhD, Professor, Associate Professor at the Department of Government, researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

Geetali Tilak, PhD, DLit, DM, Professor, Dean of the Faculty of Modern Sciences and Professional Skills, Professor of the Department of Mass Communication, Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune, Maharashtra, India

Marina R. Zheltukhina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)**

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising.

The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies" and "Journalism".

Materials that correspond to the following specialties: Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation, Literature of the Peoples of the World, Literary Theory, Folkloristics, Media Communications and Journalism are accepted.

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Copy Editor *A.S. Namoylik*

English Texts' Editors *K.Yu. Kashlyavik, N.V. Rabkina, O.V. Spachil*

Layout Designer *T.N. Selivanova*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	413
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	413
Королева С.Б. Пушкин и Байрон в британской пушкинистике: коммуникативные стратегии и имагологические механизмы	413
Липке Ш. Повесть И.С. Тургенева «Вешние воды» как трагедия в прозе: внутреннее принуждение к миметическому соперничеству как гамартия Санина	431
Киричук Е.В. В диалоге с единомышленником: письма Ф.И. Тютчева к Э.Ф. Тютчевой	440
СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС	450
Кихней Л.Г. Деконструкция/реконструкция советского мифа в стихотворении Т. Кибирова «Любовь, комсомол и весна»	450
Поселенова Е.Ю., Монш В.С. Проза эмигрантского периода жизни С.Д. Довлатова в контексте американской «новой журналистики» 1980-х гг.	463
Темиршина О.Р. Советское как личное: о песне Михаила Елизарова «Господин Главный Ветер»	472
Кирова М.М. Концепт «жизнь» в позднем творчестве Ф. Искандера	482
Асан А.К., Минералова И.Г., Нургали К.Р., Асанов К.Д. Художественный синтез в романах А.А. Кима: жанр, стиль, метод	491
ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА. КОМПАРАТИВИСТИКА	502
Махортова В.А., Кутьева М.В. Эволюция образа бабочки в португальской лирике: Камозэнс и поэты Португалии XVIII–XIX веков	502
Муралова Е.О., Филимонова Т.Н. Роль поэзии в романе Нгуен Суан Кхана «Хо Куи Ли»	513
Мескин В.А., Чжан Х. А. Чехов в творчестве Чжан Цзе	524
ЖУРНАЛИСТИКА	534
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ	534
Шариков А.В. Представленность России в британских онлайн-источниках в 2022 г.	534
НОВЫЕ МЕДИА	551
Яковлев М.В. Философская журналистика в новых медиа	551
Trishchenko N.D., Mikhailovskaya V.A. Opportunities for the use of short videos in science communication: the case of social sciences (Возможности использования коротких видео в научной коммуникации: пример социальных наук)	564
Лободенко Л.К., Череднякова А.Б., Корнилова Л.Н., Марфицына А.Р. Информационная повестка региональных медиа в контексте экологии: тематический и атрибутивный уровни	577
МЕДИАПОЛИТИКА	593
Петухов А.Ю., Каминченко Д.И. Анализ текстов о спорном статусе Тайваня, созданных языковой моделью ChatGPT	593
РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ	612
Filipov M. How TV journalists perceive public relations: the case of Kazakhstan (Как тележурналисты воспринимают связи с общественностью: казахстанский кейс)	612
МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ	626
Гаврилов В.В., Зорина В.А. «Цифровой интеллект журналиста»: к содержанию понятия	626

CONTENTS

LITERARY STUDIES	413
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE	413
Koroleva S.B. Pushkin and Byron in British Pushkin studies: strategies of communication and imagological mechanisms	413
Lipke S. Ivan Turgenev’s tale “Torrents of Spring” as a prose tragedy: inner compulsion for mimetic competition as Sanin’s hamartia	431
Kirichuk E.V. Dialogue of like-minded people: letters from F.I. Tyutchev to E.F. Tyutcheva	440
CONTEMPORARY LITERARY PROCESS	450
Kihney L.G. Deconstruction/reconstruction of Soviet myth in T. Kibirov’s poem “Love, Komsomol, and Spring”	450
Poselenova E.Yu., Monsh V.S. The emigrant prose of S.D. Dovlatov in the context of American ‘new journalism’ of the 1980s	463
Temirshina T.O. Soviet as personal: about Mikhail Elizarov’s song “Mr. Main Wind”	472
Kirova M.M. The concept of life in the late work of F. Iskander	482
Assan A.K., Mineralova I.G., Nurgali K.R., Asanov K.D. Artistic synthesis in the novels of A.A. Kim: genre, style, method	491
FOREIGN LITERATURE. COMPARATIVE STUDIES	502
Makhortova V.A., Kutyeva M.V. Evolution of the butterfly image in Portuguese lyrics: Camões and Portuguese poets of the 18th–19th centuries	502
Muralova E.O., Filimonova T.N. The role of poetry in Nguyen Xuan Khanh’s novel “Ho Quy Ly”	513
Meskin V.A., Zhang H. A. Chekhov in the works of Zhang Jie	524
JOURNALISM	534
HISTORY AND THEORY OF MEDIA	534
Sharikov A.V. Representation of Russia in the British online sources in 2022	534
NEW MEDIA	551
Yakovlev M.V. Philosophical journalism in new media	551
Trishchenko N.D., Mikhailovskaya V.A. Opportunities for the use of short videos in science communication: the case of social sciences	564
Lobodenko L.K., Cherednyakova A.B., Kornilova L.N., Marfitsina A.R. Environmental agenda setting in local media: thematic and attributive levels	577
MEDIA POLICY	593
Petukhov A.Yu., Kaminchenko D.I. Analysis of ChatGPT-generated texts on Taiwan’s disputed status	593
ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS	612
Filipov M. How TV journalists perceive public relations: the case of Kazakhstan	612
MEDIA EDUCATION	626
Gavrilov V.V., Zorina V.A. “Digital intelligence of a journalist”: to the content of the concept	626

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERARY STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-413-430

EDN: FMASKD

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

**Пушкин и Байрон в британской пушкинистике:
коммуникативные стратегии и имагологические
механизмы**

С.Б. Королева

*Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород,
Российская Федерация*
✉ svetlakor0808@gmail.com

Аннотация. В статье определено место и содержание вопроса о влиянии Байрона на Пушкина в британской пушкинистике на этапе ее становления (1910–1940-е гг.). Доказано, что в контексте резкого «поворота к Пушкину» и ориентации на «горизонт читательских ожиданий» одной из двух ведущих коммуникативных стратегий в британских работах о русском поэте становится стратегия борьбы со стереотипным представлением о нем как последовательном «русском Байроне». В то же время, начиная с М. Бэринга, британские исследователи вписывают этот вопрос в стратегию приближения Пушкина к британскому читателю. Две выявленные стратегии в той или иной степени сочетаются в освещении проблемы «Пушкин и Байрон» с принципами исторической периодизации (историзации нарратива) и эстетической оценки, равно как с имагологически заряженной культурологичностью подхода. В статье выявлены схождения и расхождения в этом вопросе двух ключевых работ выделенного периода — монографии М. Бэринга «Очерк русской литературы» (*An Outline of Russian Literature*, 1914) и книги Д. Мирского «История русской литературы» (*A History of Russian Literature*, 1926). Определено, что Бэринг декларативно подчеркивает новаторство русского поэта в пересоздании байроновских жанровых форм, типа героя и черт поэтики, выделяет глубину «русскости» пушкинского творчества и утверждает превосходство русского поэта над английским в поэтическом мастерстве и мировоззрении. Мирский же, опираясь на известную работу В.М. Жирмунского и во многом следуя Бэрингу, борется со стереотипным представлением

© Королева С.Б., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

о подражательстве Пушкина Байрону с позиции филологической точности. Установлено, что в контексте ситуации холодной войны ориентация на «горизонт читательских ожиданий» в книге Я. Лаврина «Пушкин и русская литература» (*Pushkin and Russian Literature*, 1947) задала вектор «возвышению» Пушкина как способу «оправдания» русской культуры и истории. Ощутимым центром такого имагологически окрашенного сближения стал аналитический разбор Я. Лавриным полемики Пушкина с Байроном на материале его лирико-героической поэмы «Полтава».

Ключевые слова: британская пушкинистика, М. Бэринг, Д. Мирский, Я. Лаврин, влияние Байрона на Пушкина, формализм, В.М. Жирмунский

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00706, <https://rscf.ru/project/24-28-00706/>.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11 мая 2024 г.; отрецензирована 12 июня 2024 г.; принята к публикации 15 июля 2024 г.

Для цитирования: Королева С.Б. Пушкин и Байрон в британской пушкинистике: коммуникативные стратегии и имагологические механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 413–430. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-413-430>

Pushkin and Byron in British Pushkin studies: strategies of communication and imagological mechanisms

Svetlana B. Koroleva

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ svetlakor0808@gmail.com

Abstract. The article describes the place and major components of the question of Byron's influence on Pushkin in British Pushkin studies at the stage of its formation (1910s–1940s). It argues that in the context of 'turning to Pushkin' and orientation toward the 'horizon of the reader's expectations', one of the two leading communicative strategies in British books about the Russian poet occurred to be the strategy of combating the stereotype of him as a consistent 'Russian Byron'. At the same time, starting with M. Baring, British researchers include this issue in the strategy of bringing Pushkin closer to the British reader. The two identified strategies are, to one degree or another, combined in the Byron – Pushkin problem with the principles of historical periodization (historicization of narrative) and aesthetic evaluation, as well as with an imagologically charged cultural approach. The article reveals convergences and divergences in this issue of two key works of the highlighted period – *An Outline of Russian Literature* (1914) by M. Baring and *A History of Russian Literature* by D.S. Mirsky (1926). It is argued that Baring declaratively emphasizes Pushkin's innovation in the re-creation of Byron's genre forms, the hero and the features of poetics, highlights the depth of 'Russianness' of Pushkin's works and asserts the superiority of the Russian poet over the English one in poetic skill and worldview. Mirsky, relying on the well-known work of V.M. Zhirmunsky and largely

following Baring, fights the stereotypical idea of Pushkin's imitation of Byron from the position of philological accuracy. It has been established in the article that in the context of the Cold War, orientation towards the 'horizon of the reader's expectations' in J. Lavrin's book *Pushkin and Russian Literature* (1947) formed the vector for 'exalting' Pushkin as a way of 'justifying' Russian culture and history. The tangible center of such an imagologically colored rapprochement was Lavrin's analytical analysis of Pushkin's polemic with Byron based on the material of his lyrical-heroic poem *Poltava*.

Key words: British Pushkin studies, M. Baring, D. Mirsky, J. Lavrin, Byron's influence on Pushkin, formalism, V.M. Zhirmunsky

Acknowledgements and Funding. The study has been supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00706, <https://rscf.ru/project/24-28-00706/>.

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 11, 2024; revised June 12, 2024; accepted July 15, 2024.

For citation: Koroleva, S.B. (2024). Pushkin and Byron in British Pushkin studies: Strategies of communication and imagological mechanisms. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 413–430. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-413-430>

Введение

Британская пушкинистика представляет собой особый вектор в изучении личности и творчества А.С. Пушкина. Своеобразие развития пушкиистики в Англии связано, в том числе, с тем, что именно для британской критики (из всех западноевропейских ее вариантов) русский поэт на протяжении всего XIX в. оставался «мало известен и чужд», на что указывал в работе «Пушкин на Западе» М.П. Алексеев (Алексеев, 1937, с. 148), оговаривая при этом, что «первые английские переводы из Пушкина относятся еще к 1827 году» и что «критическая литература о Пушкине на английском <...> не так уж бедна» (Там же, с. 149).

Становление британской пушкиистики приходится на период 1910–1940-х гг. — время, когда «под воздействием международного успеха русского романа», с одной стороны, и результатов революции 1917 г. в России, — с другой, не только вырос общий «интерес к Пушкину» (что отметил в свое время профессор А.Л. Григорьев в работе «Пушкин в зарубежном литературоведении» (Григорьев, 1974, с. 224)) у англоязычного читателя, но и в разы увеличилось количество публикаций его произведений и исследований о нем и его творчестве на английском языке (*Pushkin in English...*, 1937, p. 6). В контексте резкого «поворота к Пушкину» в англоязычном мире для британской пушкиистики на этапе ее становления стали значимыми две стратегии: выявить и проследить близость (генетическую, духовную, эстетическую) пушкинского творчества английской культуре и, в то же время, снять упреки в эпигонстве, победить устоявшееся представление о поэте как истовом и последовательном «русском Байроне». Кроме того, в работах о творчестве

русского поэта, опубликованных английскими (российско-британскими) исследователями в этот период, находит отражение принцип эстетической оценки (Ефимов, 2018, с. 17), характерный для британского литературоведения в целом.

Эти стратегии и указанный принцип в разных вариациях ясно прослеживаются в наиболее влиятельных ранних английских работах о Пушкине: разделах о нем в монографии Мориса Бэринга «Очерк русской литературы» (*An Outline of Russian Literature*, 1914) и в первом томе книги Д.С. Мирского «История русской литературы» (*A History of Russian Literature*, 1926). В первой из них стратегия сближения пушкинского творчества с английской культурой воплощается в жизнь особенно последовательно и разносторонне.

Вопрос о Пушкине и Байроне в трудах М. Бэринга

Морис Бэринг (Maurice Baring) — английский дипломат, журналист, поэт, писатель, переводчик, искренний русофил (Володько, 2018; Королева, 2023; Супрун, 2007), проживший в России около семи лет (с 1905 по 1912 г.), — сыграл важную роль в формировании пушкиноведения в Англии в начале XX в. Личность Пушкина и вопросы пушкинского творчества он осветил в двух своих научно-популярных трудах, посвященных истории русской литературы: «Вехи русской литературы» (*Landmarks in Russian literature*, 1910) и «Очерк русской литературы» (*An Outline of Russian Literature*, 1914). Первый из них лег в основу предисловия к оксфордской антологии русской поэзии (*The Oxford book of Russian Verse*, 1925), составленной им для серии «Оксфордских антологий» национальной поэзии и выдержавшей в течение 1920–1960-х гг. три издания в первой редакции и пять изданий — во второй. Соответственно, не только в сфере академической, но и в сферах просветительской и учебно-методической Бэринг имел возможность выражать, транслировать, отстаивать свои литературоведческие взгляды.

Следы бэринговской концепции пушкинского творчества, его способа подачи литературоведческой информации, его комбинации двух обозначенных стратегий прослеживаются, в частности, и в работах о Пушкине Д.С. Мирского, и в значимых для английской академической рецепции личности и творчества Пушкина монографиях «Пушкин и русская литература» (*Pushkin and Russian Literature*, 1947) и «От Пушкина к Маяковскому. Исследование литературной эволюции» (*From Pushkin to Mayakovsky. A Study in the Evolution of a Literature*, 1948) Янко Лаврина — профессора славистики в университете Ноттингема и друга Д.С. Мирского с начала 1920-х гг.

Воздействием пушкиноведения Бэринга отмечены, в частности, статьи о Пушкине таких выдающихся преподавателей Оксфордского университета, как С.М. Баура (С.М. Bowra, редактор-составитель антоло-

гии русской поэзии в переводах на английский, которая была издана не менее четырех раз: в 1943, 1947, 1971 и 1976 гг.) и Джон Бейли (John Bayley, автор первой большой подробной английской монографии о Пушкине (*Pushkin: a Comparative Commentary*, 1971)). То, что первая из этих статей была опубликована в 1950 г. (Pushkin. In *Oxford Slavonic Papers*, 1950, vol. 1; см. Голышева, 1970, с. 206–207), а вторая – в 1983 г. (Bayley, 1983), также говорит о масштабной роли Бэринга в становлении английской пушкинистики.

Между тем обе книги Бэринга (и, соответственно, его предисловие к «Оксфордской антологии русской поэзии») рассказывают о русской литературе не столько с позиции литературной критики или литературоведения, сколько с позиции культурологии в ее особенном варианте, который можно назвать «этнофилософским». В «Вехах...» краткое описание пушкинского творчества дано в ключе тех общих особенностей русской культуры и русского менталитета, о которых Бэринг подробно рассуждает в историко-культурологических работах этого же периода – «Русском народе» (*The Russian People*, 1911) и «Истоках России» (*The Mainsprings of Russia*, 1914). Начиная с утверждения о том, что «русская поэзия <...> имеет твердое основание в здравом смысле»¹ («Russian poetry <...> is based on and saturated with sound common sense») (Baring, 1912, p. 25), Бэринг указывает на «величайшего русского поэта» («the greatest Russian poet») Пушкина: в отличие от европейских гениев этого времени, таких, как Шелли и Мюссе, он «извлекает поэзию из обыденности» («extract poetry from the daily life») и находит для нее «сбалансированную до совершенства» форму («perfectly balanced; this sense of balance and proportion blent with a rooted common sense») (Ibid., p. 27).

Это обобщение относительно особенностей русской поэзии в целом и творчества Пушкина в частности в точке «здравый смысл» смыкается с бэринговскими наблюдениями над характером русского человека, изложенными как в «Истоках России», так и в «Русском народе». Во второй из вышеупомянутых монографий (посвященной Г. Честертону, с которым Бэринга объединяла многолетняя дружба и католическая вера) имя Пушкина возникает в одном ряду с именами Суворова и Петра Первого в связи с иным наблюдением: русские способны «творить чудеса», преодолевая все возможные препятствия и пределы («...He will recognize no obstacles and no limits. He will accomplish miracles»), поскольку в русском народе вообще (и в русских гениях в особенности) есть удивительная черта «экстраординарной» одаренности энергией («extra flip of energy») (Baring, 1911, p. 49). Среди особенных черт русского народа Бэринг в этой работе также выделяет «человечность» («humane») и «адаптивность» («all-round adaptability») – признаки, которые, наряду с реалистичной ясностью, а также с пропорциональностью и сбалансированностью Бэринг перечисляет в ряду основных характеристик пушкинского творчества в «Вехах...» (Ibid., p. 40).

¹ Здесь и далее перевод с английского языка на русский выполнен мной. – С.К.

Свое же предисловие к оксфордской антологии русской поэзии Бэринг заключает словами о русской поэзии как выразителе русской души: «Русская поэзия выражает русскую душу. <...> То, что ею выражено, — это духовный жар, братское сочувствие, великодушная мудрость...» (“Russian poetry expresses the Russian soul. <...> What it expresses is a spiritual flame, a fraternal sympathy, a great-hearted wisdom...”) (Baring, 1971, p. xliv). Излишне говорить, что в устах англичанина, принявшего католичество в возрасте 35 лет (Королева, 2023, с. 145), эти характеристики есть выражение не только высочайшей оценки сущности русской культуры, но и убежденности в ее духовной (через христианство и христианские ценности) близости культуре европейской в целом и английской в частности.

Этот взгляд на сущность пушкинского гения — сквозь призму особенностей русской поэзии и русского менталитета и, в то же время, близости европейской, английской культуре — отстаивается и в «Очерке русской литературы». В относительно подробном рассказе Бэринга о творчестве Пушкина, изложенном на 45 страницах его второй и последней книги о русской литературе, он утверждает величие пушкинского творчества, акцентируя его универсальность и, в то же время, особенность его сущностных характеристик, его непреходящую ценность для мировой культуры. Приближая русского поэта к английскому читателю, Бэринг, в частности, сопоставляет образ Татьяны Лариной с героинями У. Шекспира и Дж. Остин, Г. Филдинга и Дж. Мередита (Baring, 1915, p. 75).

Особое место в размышлениях Бэринга о Пушкине и европейской культуре занимает Байрон. Воздействие Байрона на поэзию Пушкина Бэринг описывает и на материале «южных поэм», и относительно «Евгения Онегина», и (очень схематично) в том, что касается «Полтавы». Отмечая, что в южной ссылке Пушкин «изучал итальянский и английский» («learnt Italian and English») (Ibid., p. 61), Бэринг указывает на некоторое влияние на русского поэта творчества Шенье и на существенное — Байрона. Однако вместо анализа художественных особенностей и идейного содержания «южных поэм» Бэринг коротко поясняет, что образы главных героев в «Кавказском пленнике» и «Цыганах» восходят к образу Чайльда Гарольда: подобно герою Байрона, они, будучи молодыми, ощущают себя состарившимися и, «устав от жизни», ищут успокоения «в общении с природой» («he is young, but feels old; tired of life, he seeks for consolation in the loneliness of nature») (Ibid., p. 62). Этим, а также неясным замечанием относительно «некоторых байронических черт» («Byronic in some respects») (Ibid.) «Бахчисарайского фонтана», пересказом сюжетов и краткими суждениями о красоте описаний природы и простонародной жизни в «южных поэмах», собственно, и ограничиваются наблюдения над текстами. Что же касается общей увлеченности Байроном поэтами «пушкинского круга» и, в целом, «пушкинской поры» (увлеченности столь сильной, что в письме 1819 г. Вяземский, как известно, обещает «за каждый стих Байрона», переведенный с английского на русский, «заплатить жизнью своею»

(Остафьевский архив, 1899, с. 326–327)), то о ней у Бэринга не сказано ни слова. Творчество Пушкина, как, собственно, и всех остальных русских поэтов и писателей в его работе (в том числе, в отношении русского байронизма), описано в векторе общего развития русской культуры и литературы, но не в пространстве литературного процесса.

Важнее аналитических выкладок и литературного контекста для Бэринга оказывается оправдание Пушкина как поэта самобытного, при этом аллюзивный ряд, ключом к которому становится имя Байрона, включает в себя противопоставление классицизма романтизму, французского сада — английскому, неестественного — естественному. Отталкиваясь от устоявшегося у английского, европейского интеллектуала представления о вторичности пушкинской поэзии², он в подробностях размышляет над тем, что «Байрон дал ему [Пушкину] возможность ощутить собственные силы, показал ему путь из французского сада <...> в темные леса и свежие луга. <...> Пушкин никогда не имитирует Байрона; но Байрон <...> сделал для него то же, что Гомер Чапмена для Китса» («Byron revealed to him his own powers, showed him the way out of the French garden <...> to fresh woods and pastures new. <...> Pushkin is never imitative of Byron; but Byron <...> did for him what Chapman's Homer did for Keats») (Baring, 1915, p. 63).

Таким же образом Бэринг поступает и в отношении «Полтавы» и «Евгения Онегина»: коротко указывая в первом случае на полемическую соотнесенность поэмы Пушкина с байроновским «Мазепой», а во втором — на «Беппо», «Дон Жуана» и отчасти «Паломничество Чайльд Гарольда» как источники «Онегина», Бэринг каждый раз подчеркивает, что Пушкин создает произведения оригинальные, во многом отличные по своему содержанию и поэтической форме от байроновских. «Евгений Онегин», в характеристике Бэринга, — не стихотворная шутивая новелла (наподобие «Беппо»), не авантюрно-сатирическая и не описательная лироэпическая поэма (по типу «Дон Жуана» и «Паломничества»), но «реалистический роман» («It is a realistic novel; as real as Tolstoy») (Ibid., p. 74); «Полтава» же повествует не столько о Мазепе и его драматической судьбе, сколько об исторической роли Петра в возвышении России.

Более того, указывая на черты, которые в «Евгении Онегине» восходят к байроновскому «Дон Жуану» (изображение современности, лирические отступления, частая смена интонаций) (Ibid., p. 79), Бэринг завершает освещение проблемы «Пушкин и Байрон» эстетической оценкой их творчества: «Есть [между этими произведениями] и другое различие —

² Против этого стереотипа, не до конца побежденного в представлениях среднего английского обывателя и сегодня, автор статьи под названием “Russia’s Byron?” вынужден возражать в весьма резкой форме: “So often hailed as the Russian Byron, that description in fact pays scant justice to Pushkin, who was a far greater poet than his English counterpart.” (Russia’s Byron? // The Irish Times. January 10, 1999. <https://www.irishtimes.com/culture/russia-s-byron-1.194184>).

различие, которое можно отнести к Пушкину и Байрону вообще. У Пушкина отсутствует неровность; его произведения в аспекте мастерства целиком соответствуют самым высоким требованиям. Можно наслаждаться ими как в целостности их формы, так и <...> любой их отдельной частью <...>; тогда как Байрона нужно читать целиком или же не читать вообще – поскольку Пушкин как поэт безупречен, Байрон же – нет» («There is another difference – a difference which applies to Pushkin and Byron in general. There is no unevenness in Pushkin; his work, as far as craft is concerned, is always on the same high level. You can admire the whole, or <...> any single passage <...>; whereas Byron must be taken as a whole or not at all – the reason being that Pushkin was an impeccable artist in form and expression, and that Byron was not») (Ibid., p. 80).

К проблеме «Пушкин и Байрон» Бэринг возвращается в последний раз ближе к концу главы, когда пытается набросать психологический портрет русского поэта. Утверждая, что Пушкин не был «ни мятежником, ни реформатором», «ни либералом, ни консерватором», Бэринг сопоставляет русского поэта в аспекте мировоззрения с Гете (с оговоркой относительно пылкого пушкинского темперамента) и противопоставляет Сократу, Шелли и – Байрону (Ibid., p. 62–92). И поясняет: «В своем отношении к обществу он был подобен Гете, и отношение света и официальных лиц к нему напоминает отношение Веймара к Гете» (“He was like Goethe in his attitude towards society, and the attitude of the social and official world towards him resembles the attitude of Weimar towards Goethe”) (Ibid., p. 93). Углубляет эту характеристику ссылка на знаменитую «Пушкинскую речь» Достоевского: «Что делает его глубоко и подлинно русским, так это всеобъемлющая человечность – Достоевский говорит о его всеотзывчивости...» («And it is just this all-embracing humanity – Dostoyevsky calls him *πανάνθρωπος* <...> which makes him so profoundly Russian») (Ibid., p. 96). Для Бэринга, с его религиозным мировидением, это означало, конечно, «предпочтительность» пушкинского мировоззрения перед мировидением Байрона.

Таким образом, вопрос о влиянии Байрона на Пушкина решается Бэрингом через подчеркнутое выделение новаторства русского поэта в пересоздании заимствуемых им у Байрона жанровых форм, типа героя и черт поэтики, через выделение глубинной «русскости» пушкинского творчества, а также через утверждение превосходства русского поэта над английским в поэтическом мастерстве и (не так прямолинейно) – в мировоззрении.

Д. Мирский о Байроне и Пушкине (в диалоге с М. Бэрингом и В.М. Жирмунским)

Д.С. Мирский – «главный спец по русской литературе для англофонов» (в характеристике М.В. Ефимова) (Ефимов, 2019), сформировавший «своеобразный канон русской литературы для западного мира» (Ефимов,

2018, с. 3), — имел с Бэрингом личное знакомство еще со времени жизни обоих в Петербурге. Упоминание о его «восхитительном» прозаическом переводе пушкинского «Пророка» (который был дан Бэрингом в комментированной выше главе о Пушкине) в первом томе «Истории русской литературы» (Mirsky, 1926, p. 98) красноречиво свидетельствует о доброжелательном внимании, с которым Мирский отнесся к «Очерку...». Неудивительно, что стратегии, выбранные Бэрингом в качестве ключевых для характеристики пушкинской поэзии — в том числе, в ее отношении к поэзии Байрона, — были положительно восприняты Мирским и нашли отражение в его главе о Пушкине.

Мирский, как известно, написал о Пушкине небольшую монографию в биографическом ключе (*Pushkin*, 1926). Однако, в отличие от его двухтомного труда по истории русской литературы, эта книга, по свидетельству заслуженного профессора Оксфордского университета Джеральда Смита, не сыграла значительной роли в восприятии русской литературы в Британии: «Вот уже почти девяносто лет написанная Мирским по-английски «История русской литературы» имеет статус классической. При этом остальные англоязычные книги Мирского (достаточно назвать две наиболее значительные — «Пушкин» и «Россия: социальная история»), хотя и переиздавались время от времени, но для западного читателя остались периферийными» (Смит, 2014, с. 5). Кроме того, вопрос о Байроне и Пушкине подробно разбирается и в его «Истории...», поэтому обращение именно к ней в этом аспекте представляется оправданным.

В отличие от Бэринга, Мирский не сопоставляет пушкинский стиль или образы со стилем и героями английских поэтов и писателей. Однако стратегия приближения Пушкина к английскому читателю отчасти им также реализуется, но в другой форме: он не только пространно описывает особенности восприятия Пушкиным Байрона, не только упоминает о влиянии Шекспира на русского поэта в связи с трагедией «Борис Годунов», но и выделяет роль английских источников (Б. Корнуолла, У. Ченстона, Дж. Вильсона) в создании «маленьких трагедий», заключая вводное слово о них следующим замечанием: «Таким образом, «маленькие трагедии» можно считать во многом подсказанными английской культурой» («Thus the Little Tragedies may be regarded as largely due to English suggestion») (Mirsky, 1949, p. 96).

Более того, опираясь на «моду на все русское» и особенно — на популярность русского романа, утвердившиеся в Англии в 1920-е гг., в стратегии «сближения» Пушкина с английским читателем он делает ставку именно на это и на соответствующие «фоновые знания». Так, характеризуя значение «Евгения Онегина» для русской литературы, он выделяет в нем «тип реализма» («kind of realism»), «способ изображения характеров» («style of character drawing»), «сами характеры» («characters themselves») и «построение сюжета» («construction of the story») как определяющие факторы («fountainheads») для «позднейшего русского романа»

(«the later Russian novel») (Ibid., p. 88). Это общее замечание он разворачивает в обширный абзац, особенно выделяя в ряду известных английскому читателю русских романистов если не наиболее признанного, то наименее уязвимого с эстетической точки зрения — Тургенева.

По всей видимости, влиянием Бэринга подсказано и «этно-эстетическое» замечание относительно «русскости» пушкинского «Каменного гостя». Мысль о том, что «реалистичность» и «классическая простота» пушкинского творчества есть высшее выражение русского духа, русского характера, в работах Бэринга звучит многократно (с добавлением некоторых других признаков). У Мирского эта мысль приобретает несколько иное качество, переключаясь собственно с «духа» на «язык» и национальную «поэзию», и высказывается лишь однажды именно в связи с этой «маленькой трагедией». И все же преимущество бэринговской мысли налицо. Называя «Каменного гостя» «наиболее русским» из всех пушкинских произведений, Мирский поясняет: «...Оно достигает того, чего можно достичь только на русском языке: она одновременно классична, разговорна и поэтична, <...> она воплощает в своем совершенстве все наивысшие стремления русской поэзии: ее борьбу за выдержанное, безыскусное, реалистичное и лирическое совершенство» («...It achieves what can be achieved only in Russian, in being at once classical, colloquial, and poetical, and because it embodies in their perfection all the best aspirations of Russian poetry — its striving towards selective, unornamental, realistic, and lyrical perfection») (Ibid., p. 97).

Вслед за Бэрингом Мирский, описывая восприятие Пушкиным поэзии Байрона, настойчиво проводит мысль о творческой самостоятельности русского поэта. Более того, его вводные высказывания по своей логике и синтаксической модели подобны высказыванию Бэринга, ср.: “In speaking of the influence of Byron over Pushkin it is necessary to discriminate” («Говоря о влиянии Байрона на Пушкина, необходимо провести разграничительную линию») (Baring, 1915, p. 62) — «But the nature of this [Byron’s] influence must be clearly understood» («Но характер этого [байроновского] влияния должен быть понят правильно») (Mirsky, 1949, p. 85).

Так же, как его предшественник, Мирский борется со стереотипным представлением о подражательстве Пушкина Байрону, но борется с позиции филологической точности. Обозначая границы влияния английского поэта на русского, Мирский сразу выделяет линию стилистическую (противопоставляет «точный и логичный стиль» пушкинской поэзии «небрежной риторике» байроновской: «His exact and logical style is poles apart from Byron’s untidy rhetoric») и линию жанровую («влияние Байрона ограничено нарративными [лироэпическими] поэмами этого периода, и в них только выбор предмета и расположение материала связаны с байроновскими поэмами»: «Byron’s influence is limited to the narrative poems of this period, and in these it was the choice of

subject and the disposition of the material that are due to Byron») (Ibid., p. 85). Что касается рамок хронологических, он постепенно раздвигает их, говоря о влиянии Байрона и на «Цыган», и на «Евгения Онегина», и на «Полтаву», и на «Домик в Коломне». Однако только на примере «южных поэм» Мирский разбирает в некоторых деталях особенности восприятия Пушкиным байроновской поэтики.

Кроме стратегии борьбы со стереотипным представлением о вторичности пушкинской поэзии и некоторого налета «культурологичности», Мирского объединяет с Бэрингом и стремление дать эстетическую оценку: Пушкин и у Мирского «возносится» над Байроном, а заодно и над Стерном как поэт, который достиг вершин и поэтического совершенства, и поэтической свободы, — но здесь эта мысль, как и «культурологичность» подхода, выражена весьма осторожно, как бы намеком. Она читается в сопоставительных характеристиках пушкинского и байроновского стилей, приведенных выше. Оно же «мелькает» в выделении «описательных фрагментов» в «Кавказском пленнике» и «Бахчисарайском фонтане» как наиболее «оригинальных» и «самых прекрасных» частей этих поэм («The most original and the most beautiful parts in both poems are the purely descriptive passages») (Ibid., p. 86).

В то же время Мирский гораздо более детально и точно описывает то, каким образом Пушкин заимствует и преобразует черты байроновской поэтики, тип байронического героя. Будучи «заинтересованным читателем формалистов и ретранслятором <...> их историко-литературной практики в своих англоязычных работах» (Ефимов, 2018, с. 17) начала 1920-х гг., ведя в этот период интенсивную переписку с В.М. Жирмунским, Мирский, разумеется, не мог пройти мимо работы «Байрон и Пушкин», опубликованной двумя годами ранее выхода в свет его «Истории...» и «Пушкина». Более того, он дает высокую оценку этому труду в рецензии, написанной для «Современных записок» и опубликованной там в июне 1925 г. (Святополк-Мирский, 1925), и упоминает о ней в монографии «Пушкин» (Mirsky, 1963, p. 236). Точные наблюдения Жирмунского над формой и содержанием пушкинских произведений в их отношении к адаптируемым элементам байроновской поэзии, так же как общее внимание Мирского к достижениям русского формализма, способствовали выработке его взгляда на вопрос о Пушкине и Байроне.

Излагая этот взгляд в свойственной ему эссеистичной манере, Мирский перечисляет в ряду заимствуемых Пушкиным «элементов»-образов «восточную красавицу» («oriental beauty») «с ее жаркой и преданной любовью» («with her fierce or devoted love»), «разочарованного героя» («disillusioned hero») с «сильными страстями в прошлом» («with strong passions in the past»), «восточного властелина, угрюмого и молчаливого» («the oriental potentate, grim and silent»), и восточный колорит («the hot atmosphere of 'the clime of the East'»). Особо оговаривает он черты

«повествовательной манеры» («narrative manner») Байрона, также перенимаемые Пушкиным: фрагментарность композиции, сообщающую рассказу особый драматизм («fragmentary and dramatic manner of presentation»), неожиданность начала («beginning in medias res»), резкие переходы от одного эпизода к другому («abrupt transitions»), лиричность эпилога («lyrical epilogues») (Mirsky, 1949, p. 86).

К сожалению, точные наблюдения над особенностями поэтической формы у Мирского не затрагивают таких освещаемых в работе Жирмунского сторон, как лирическая манера повествования, характерные для описания внешности героя и героини приемы, мотивировка и сам характер отчужденности героя, характер идеализации и психологический портрет героини; не касается ученый и вопроса соотношения «восточного» у Байрона и Пушкина. Вообще, то, что касается особенностей преобразования черт поэтики Байрона в «южных поэмах» Пушкина, остается вне поля зрения Мирского. Он ограничивается краткими замечаниями о «классичности» стиля Пушкина, экспериментальном характере «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана» как «упражнений на заимствованную тему» («exercises on a borrowed theme») и «поверхностном» влиянии «духа Байрона» на Пушкина («But the Byronic spirit was only superficially assimilated by Pushkin») (Ibid.).

Филологическая точность и детализированность взгляда практически теряются, когда речь идет о более поздних произведениях Пушкина, «подсказанных» Байроном — «Евгении Онегине», «Полтаве», «Домике в Коломне». В отношении последнего Мирский коротко отмечает его жанровое и строфическое (в октавной организации) подобие байроновскому «Беппо». О «Полтаве» говорит, что она восходит к Байрону только в жанре лироэпической поэмы («narrative in verse with a lyrical coloring») и в отрывочности композиции («abrupt passages from episode to episode»), полностью игнорируя очевидную полемику поэмы с байроновским «Мазепой» (Ibid., p. 90). По поводу отношений «романа в стихах» к «Дон Жуану» Мирский замечает, что Пушкин именно благодаря этой байроновской поэме вдохновился идеей «написания большой нарративной [лироэпической] поэмы в строфах» («writing a long narrative poem in stanzaed verse») на тему, «взятую из современности» («taken from contemporary life»), и со сменой интонаций «от серьезного к веселому» («a tone mingled of gravity and gaiety») (Ibid.). И, переходя к описанию содержания и поэтики «Евгения Онегина», добавляет: пушкинское произведение не имеет ключевых характеристик байроновской поэмы — ее «мореподобного размаха» («sea-like sweep») и «сатирической мощи» («satiric power») (Ibid., p. 87).

Вопросы о поэтике лирических отступлений, о соотношении голоса автора и героя, об игре с байроническим героем и в байронического героя, о некоторой соотнесенности образа Евгения Онегина с образом байроновского Дон Жуана, о подобии произведений в чертах стилистического разнообразия и стилистической игры Мирский оставляет в

стороне. Можно предположить, что такая резкая смена перспективы пристального компаративного (сравнительно-исторического) взгляда перспективой взгляда размытого, схватывающего лишь самые общие черты подобия, обусловлена отсутствием литературоведческой опоры в компаративных исследованиях. Что касается «южных поэм», эту опору Мирскому дала монография Жирмунского; для составления компаративного очерка в отношении более поздних произведений Пушкина у Мирского такой опоры не было.

Подтверждением этому служит тот факт, что Мирский, вслед за Жирмунским, отмечает необыкновенную популярность в русской литературе 1820-х гг. жанровой формы лироэпической поэмы. И, указывая на многочисленные подражания «южным поэмам» Пушкина, выделяет «Чернеца» Козлова как произведение, вступившее в прямой (а не опосредованный Пушкиным) диалог с байроновскими «восточными повестями» и породившее, как и пушкинский «Кавказский пленник», огромное количество подражаний (Ibid., p. 99).

Имагологический посыл и коммуникативные стратегии в книге Я. Лаврина о Пушкине и русской литературе

Стратегиями, избранными Бэрингом, во многом определяется описание отношений «Пушкин — английская культура» и «Пушкин — Байрон» в послевоенной научно-популярной книге «Пушкин и русская литература» (*Pushkin and Russian Literature*, 1947), вышедшей в серии «Самоучитель по истории» («Teach yourself history library») из-под пера Янко Лаврина — профессора славистики в университете Ноттингема и друга Д.С. Мирского с начала 1920-х гг. Лаврин, как и Бэринг, стремится приблизить Пушкина к английскому читателю и утвердить оригинальность его творчества, осветив восприятие поэзии Байрона в нем как пересоздание. Более того, в условиях разворачивания нового витка противостояния между Британией и Россией (СССР) на начальном этапе лолодной войны Я. Лаврин, очевидно, ставит своей задачей максимально выделить все, что сближает русскую и английскую культуры, как бы нивелировать в поле научно-просветительском, культурном те острые противоречия, которые наметились в поле политическом. При этом в решении проблемы «Пушкин — Байрон» ученый, по всей видимости, учитывает работы Д.С. Мирского.

Уже во вступительном замечании автор старательно указывает на связующую роль Пушкина между английской и русской культурой, объясняя свое «особое внимание» к русскому поэту «наиболее животрепещущей связью» его творчества «с английской литературой» («Special attention has been paid to Pushkin as the most vital link between Russian and English literature») (Lavrin, 1947, p. ix). Главу же о Пушкине Лаврин начинает сравнением роли Петра I в исторической судьбе России

с ролью Пушкина в развитии русской культуры – относительно Европы и европейской культуры: «Если Петр I «присоединил» Россию к Европе и, в то же время, сделал ее могущественной державой, то Александр Сергеевич Пушкин <...> достиг <...> подобных результатов в области русской литературы и <...> русской культуры в целом» (“If Peter I ‘annexed’ Russia to Europe and at the same time turned her into a Great Power, Alexander Sergeyevich Pushkin <...> achieved <...> something similar with regard to Russian literature and, for that matter, Russian culture in general”) (Ibid., p. 17). Эту параллель Лаврин объясняет не столько психологическим сходством двух гениев, не столько характером их одаренности, сколько «этнопсихологическим» основанием их личностей – и в этом стремлении вычленив в русских гениях сущностные черты русского национального характера снова слышен отзвук сочинений Бэринга.

Первоначально с имплицитной, а затем и с эксплицитной опорой на «Пушкинскую речь» Достоевского (и, по всей видимости, на размышления Мережковского о Пушкине и Петре) ученый так поясняет подобие личностей царя и поэта: «Они взаимоподобны в своей широте, в способности ассимилировать [чужое], в интуитивном схватывании духа времени, равно как в русскости характера; <...> их космополитические симпатии не <...> нарушили того, что было сущностно русским в обоих» («They resembled each other in their broadness, their assimilative power, their intuitive awareness of the Zeitgeist, as well as in their Russian character; <...> their cosmopolitan sympathies did not <...> interfere with what was essentially Russian in both») (Ibid.).

Как и Бэринг, вслед за Достоевским, в способности «ассимилировать чужое», во всеотзывчивости Пушкина Лаврин видит ярчайшее проявление русского национального характера. При этом он снова старательно разворачивает и высказывание Достоевского, и схваченную черту пушкинского творчества в сторону Англии и английского читателя. Отнюдь не точно интерпретируя Достоевского, Лаврин утверждает: писатель «подразумевал, что произведения Пушкина <...> воплотили вектор приближения к тому культурному синтезу Европы и России, которое Достоевский мыслил как одну из основных целей, которые должна ставить и даже достичь Россия» («meant <...> that Pushkin’s work as a whole embodied the nearest approach to that cultural synthesis between Europe and Russia which Dostoevsky himself saw as one of the tasks to be aimed at and perhaps achieved by Russia»). И приводит эту «вариацию на тему Достоевского» к выводу в логике избранной коммуникативной стратегии: «И поскольку среди тех элементов западной культуры, которые способствовали формированию его творчества и его гения, английская литература сыграла наиболее значительную роль, он [Пушкин], кроме всего прочего, является важной связующей нитью между Британией и Россией» («And since among those Western elements which helped to shape his work and his genius English literature played a most important part, he is

among other things a vital cultural link between Great Britain and Russia» (Ibid., p. 76).

Применяя этот тезис к теме «Пушкин — Байрон», Лаврин отмечает в «южных поэмах» лироэпический характер их жанра («new pattern of poetic narrative»; «its lyrical tonality»), фрагментарность композиции («fragmentary character»), романтическую тему («romantic themes») как черты, заимствованные из «восточных повестей». Удивительным образом выпуская из внимания тип героя, он сразу подводит черту, указывая, что из этого художественного материала Пушкин создает оригинальные произведения («But having done this he went his own way...») (Ibid., p. 94). Пробел в отношении типа героя он восполняет в монографии, изданной годом позднее, — «От Пушкина к Маяковскому»: в ней, в частности, говорится, что в «Кавказском пленнике» и «Цыганах» Пушкин «ввел в русскую литературу тип отчужденного героя, Чайльд Гарольда» («in *The Prisoner of the Caucasus* and in *The Gipsies* he introduced into Russian literature the uprooted Childe Harold type») (Lavrin, 1948, p. 21). И уточняет: «Этот сущностно романтический герой помещен в реалистическую обстановку» («This essentially romantic hero is shown in a realistic setting»). А затем дает короткую характеристику динамике изображения типа байронического героя у Пушкина: «Позже, в «Цыганах», он развенчал не только его [этого героя] эгоизм, но и ошибочность руссоистско-байронической идеи «возвращения к природе». <...> В конечном итоге, Пушкин развенчал и байроническую позу [разочарованности], мода на которую распространилась в его время и на берегах Невы, в своем знаменитом «Евгении Онегине» («Later, in *The Gipsies*, he debunked not only his egotism, but also the fallacy of any Rousseausque-Byronic “back to nature” tendency. <...> Finally, Pushkin debunked the Byronic poseur, fashionable in those days also on the banks of the Neva, in his famous *Eugene Onegin*») (Ibid.).

В своей первой монографии Лаврин ограничивается общими фразами о «байронических штрихах» (“Byronic touches”) в «Цыганах» и «Евгении Онегине» и сразу переходит к обобщенному суждению, в котором слышатся отзвуки оценок как Бэринга, так Мирского: «Байрон послужил Пушкину основой для [понимания] собственного своеобразия <...> Ни байроновская риторика, ни байроническая поза никогда не смогли „заразить“ его» («Pushkin made use of Byron only as a stepping-stone towards his own originality <...> Neither Byron’s rhetoric nor Byron’s pose could ever infect him») (Lavrin, 1947, p. 95).

Более подробно останавливаясь на контактной связи пушкинской «Полтавы» с байроновским «Мазепой», Лаврин синтезирует стратегии «оправдания» и «возвышения» Пушкина со стратегией приближения его к английскому читателю. В целом, в контексте его имплицитного пафоса противостояния идеологии холодной войны, все избираемые стратегии сливаются в его книге в одну общую линию «оправдания» русской культуры и русской истории. Отмечая, что Пушкин берет в качестве

эпиграфа к своей поэме отрывок из «Мазепы», он указывает на принципиальную разницу в изображении главного героя: «...Тогда как Байрон изобразил в романтическом ореоле одно из юношеских приключений Мазепы, Пушкин запечатлел его исторически правдиво и на вершине карьеры: как жестокого, тщеславного старого интригана, готовящего заговор в пользу шведского короля Карла XII против Петра Великого» («...Whereas Byron described one of Mazepa's youthful adventures in a romantic halo, Pushkin portrayed him at the height of his career and true to history: as a cruel, vainglorious old intriguer plotting with the Swedish king Charles XII against Peter the Great») (Ibid., p. 107–108).

Заключение

Общим выводом к рассказу об особенностях конструирования нарратива о сущности, аспектах, степени и динамике воздействия Байрона на Пушкина в британской пушкинистике 1910–1940-х гг. могло бы стать следующее положение: начиная с М. Бэринга, британские исследователи последовательно решали этот вопрос с опорой на коммуникативно-исследовательские стратегии приближения Пушкина к британскому читателю и борьбы со стереотипом о подражательности его творчества. Эти стратегии в той или иной степени сочетались с принципами исторической периодизации творчества Пушкина (историзации нарратива) и эстетической оценки его произведений, а также некоторой (имагологически заряженной) культурологичностью подхода. Взятая в последовательности написания и опубликования работ, британская пушкинистика этого периода обнаруживает свойство накопления и переработки исследовательского опыта, причем не только отечественного (то есть британского), но и советского. Ее ориентация на «горизонт читательских ожиданий», проявившая себя уже в выборе коммуникативно-исследовательских стратегий, в контексте социально-политической ситуации холодной войны задала общий вектор «оправданию» и «возвышению» Пушкина как способу «оправдания» русской культуры и истории. Ощутимым центром такого метонимического сближения стал аналитический разбор Я. Лавриным полемики Пушкина с Байроном на материале его лирико-героической поэмы «Полтава».

Парадоксальным (и, в то же время, закономерным) образом именно этот пушкинский текст стал едва ли не самой горячей точкой для нового идеологического, имагологического поворота в начале XXI в.: сегодня через постколониальный дискурс в британскую пушкинистику проникает нарратив «обвинения» пушкинской «Полтавы» в искажении истории, параллельного «оправдания» байроновского «Мазепы» и, в тесной связи с этим, резкой критики истории России как истории жестокого колониализма. Именно об этом статья преподавателя русской литературы и компаративистики Бристольского университета Коннора Доука,

опубликованная в журнале *Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies* (Doak, 2010). В «новой реальности» этого текста Пушкин «сочиняет пародию» на байроновскую поэму («the poem's primary function is to parody Byron» (Ibid., p. 88)) и тем самым «очерняет» Мазепу («The poem's vilification of Mazepa» (Ibid., p. 83)), а русские, соглашаясь с Пушкиным в его оценках, становятся колонизаторами, которые глумятся над колонизованным народом («how should a colonized people respond to traditional commemorations of colonial victories?» (Ibid., p. 84)). Над Пушкиным, «Полтавой», русской культурой, а заодно и украинским народом возносится в этой статье байроновский Мазепа, чье мужественное и спокойное приятие поражения прямо указано автором статьи как пример для всеобщего подражания.

Список литературы

- Алексеев М.П. Пушкин на Западе // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. 1937. Вып. 3. С. 104–151.
- Володько А.В. «Непостижимая связь между нами»: Морис Бэринг и Россия // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 165–178.
- Гольцшвее А.И. Пушкин в английской критике 50–60 гг. // Ученые записки ГПИ им. А.И. Герцена. 1970. Т. 434: Пушкин и его современники. С. 205–210.
- Григорьев А.Л. Пушкин в зарубежном литературоведении // Пушкин: Исследования и материалы. 1974. Т. 7: Пушкин и мировая литература. С. 221–250.
- Ефимов М. Весьма мучительное свойство. К 80-летию гибели Д.П. Святополк-Мирского // Звезда. 2019. № 6. <https://magazines.gorky.media/zvezda/2019/6/vesma-muchitelnoe-svoystvo.html?ysclid=lvq7gwiyyh928437608>
- Ефимов М.В. Д.П. Святополк-Мирский — историк русской литературы и литературный критик. Годы эмиграции (1920–1932): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 2018. 390 с.
- Королева С.Б. Диалогические контексты художественного перевода: Пушкин в интерпретации Мориса Бэринга / отв. ред. А.В. Иванов // Современная германистика и западноевропейская литература. Вып. 5. М.: Флинта, 2023. С. 139–157.
- Остафьевский архив князей Вяземских / под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 1.
- Смит Дж. Параболы и парадоксы Д. Мирского / сост. О.А. Коростелев, М.В. Ефимов // Мирский Д. О литературе и искусстве: статьи и рецензии, 1922–1937. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 5–32.
- Сунрун Т.Н. Английские русофилы на рубеже XIX–XX веков. Англичане с русской душой // Виноград. 2007. № 1 (17). <https://vinograd.su/education/detail.php?id=42954>
- Святополк-Мирский Д. [Рец.] Издания Российского Института Истории Искусств // Современные записки. 1925. № 24. С. 434–438.
- Baring M. Landmarks in Russian Literature. New York: The Macmillan & Co, 1912. 299 p.
- Baring M. An Outline of Russian Literature. New York: H. Holt & Co; London: Williams & Norgate, 1915. 256 p.
- Baring M. Introduction // The Oxford Book of Russian Verse. Oxford: Clarendon Press, 1971. P. xiii–xliv.
- Baring M. The Russian People. London: Methuen & Co, 1911. 366 p.
- Bayley J. Looking in on Pushkin // The New York Review. 1983. February 3. <https://www.nybooks.com/articles/1983/02/03/looking-in-on-pushkin>

- Doak C.B.* Poltava at 300: Re-reading Byron's *Mazeppa* and Pushkin's *Poltava* in the Post-Soviet Era // Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies. 2010. Vol. 24. Nos. 1–2. P. 83–101. <https://miskinhill.com.au/journals/asees/24:1-2/poltava-at-300.pdf>
- Lavrin J.* Pushkin and Russian Literature. London: Hodder & Stoughton Ltd, for the English University Press, 1947. 226 p.
- Lavrin J.* From Pushkin to Mayakovsky. A Study in the Evolution of a Literature. London: Sylvan Press, 1948. 309 p.
- Mirsky D.S.* A History of Russian Literature. London: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1949. 518 p.
- Mirsky D.S.* Pushkin. New York: Dutton & Co, 1963. 266 p.
- Pushkin in English: A list of works by and about Pushkin / A. Yarmolinsky (ed.). New York: The New York Public Library, 1937. 32 p.

Сведения об авторе:

Королева Светлана Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков, перевода, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации, Высшая школа перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а . ORCID: 0000-0002-7587-9027. E-mail: svetlakor0808@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-431-439

EDN: FNLYXC

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Повесть И.С. Тургенева «Вешние воды» как трагедия в прозе: внутреннее принуждение к миметическому соперничеству как гамартия Санина

Ш. Липке

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ stephanlipkesj@gmail.com

Аннотация. В данной статье мы ставим целью рассмотреть повесть И.С. Тургенева «Вешние воды» как трагедию в прозе. Изучение основной фабулы повести с помощью методов нарратологии показывает, что в ней соблюдено единство пространства, времени и действия, требуемое Аристотелем. Символикой упомянутых в повести произведений искусства («Ариадны» Дантекера и «Юдифи» Аллори) рано предсказывается моральная гибель Санина, то, что он станет «рабом» Марьи Николаевны. В связи с этим мы можем сказать, что в повести присутствует не только трагизм, но и основные элементы жанра трагедии, за исключением тех, которые напрямую связаны со сценой и декламацией. Движущим элементом трагедии является гамартия Санина. Опираясь на теорию Р. Жирара, мы приходим к следующему выводу: гамартия Санина – это его внутреннее принуждение соответствовать чужим ожиданиям, тем самым вступая в миметическое соперничество с другими мужчинами. На это особенно указывают имена и фамилии мужских персонажей. Санин, который мог бы быть больше «Пантелеймон», «Эмиль», «Клюбер» и «Денгоф», нежели остальные герои, в итоге падает и «ползает» перед Марьей Николаевной больше, чем Полозов. В то же время обрамляющее действие оставляет открытой возможность катарсиса и нравственного обновления не только для читателя, но и для главного героя.

Ключевые слова: трагедия, персонаж, фабула, символика, катарсис, Р. Жирар, экфрасис, мужские имена

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 февраля 2024 г.; отрецензирована 20 мая 2024 г.; принята к публикации 20 июня 2024 г.

© Липке Ш., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Липке Ш.* Повесть И.С. Тургенева «Вешние воды» как трагедия в прозе: внутреннее принуждение к миметическому соперничеству как гамартия Санина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 431–439. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-431-439>

Ivan Turgenev's Tale "Torrents of Spring" as a prose tragedy: inner compulsion for mimetic competition as Sanin's hamartia

Stephan Lipke

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ stephanlipkesj@gmail.com

Abstract. We study Ivan Turgenev's tale "Torrents of Spring" as a prose tragedy. In the inner story, the unity of place, time, and action, so crucial to Aristotle's concept of the tragedy, is observed. The analysis of the pieces of art mentioned in the story (Danneker's "Ariadne", Allori's "Judith") shows that there is also another element that is widespread in tragedies, predictions of the main character's moral downfall and 'enslavement' to Maria Nikolaevna. For this reason, we can say that the tale is not only filled with tragic elements but can with full right be called a tragedy that contains the principal elements of this genre, with the exception of those referring directly to the scene or to declamation. Using René Girard's theory, by studying the names of the other male characters, we can tell that the factor that moves the tragedy is Sanin's hamartia, that is his inner compulsion to fulfill other people's expectations, thus entering into mimetic competition with the other men. Sanin, who might have excelled Panteleimon, Émile, Klüber, and Dönhoff, finally creeps more than Polozov. However, the frame story allows for a potential catharsis, not only for the reader but also for Sanin himself.

Key words: tragedy, character, plot, symbolism, catharsis, René Girard, ekphrasis, male names

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 10, 2024; revised May 20, 2024; accepted June 20, 2024.

For citation: Lipke, S. (2024). Ivan Turgenev's tale "Torrents of Spring" as a prose tragedy: Inner compulsion for mimetic competition as Sanin's hamartia. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 431–439. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-431-439>

Введение

Повесть «Вешние воды» вписывается в концепцию «психологической прозы» Лидии Яковлевны Гинзбург, согласно которой И.С. Тургенев на протяжении всего своего творчества старается с точностью выразить душевные переживания героев (Гинзбург, 1999, с. 61). Как правильно

отмечает Г.И. Романова, в связи с этим в повести «Вешние воды» он движется в двух направлениях — автобиографизма и мифа (Романова, 2018, с. 86–87), следуя той же интуиции, которая немногим позже вдохновит и З. Фрейда: мифы, рассказывая о том, «чего никогда не было и что всегда есть» (Саллюстий), доходят до самых глубин того, что было до всякой истории; люди одновременно осознают и чувствуют то, что происходит в глубине индивидуальной души, вплоть до бессознательного, возникшего в том раннем детстве, которого человек «не помнит». Поэтому весьма уместно, что Г.Н. Боева называет «Первую любовь» Тургенева «предвкушением фрейдизма» (Боева, 2019, с. 80). О таком «предвкушении фрейдизма» в «Вешних водах» невольно свидетельствует то, что в размышлениях взрослого Санина человек в конце жизни отправляется «бук в бездну» (Тургенев, 1981, с. 256; см. Басова, 2013, с. 52), а не, например, «в могилу» или «в яму», как можно было бы также выразиться.

В связи с этим и мы здесь уходим «в бездну» глубокой древности. Это будет не миф как сюжет, а одна из древнейших жанровых форм его представления — трагедия. Одновременно уходим «в бездну» человеческой души и вековых межчеловеческих конфликтов, следуя концепции Рене Жирара, согласно которому Фрейд неправ, потому что мимесис как таковой древнее даже сексуального желания, а сексуальное желание возникает в человеке только потому, что он видит, что другие (старшие) его испытывают и удовлетворяют (Жирар, 2010, с. 58–59).

Научная новизна данной статьи заключается в том, что мы изучаем связи между печальным провалом мечтаний и идеалов Санина и его глубинной склонностью к миметическому соперничеству. Согласно нашей гипотезе, мы являемся свидетелями трагедии провала, неизбежной потому, что Санина характеризует непреодолимое внутреннее принуждение к миметическому соперничеству, а именно: показать Ананке, при встрече с мужчинами, что он больше их соответствует идеальному образу мужчины.

При этом, принимая позицию В.И. Тюпы, согласно которой в художественной литературе XIX в. бывает трагизм вне зависимости от жанра трагедии (Тюпа, 2012, с. 24), мы все-таки считаем, что в нашем случае трагизм на самом деле порождает именно трагедию в духе Аристотеля и его последователей, и что есть множество элементов, благодаря которым можно причислить повесть к данному жанру, за исключением, разумеется, тех, которые связаны со сценой и декламацией.

Для изучения этого трагизма мы — также впервые — системно обращаем внимание на символику, скрытую в произведениях искусства, упомянутых Тургеневым, а также в именах и фамилиях мужских героев повести.

Трагедия в прозе

«Вешние воды» сближает с «Поэтикой» Аристотеля уже то, что действие, кроме обрамляющих эпизодов, отличается «единством пространства, времени и действия», свойственным классической трагедии: речь идет о том, как в пространстве между Франкфуртом, Зоденом, Ганау и Висбаденом в течение всего лишь нескольких дней Санин испытывает счастье любви к Джемме и теряет эту любовь, покоряясь Марье Николаевне.

Более того, согласно Аристотелю, ключевую роль в трагедии играет склонность человека к «подражанию» с самого детства (Аристотель, 1998, с. 1068). Санин же «не мог довольно надивиться» Джеммой именно в тот момент, когда, читая забавные истории Мальца, она подражает изображенным в них героям (Тургенев, 1981, с. 268).

Кроме того, в трагедиях часто предсказывается гибель героя, которой тот старается избежать, но которая все же неизбежно наступает: достаточно вспомнить предсказания родителям Эдипа, Макбету, пролог «Ромео и Джульетты» или проклятие самого себя Фаустом в момент пакта с Мефистофелем. Причем предсказание бывает не всегда в самом начале трагедии. Повесть же Тургенева чрезвычайно богата предсказаниями (правда, не Санину, а читателю), которые затем сбываются. Например, Санин рассматривает «Даннекерову Ариадну» (Там же, с. 257) — скульптуру, изображающую девушку, подчинившую себе барса (Liebighaus Skulpturensammlung). У Джеммы «волнистый лоск волос, как у Аллориевой Юдифи в Палаццо-Питти» (Там же, с. 260). Тем самым Тургенев напоминает о Юдифи, по библейскому повествованию покорившей себе и убившей Олоферна. Здесь предсказывается судьба Санина в связи со встречами с Марьей Николаевной, тем более что художник Аллори изобразил голову убитого Олоферна со своим же лицом (Le Gallerie degli Uffizi).

Более того, игра Панталеоне с пуделем в Наполеона и Бернадота, в конце которой Панталеоне внезапно переходит на итальянский язык, называя пуделя «traditore» («предатель») (Тургенев, 1981, с. 279), предсказывает ту сцену, когда Санин уже изменил Джемме, и Панталеоне называет его «traditore», причем призывая именно пуделя лаять на Санина (Там же, с. 378).

Соответственно, можно назвать повесть «трагедией в прозе». Но это возможно только благодаря трагическому модусу повествования: как пишет В.И. Тюпа, в трагизме герой, с одной стороны, слышит «императив долженствования» и знает, что именно он обязан делать, но, с другой стороны, его «граница личностного самоопределения оказывается *шире* ролевой границы присутствия „я” в мире» (Тюпа, 2001, с. 192, выделение его же), что «делает героя в силу его внутренней свободы „неизбежно виновным” (Шеллинг) перед лицом миропорядка» (Там же).

Именно это происходит с Саниным: он много раз «слышит», как ему следует действовать. После оскорбления Джеммы Денгофом Санин

подходит к офицеру, говоря: «То, что вы сейчас сделали, милостивый государь, недостойно честного человека, недостойно мундира, который вы носите». О себе же он говорит: «Я не могу равнодушно видеть такую дерзость» (Тургенев, 1981, с. 286). Здесь отчетливо показано, что герой обязан определенному идеалу чести и видит своим долгом быть верным ему.

При первом знакомстве с Марьей Николаевной он говорит себе о ней: «О, да, с тобой держи ухо востро» (Там же, с. 349). О чувстве долга свидетельствует то, что он «в азартные игры никогда не играет» (Там же, с. 356). О том, что он чувствует себя нравственно обязанным Джемме, говорит его испуг, который он скрывает перед самим собой под излишней радостью, когда по возвращении из оперы получает письмо от нее (Там же, с. 369–370), которое напоминает, что ему не следовало так увлекаться общением с Марьей Николаевной. Зов долга чувствуется даже в тот момент, когда после измены «настолько совести и чести осталось еще в нем», чтобы к Джемме уже не вернуться (Там же, с. 378). О голосе долга свидетельствует также «стыд», который в нем вновь возникает через 30 лет (Там же).

Гамартия Санина

Именно с этим чувством долга связано то, что, согласно Аристотелю, можно назвать трагической «гамартией» Санина (Аристотель, 1998, с. 1082) – тем пороком, который неизбежно губит героя. Его абсолютное стремление соответствовать долгу выражается не столько в верности идеалам, сколько в верности чужим ожиданиям. Санин соглашается с чужим желанием, когда Джемма приглашает его на шоколад (Тургенев, 1981, с. 260–261), когда они с матерью прощаются словами «до завтра», и он дословно «отзывается» (Там же, с. 270), когда Эмиль снова зовет его в гости (Там же, с. 273), когда весь день родные Джеммы его «не отпускают» (Там же, с. 279), когда мать Джеммы просит его уговорить дочь не расставаться с женихом (Там же, с. 308–309), а также когда Марья Николаевна заставляет его гулять с ней под руку (Там же, с. 351), просит его рассказать о себе (Там же, с. 352), заставляет его остаться еще на один день в Висбадене и сходить с ней вечером в театр (Там же, с. 355–357) и, наконец, уговаривает его на роковую поездку верхом (Там же, с. 369).

Таким образом, гамартия Санина заключается в том, что он хочет вступить во взрослую жизнь и даже жениться, при этом не переставая быть послушным мальчиком. В отличие от Марьи Николаевны и даже от Джеммы с ее упрямством перед матерью (Там же, с. 307–308), он так и не испытал любовь к свободе, свойственную подростковому возрасту, что нарушило естественный порядок взросления – разумеется, речь идет о «нарушении» скорее в онтологическом, нежели моральном плане, так же,

как в греческой трагедии. Тем не менее, поведение Санина ведет к тому, что он, как взрослый человек, вращаясь в разных кругах (семейство Розелли, общество офицеров, Полозовы), везде, как мальчик, хочет соответствовать чужим ожиданиям. Это уже само по себе тесно связано с гамартией, ведь соответствовать противоречащим друг другу ожиданиям невозможно. Санин не может одновременно удовлетворить ожидания Джеммы, чтобы он стал ей верным мужем, и жадность Марьи Николаевны.

Гамартия Санина также обостряется тем, что он, из желания подражать идеальному образу мужчины, неосознанно хочет показать, что он превосходит своих соперников, т. е. переполнен тем, что Рене Жирар называет «миметическим желанием». На это указывают имена и фамилии других мужских персонажей. Конечно, они все подобраны как бы случайно, без прямой связи с теми историческими героями, о которых в дальнейшем идет речь; однако в сумме эти «случайности» указывают на моральную проблему желания Санина быть «выше» других мужчин, что можно назвать разновидностью гибриса, который во многих греческих трагедиях, а также, например, в «Федре» и в «Гамлете», губит героя.

Символика имен

В самом начале Санин показывает, что он больше «целитель», чем Панталеоне, имя которого указывает на того святого мученика, которого восточные церкви почитают как «Пантелеймона» («Всемилюющего»), бескорыстного врача и целителя (Рогов, Парменов, 2003, с. 71). Санин, в отличие от Панталеоне, восстанавливает здоровье Эмилио, тем самым соответствуя ожиданиям Джеммы (Тургенев, 1981, с. 259–260).

Он больше «Эмиль», чем брат Джеммы, т. к. он, по стопам героя Руссо, намного больше испытал и видел в жизни, нежели итальянский мальчик (Там же, с. 257; см. Rousseau, 1856, р. 130–156). При этом, однако, интерес Санина к вещам весьма поверхностный. Об этом свидетельствует то, что на Ариадну он посмотрел без особого интереса и что Гете он почти не читал (Тургенев, 1981, с. 257). Он не стремится почувствовать сущность вещей, особенно тех, которые можно увидеть во время путешествия, а соответствует ожиданиям, заложенным Стерном, Карамзиным и др., что «перед поступлением на службу» стоит прожить деньги за границей. Этому идеалу он подражает до совершенства, ведь «Санин в точности исполнил свое намерение и так искусно распорядился, что в день прибытия во Франкфурт у него оказалось ровно столько денег, сколько нужно было для того, чтобы добраться до Петербурга» (Там же).

Затем Санин оказывается больше «Клюбером», нежели г-н Клюбер, жених Джеммы. Ведь юрист Иоганн Людвиг Клюбер, ставший знаменитым как хронист Венского конгресса, в 1822 г. потерял свои позиции, потому что власти сочли его учебник государственного права слишком либеральным (Mager, 1980, р. 133–134). Иными словами, как юрист Клюбер

пострадал за справедливость, так и Санин, в отличие от г-на Клюбера, готов пострадать за нее, заступаясь за обиженную Джемму вплоть до дуэли, которая, как он несколько раз подчеркивает, должна быть серьезной (Тургенев, 1981, с. 286, 289, 290, 303).

Помимо того, он больше «Денгоф», чем одноименный офицер. Ведь род Dönhoff, о котором Тургенев, безусловно, знал (так как он был в основном связан с Пруссией, Литвой, Польшей и Ливонией), можно считать весьма благородным (Vußmann, 1959, р. 26). Санин же, исполняя свой долг и заступаясь за Джемму, оказывается более благородным, чем Денгоф.

Однако в итоге Санин, который хочет быть лучшим целителем, нежели Пантелеймон, более воспитанным в соответствии с идеалами Руссо, чем Эмиль, более справедливым, нежели Клубер, и более благородным, чем Денгоф, перед Марьей Николаевной ползает больше, чем Полозов. Ведь Полозов все-таки свободен, т. к. ему не свойственно ревновать (Тургенев, 1981, с. 377), у Санина же начинается «рабство» (Там же) в связи с ревностью, которая уже раньше появилась в нем к Клуберу (Там же, с. 269), а теперь — к Денгофу и другим любовникам Марьи Николаевны (Там же, с. 377–378).

Предательство Санина обесценивает все его подвиги превосходства. В конце концов Эмилио, для которого Санин был «Пантелеймоном», получает от него глубокую душевную рану (Там же). Поездка по Европе не делает Санина взрослым человеком по образу Эмиля Руссо, т. к. пережитое препятствует ему строить свою жизнь в дальнейшем (Там же, с. 379). Джемма намного больше оскорблена поведением Санина, нежели дурным поступком Денгофа или безделием Клюбера. Трагическим наказанием за это является именно то, что дальнейшая жизнь Санина не складывается (Там же, 255–256, 379).

Однако повесть все-таки не является совершенной трагедией, т. к. в эпилоге на сцену выходят другие чувства, свидетельствующие о примирении и новой надежде (Там же, с. 379–383). Но даже эту часть можно связать с трагедией, ведь описанное в ней служит катарсису, намеком на который как раз являются письмо Санина к Джемме, его раскаяние и ее ответ, выражающий прощение и примирение (Там же, с. 381–383).

Заключение

Итак, повесть «Вешние воды» можно назвать «трагедией в прозе». Моральная гибель Санина объявляется несколько раз в первой части повести, особенно во второй главе, с помощью подтекста, возникающего благодаря экфрасису — речи о скульптурах, рассмотренных Саниным. Гамартия главного героя, причина его гибели заключается в его ревностном подражании идеалу мужского поведения, до которого он доходит

не благодаря самостоятельным поискам, а в связи с желанием соответствовать чужим ожиданиям. Как раз эта слабость перед чужими ожиданиями приводит его к «рабству» и к боли, которую он, вопреки своим устремлениям, причиняет другим, прежде всего Джемме. Таким образом, этос долженствования героя, обусловленный подражанием, оказывается ничтожным и губительным.

О наказании Санина говорится в обрамляющем действии, где повествователь рассказывает о его несостоявшейся жизни и досаде. Это свидетельствует об этосе долженствования повествователя, согласно которому человек обязан стремиться стать взрослым и самостоятельным.

Авторская же позиция выходит за рамки последней, намекая на возможность катарсиса и на надежду, связанную с раскаянием и примирением.

Список литературы

- Аристотель*. Поэтика / пер. с др.-греч. Н.И. Новосадского // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. С. 1064–1112.
- Басова Е.А.* Специфика повествования в повести И.С. Тургенева «Вешние воды» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 2–2 (48). С. 51–54.
- Боева Г.Н.* Предвкушение фрейдизма: опыт интерпретации И.С. Тургенева «Первая любовь» / под ред. М.М. Решетникова // IV Фрейдовские чтения: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2019. С. 80–92.
- Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. 416 с.
- Жирар Р.* Козел отпущения / пер. с фр. Г. Дашевского. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.
- Рогов А.И., Парменов А.Г.* Пантелеймон // Энциклопедия православной святости: в 2 т. Т. II. М.: Ниола 21-й век, 2003. С. 70–71.
- Романова Г.И.* Мифологема воды в повести И.С. Тургенева «Вешние воды» // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 3. С. 85–87.
- Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 8: Повести и рассказы, 1868–1872. М.: Наука, 1981. 542 с.
- Тюпа В.И.* Аналитика художественного (Введение в литературоведческий анализ). М.: Лабиринт, 2001. 226 с.
- Тюпа В.И.* Генеалогия лирических жанров // Известия Южного федерального университета. Серия: Филологические науки. 2012. № 4. С. 8–31.
- Bußmann W.* Dönhoff, Grafen von // Neue Deutsche Biographie. 1959. Bd. 4. S. 26. <https://www.deutsche-biographie.de/pnd118672150.html#ndbcontent>
- Le Gallerie degli Uffizi. Giuditta con la testa di Oloferne. <https://www.uffizi.it/opere/giuditta-con-la-testa-di-oloferne>
- Liebighaus Skulpturensammlung. Ariadne on the Panther. <https://liebieghaus.de/en/renaissance-bis-klassizismus/ariadne-panther>
- Mager W.* Klüber, Johann Ludwig // Neue Deutsche Biographie. 1980. Bd. 12. S. 133–134. <https://www.deutsche-biographie.de/pnd118930583.html#ndbcontent>
- Rousseau J.-J.* Émile ou de l'éducation. Paris: J. Bry Ainé, 1856. 300 p.

References

- Aristotle. (1998). Poetics. In: Aristotle. *Ethics, Politics, Rhetoric, Poetics, Categories*. Minsk: Literatura. P. 1064–1122. (In Russ.)
- Basova, E.A. (2013). The Specifics of story-telling in I.S. Turgenev's tale "Torrents of Spring". *Bulletin of Cherepovets State University*, 2–2(48), 51–54. (In Russ.)
- Boeva, G.N. (2019). A Foretaste of Freudism: an experience of interpreting I.S. Turgenev's tale "First Love". In: Reshetnikov M.M. (ed.) *Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference "The 4th Freud's Readings"*. St. Petersburg: Institute of Eastern European Psychoanalysis. P. 80–92. (In Russ.)
- Bußmann, W. (1959). Dönhoff, Grafen von. *Neue Deutsche Biographie*, 4, 26. <https://www.deutsche-biographie.de/pnd118672150.html#ndbcontent>
- Ginsburg, L.Ya. (1999). *On Psychological Prose*. Moscow: INTRADA. (In Russ.)
- Girard, R. (2010). *The Scapegoat*. St. Petersburg: Ivan Limbach. (In Russ.)
- Le Gallerie degli Uffizi. *Giuditta con la testa di Oloferne*. <https://www.uffizi.it/opere/giudit-ta-con-la-testa-di-oloferne>
- Liebieghaus Skulpturensammlung. *Ariadne on the Panther*. <https://liebieghaus.de/en/renais-sance-bis-klassizismus/ariadne-panther>
- Mager, W. (1980). Klüber, Johann Ludwig. *Neue Deutsche Biographie*, 12, 133–134. <https://www.deutsche-biographie.de/pnd118930583.html#ndbcontent>
- Rogov, A.I., & Parmenov, A.G. (2003). Panteleimon. *Encyclopedia of Orthodox holiness* (vol. 2). Moscow: Niola 21 Vek. (In Russ.)
- Romanova, G.I. (2018). The Mythologeme of water in I.S. Turgenev's tale "Torrents of Spring". *Bulletin of Kostroma State University*, 24(3), 85–87. (In Russ.)
- Rousseau, J.-J. (1856). *Émile ou de l'éducation*. Paris: J. Bry Ainé.
- Turgenev, I.S. (1981). *The complete collection of works and letters: in 30 vols.* 2nd ed., revised and expanded. Vol. 8: Tales and stories of 1868–1872. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Tyupa, V.I. (2001). *Analytics of the artistic (Introduction to analysis in literature sciences)*. Moscow: Labirint. (In Russ.)
- Tyupa, V.I. (2012). The genealogy of lyrical genres. *Proceedings of Southern Federal University ("Philology" Series)*, 4, 8–31. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Липке Штефан, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-9072-6945. E-mail: stephanlipkesj@gmail.com

Bio note:

Stephan Lipke, Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9072-6945. E-mail: stephanlipkesj@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-440-449

EDN: DSERTO

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

В диалоге с единомышленником: письма Ф.И. Тютчева к Э.Ф. Тютчевой

Е.В. Киричук

Омский государственный университет, Омск, Российская Федерация

 kirichuk@bk.ru

Аннотация. Исследование посвящено письму Ф.И. Тютчева от 24 сентября (9 октября) 1853 г., адресованного его второй жене Э.Ф. Тютчевой. Статья написана по итогам работы с переводом автографа данного письма, хранящегося в архиве Российской государственной библиотеки. Письмо содержит стихотворение «Неман». Переписка с Э.Ф. Тютчевой представляет огромный интерес для исследователя, поскольку в ней супруги затрагивают не только семейные, личные или светские темы, но и обсуждают исторические события, общественные вопросы. Ф.И. Тютчев проявляет себя как мыслитель, обращающийся к равной себе собеседнице. Философская поэзия Ф.И. Тютчева, посвященная историческим событиям 1812 г., соотносится с общей эстетической направленностью его творчества. Особое значение приобретает то обстоятельство, что некоторые его стихи с размышлениями о непростых явлениях истории, человеческого бытия, чувственного мира либо посвящены, либо адресованы в письмах Э.Ф. Пфеффель-Дернберг (Тютчевой). Поэтика лирических фрагментов Ф.И. Тютчева рассматривается в рамках подхода, предложенного Ю.Н. Тыняновым, с опорой на биографические материалы, указанные в монографиях К.В. Пигарева и В.В. Кожина. Новизна исследования заключается в том обстоятельстве, что автограф письма от 24 сентября (9 октября) 1853 г. был расшифрован и переведен с французского языка впервые. Установлено, что текст письма, в котором содержится известное стихотворение Ф.И. Тютчева «Неман», существенно отличается от опубликованного ранее, в 1914 г.

Ключевые слова: Ф.И. Тютчев, философская лирика, лирический фрагмент, письма, Э.Ф. Тютчева

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11 мая 2024 г.; отрецензирована 12 июня 2024 г.; принята к публикации 15 июля 2024 г.

Для цитирования: Киричук Е.В. В диалоге с единомышленником: письма Ф.И. Тютчева к Э.Ф. Тютчевой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 440–449. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-440-449>

© Киричук Е.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Dialogue of like-minded people: letters from F.I. Tyutchev to E.F. Tyutcheva

Elena V. Kirichuk

Omsk State University, Omsk, Russian Federation

✉ kirichuk@bk.ru

Abstract. The aim of this study is to publish a letter from F.I. Tyutchev to his second wife E.F. Tyutcheva dated to September 24 (October 9), 1853. The article was written as a result of work with the translation of an autograph of the letter stored in the archive of the National Library of Russia. The letter contains the poem “Neman”. Correspondence with E.F. Tyutcheva is of great interest to the researcher, since the spouses touch upon not only family, personal, or secular topics, but also discuss historical events and social issues. F.I. Tyutchev manifests himself as a thinker turning to an equal interlocutor. Philosophical poetry of F.I. Tyutchev, dedicated to the historical events of 1812, correlates with the general aesthetic orientation of his work. Of particular importance is the fact that some of his poems with reflections on difficult phenomena of history, human being, and sensual world are either dedicated or addressed in letters to E.F. Tyutcheva. Poetics of lyrical fragments of F.I. Tyutchev is considered within the framework of the approach proposed by Yu.N. Tynyanov, relying on biographical materials indicated in the monographs of K.V. Pigarev and V.V. Kozhinova. The novelty of the study lies in the fact that the autograph of the letter from September 24 (October 9), 1853 was deciphered and translated from French for the first time. The study revealed that the text of the letter containing the famous poem by F.I. Tyutchev “Neman” is significantly different from that published earlier, in 1914.

Keywords: F.I. Tyutchev, philosophical lyrics, lyrical fragment, letters, E.F. Tyutcheva

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 11, 2024; revised June 12, 2024; accepted July 15, 2024.

For citation: Kirichuk, E.V. (2024). Dialogue of like-minded people: Letters from F.I. Tyutchev to E.F. Tyutcheva. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 440–449. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-440-449>

Введение

Поэзия Ф.И. Тютчева является образцом русской философской лирики XIX столетия. Б.Н. Тарасов отмечает, что эта особенность его творчества связана с историософским сознанием поэта: «В историософской системе поэта мир относительного (государственного, общественного или идеологического) подчинен миру абсолютного (религиозного), а христианская метафизика определяет духовно-нравственную антропологию, от которой, в свою очередь, зависит подлинное содержание социально-политической и культурной деятельности» (Тарасов, 2018, с. 90). В своих самых значимых работах «Россия и Германия», «Россия и Революция», «Римский вопрос», «Россия и Запад»

Ф.И. Тютчев проявляет себя как мыслитель, государственный деятель, пекущийся о благе России, оставаясь при этом тонким лириком, способным уловить движения человеческой души.

Соединение философа и лирика в его творчестве позволяет поэту обращаться к самым сложным художественным обобщениям, чтобы осмыслить ход исторического процесса. В своих стихотворениях Ф.И. Тютчев обращается к личности французского императора Наполеона Бонапарта, и ему удается создать портрет исторической личности в поэтическом образе. Прежде всего, необходимо назвать стихотворения «Неман» (1853) и «Наполеон» (1850). Стихотворение «Неман» было помещено поэтом в текст письма, адресованного Э.Ф. Тютчевой.

Автограф письма Федора Ивановича Тютчева к Эрнестине Федоровне Тютчевой от 24 сентября (9 октября)¹ 1853 г. хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Письмо содержит знаменитое стихотворение «Неман», история создания которого связана с поездкой поэта по делам дипломатической службы (Тютчев, 1853). Он возвращался из Германии в Санкт-Петербург через Польшу: «Вечером 2 сентября 1853 года Тютчев покинул Варшаву. «Усталость и ужасная скука», которые он испытал во время «48-часового заключения в почтовой карете», вынудили поэта пробыть в Ковно еще два с половиной дня. Федор Иванович прибыл в Ковно 4 сентября и остался там до 7» (Пигарев, 1966, с. 154). Эрнестина Федоровна получила письмо после прибытия Ф.И. Тютчева в Петербург.

Письмо со стихотворением «Неман» было опубликовано в сборнике писем поэта к его второй жене Э.Ф. Тютчевой, урожденной баронессе Пфеффель, в 1914 г. (Письма Ф.И. Тютчева..., 1914, с. 52–55). Автограф письма не публиковался, в издании приведены печатный текст на французском языке и его перевод на русский язык.

При сравнении автографа с указанной публикацией выяснилось, что между ними имеются значительные расхождения:

— не совпадает дата написания письма: в сборнике от 1914 г. оно датировано 18 (30) сентября 1853 г., а в автографе — 24 сентября (9 октября) 1853 г.;

— текст письма автографа и публикации в сборнике совпадает только частично, начиная с третьего листа автографа, со слов «Поскольку ты занимаешься русским...»; до этой фразы читается совсем другой текст.

Расшифровка автографа, которая осуществлялась при помощи общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», является только началом большой работы над восстановлением его содержания (Федор Тютчев..., 2023).

Судя по смыслу оригинального текста письма, оно стало ответом на послание от Эрнестины Федоровны. Известно, что Э.Ф. Тютчева

¹ Даты, указанные в заголовке письма (здесь и далее) — это авторская датировка Ф.И. Тютчева, который маркировал даты начала составления письма и его окончания.

не соглашалась на публикацию писем мужа, отвечая просителям: «Après ma mort...» — «После моей смерти...» (Тарасов, 2002, с. 216). Свои письма к Ф.И. Тютчеву она уничтожила, не желая предавать их публичности. Перед нами уникальное свидетельство живой и яркой страницы жизни этих замечательных людей, к которой мы позволили себе прикоснуться.

О французском тексте автографа Ф.И. Тютчева

Текст письма Ф.И. Тютчева к Э.Ф. Тютчевой от 24 сентября (9 октября) 1853 г. написан на французском языке, за исключением стихотворения «Неман», которое рукой поэта воспроизведено на русском. Письмо стало частью большой переписки супругов в период сентября — октября 1853 г. Автографы этих писем еще ждут расшифровки. Можно говорить именно о расшифровке этих бесценных свидетельств биографии поэта, поскольку почерк автора был весьма труден для чтения, в чем он сам признавался Э.Ф. Тютчевой. Письма написаны скорописью, в них преобладает стиль доверительного повседневного общения.

Письмо от 24 сентября (9 октября) 1853 г. можно разделить на две части: личные сообщения и стихотворение «Неман» с небольшой исторической справкой. Личная часть письма — это признание в любви к Эрнестине Федоровне, сожаление о тягостной разлуке с ней. Обычное обращение к жене в письмах на французском «*ma chatte chérie*» заменено на «*ma bonne amie*» (Тютчев, 1853) — «мой добрый друг». Федор Иванович ждет от супруги и любви, и понимания вынужденной разлуки.

Философские «фрагменты» в лирике Ф.И. Тютчева

Смысловым центром письма, конечно, является стихотворение «Неман». Образ Наполеона Бонапарта, французского императора, получает в этом лирическом тексте новое для поэта осмысление. Этому стихотворению предшествует другое — «Наполеон», изданное в журнале «Москвитянин» и датированное 1850 г. В более раннем тексте три части, в которых поэт создает три ипостаси образа Наполеона. Первая характеристика определяет истоки его исторической функции: «сын Революции, ...Ты всю ее носил в самом себе». Вторая ипостась героя содержит образ, освещающий природу его гения:

Два демона ему служили,
Две силы чудно в нем слились:
В его главе — **орлы**² парили,
В его груди — **змии** вились...

(Тютчев, 2002, с. 219–220)

² Здесь и далее выделение мое. — Е.К.

Но ни гордыня, символом которой является орел, ни мудрость, которую символизирует змея, не явились залогом побед, поскольку поэт делает вывод:

Он был земной, не божий пламень,
Он гордо плыл – презритель волн, –
Но о подводный **веры** камень
В щепы разбился **утлый челн**.

(Там же)

Игра антитетических образов «орел – змея», «вера – утлый челн» продолжается в третьей части: «**вещий волхв**» Наполеон стоит перед границей России и, сам себя не понимая, произносит историческую фразу, которую частично цитирует Тютчев: «Да сбудутся ее судьбы!». Вернувшийся на берега Сены и похороненный в Пантеоне, Наполеон в образе ночной тени – «**тревожного духа**» – также стремится на Восток, но теперь его гонит прочь уже не сила веры, а легкий предутренный ветер.

В стихотворении «Неман» 1853 г. поэт вновь обращается к историческому моменту вступления французского императора на российские земли. Но теперь Наполеону, наблюдающему переход своих войск через реку, противостоит на противоположном берегу «Другой», который «неизбежной Десницей» кладет «на них свою печать». Этого истинного своего противника не видит Наполеон, ослепленный гордыней, ведь он ведет войско на неизбежную гибель:

И в этом бесконечном строе
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое...

(Тютчев, 2003, с. 60–61)

Лирическим стихам Ф.И. Тютчева свойственны размышления не только о красоте природы, чувствах человека, но и тревога о судьбе России, отсылки к истории, философские выводы о значимости ее культуры.

Исследователя-филолога или переводчика поражает, прежде всего, несоответствие тематики личной части автографа и стихотворения, приложенного к письму. Очевидно, что Эрнестина Федоровна стала для поэта не только музой, спутницей жизни и матерью для его детей от первого брака, но и собеседницей, с которой можно поделиться самыми глубокими, непростыми мыслями. Именно такой диалог мы находим в эпистолярном наследии Ф.И. Тютчева.

К.В. Пигарев в книге «Жизнь и творчество Ф.И. Тютчева» делает замечание о ценности этих писем: «Наряду с его лирикой, они являются основным источником нашего знания о поэте. В письмах к ней [Э.Ф. Тютчевой] он не ограничивает себя кругом тем, которые могут занимать его адресата или которые составляют обычный предмет его бесед с ним. К жене он обращается как к человеку равному себе, способному понять его во всей его сложности и во всех противоречиях. В письмах поэта

к ней мы находим не только живое и яркое отображение его повседневной жизни, но и заветные раздумия по вопросам философии истории, глубочайшие и тончайшие наблюдения над окружающей средой и над самим собой. Из всех писем Тютчева письма к жене чаще других перекликаются с его лирикой, а по своей силе и выразительности сами подчас превращаются в своего рода стихотворения в прозе. Таковы страницы, где Тютчев говорит о своих «врагах» — пространстве, времени и смерти или где он развивает свои философско-политические утопии» (Пигарев, 1962, с. 368).

Эту мысль поддерживает С.А. Долгополова в статье «Стихи к Эрнестине Дернберг. 1834–1838» (Долгополова, 1999, с. 291–297). Исследователь пишет о жене поэта как об «идеальном», единственном читателе, к которому он адресует самое сокровенное признание их духовной близости, не предназначенное для широкого читателя. Стихотворение, процитированное в переводе М.П. Кудинова в этой статье, становится яркой иллюстрацией этого вывода. Также адресованное Э.Ф. Тютчевой, стихотворение было написано на французском языке в 1842 г.:

Que l'homme est peu réel, qu'aisément il s'efface!
Présent, si peu de chose, et rien quand il est loin.
Sa présence, ce n'est qu'un point, –
Et son absence – tout l'espace.

(Тютчевиана)

Подстрочник (буквальный перевод) стихотворения на русский язык звучит следующим образом:

Как человек мало реален, как легко он исчезает (букв. стирается)!
Сейчас, так незначителен, и ничто, когда он далеко.
Его присутствие, это только точка, –
И его отсутствие – все пространство.

(перевод-подстрочник Е.В. Киричук)

Исследователи творчества и судьбы Ф.И. Тютчева прекрасно знали, насколько трудная участь выпала второй жене поэта Э.Ф. Тютчевой. Легенда об их первой встрече и тайной любви (поэт был женат) описана в монографиях В.В. Кожина (Кожин, 2009) и К.В. Пигарева (Пигарев, 1962). История их отношений раскрывается благодаря переписке Федора Ивановича с современниками. Эрнестина Федоровна, уже став его женой, не только воспитывала его детей от первого брака с Элеонорой Тютчевой (Ботмер), но и учила русский язык, родной язык своего возлюбленного, хранила стихи и после ухода поэта из жизни хранила его память и скрывала их личную жизнь от любопытных посторонних. Именем «l' Aimé» — «Любимый» она называет Тютчева в письмах, начиная с 1858 г.: «В прошлую пятницу почта принесла мне письмецо от моего Любимого с очаровательными стихами его сочинения» (Тютчев в письмах и дневниках современников, 1989, с. 296).

Они часто жили в разлуке, о чем в письме от 24 сентября (9 октября) 1853 г. пишет сам Федор Иванович, замечая, насколько тяжела такая

жизнь. Причиной расставаний иногда были служебные поездки Тютчева по дипломатическим делам, иногда они были связаны с личными проблемами, как отмечает он в письме, с «несчастьем» (Тютчев, 1853).

Поэтические переводы процитированного выше стихотворения на французском языке согласуются с трагически печальным мироощущением Тютчева. Существует множество переводов этого «фрагмента», как определил Ю.Н. Тынянов жанровую принадлежность тютчевского стиха. Ученый связывает это определение с исканиями поэтической формы XVIII в. Он пишет: «Первые опыты Тютчева являются, таким образом, попытками удержать монументальные формы «догматической поэмы» и «философского послания». Но монументальные формы XVIII в. разлагались давно, и уже державинская поэзия есть разложение их. Тютчев пытается найти выход в меньших (и младших) жанрах — в послании пушкинского стиля (послание к А.В. Шереметеву), в песне в духе Раича, но недолго на этих паллиативах задерживается: слишком сильна в нем струя, идущая от монументального стиля XVIII в. И Тютчев находит этот выход в художественной форме фрагмента» (Тынянов, 1977, с. 38–51).

Приведем два перевода «фрагмента» из многочисленных вариантов; первый принадлежит М.П. Кудинову, второй — А. Липовецкому:

Как зыбок человек! Имел он очертанья –
Их не заметили. Ушел – забыли их.
Его присутствие – едва заметный штрих.
Его отсутствие – пространство мироздания.
(Тютчевиана)

До легкой тени человек привычкой низведен.
Так мало значит здесь, совсем ничто он в дали.
При нас – в пространстве точка он едва ли,
А нет его – и все пространство – он.
(Там же)

Смысловой акцент «все пространство — он», сделанный во втором варианте перевода, позволяет понять философскую антиномию тождества части и целого, заложенную во «фрагменте».

Действительно, феномен «человек» определен поэтом как часть нашего восприятия. Первые две строки описывают зрительную, материальную коммуникацию с ним, вторые — символическую модель духовной взаимосвязи человека и другого. Психологическое объяснение также возможно, ведь человеку свойственно наполнять свое сознание мыслями об утраченном или оставленном далеко ближнем. В таком случае логичным представляется вывод о единстве человека и мира, о любимом как смысле существования. Напомним, что стихи адресованы Эрнестине Федоровне.

Горечь разлуки, чувство невосполнимой утраты явственнее звучит в переводе М.П. Кудинова. В этом случае в лирическом «фрагменте» слышится общность тяжелых воспоминаний и переживаний двух близких людей, ведь и Эрнестина Федоровна, и Федор Иванович теряли близких и могли глубоко сочувствовать и понимать друг друга.

Заключение

Две части автографа письма Ф.И. Тютчева к Э.Ф. Тютчевой представляют собой пример сложного мироощущения поэта, который вовлечен в житейский поток повседневности и, одновременно, остается поэтом мысли. Предлагая своей жене, изучающей русский язык, для совершенствования навыка свое стихотворение «Неман», он видит в ней глубокого собеседника, способного понять и оценить содержание этого исторического «фрагмента». Ф.И. Тютчев замечает в письме, что надо перечитать труд Ф.-П. де Сегюра о походе на Россию, чтобы «ориентироваться» в вопросе войны 1812 года. В поэтическом наследии Ф.И. Тютчева образ Наполеона Бонапарта становится отражением философской темы противостояния Запада и России. Эта тема реализуется и в его лирике, и в публицистике. Все же стремление поделиться тревожными мыслями о судьбах своей страны не заставляет Федора Ивановича забыть о психологически сложной ситуации, в которой оказались супруги: их разлука тяжела для обоих, в этом он прямо признается, вопреки надежде, что его отсутствие можно принять за «благо». Письмо говорит о существующем между супругами глубоком внутреннем диалоге, взаимопонимании двух мыслящих людей. В период с сентября по октябрь 1853 г. переписка Тютчевых была очень оживленной; в архиве Российской государственной библиотеки хранится еще несколько автографов поэта, которые ждут своего переводчика.

Список литературы

- Долгополова С.А. Стихи к Эрнестине Дернберг. 1834–1838 / отв. ред. Т.Г. Динесман // Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. Кн. 1: 1803–1844. М.: ООО «Литограф»; Музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева, 1999. С. 291–297. <http://feb-web.ru/feb/tyutchev/chronics/lt1/lt1-2912.htm>
- Кожин В.В. Тютчев. М.: Молодая гвардия, 2009. 480 с. (Серия: Жизнь замечательных людей). <https://ftutchev.ru/gzl.html>
- Пигарев К.В. Жизнь и творчество Ф.И. Тютчева. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 376 с. <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/bio/pigarev-zhizn-i-tvorchestvo-tyutcheva/index.htm>
- Пигарев К.В. Примечания // Лирика: в 2 томах / Тютчев Ф.И. Т. 1: Стихотворения, 1824–1873. М.: Наука, 1966. С. 337–435. (Серия: Литературные памятники).
- Письма Ф.И. Тютчева к его второй жене, урожд. бар. Пфеффель: в 4 т. Т. 1: 1840–1853. Петроград: тип. Главного управления уделов, 1914.
- Тарасов Б.Н. Комментарии // Полное собрание сочинений и писем: в 6 томах / Тютчев Ф.И. Т. 3: Публицистические произведения. М.: Классика, 2002. С. 213–520.
- Тарасов Б.Н. Метафизика и антропология исторического процесса в мысли Ф.И. Тютчева // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. Вып. 3. С. 88–99.
- Тютчев в письмах и дневниках современников. М.: Наука, 1989. 711 с. (Серия: Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2).

- Тютчев Ф.И. Письмо к Тютчевой Э.Ф. от 27 сентября (9 октября) 1853 года. Стихотворение «Неман» («Ты ль это, Неман величавый?...»). Автограф / Отдел рукописей РГБ. Ф. 308 (Архив Ф.И. Тютчева). К. 1. Е. х. 21.
- Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: в 6 томах. Т. 1: Стихотворения, 1813–1849. М.: Классика, 2002. 528 с.
- Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: в 6 томах. Т. 2: Стихотворения, 1850–1873. М.: Классика, 2003. 640 с.
- Тютчевiana. Сайт рабочей группы по изучению творчества Ф.И. Тютчева. <https://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/trans/ii.html>
- Тынянов Ю.Н. Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 38–51. <https://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/ist4.htm>
- Федор Тютчев. Живое сознание права: факсимильное воспроизведение автографов Ф.И. Тютчева с расшифровкой и переводом на русский язык / пер. с франц. Е.В. Киричук; статья Е.Э. Вишневецкой, Б.Н. Тарасова; дизайн В.Е. Валериус. Тобольск: Тюменский региональный общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2023. 124 с.

References

- Dolgoplova, S.A. (1999). Poems to Ernestine Dernberg. 1834–1838. In: Dinesman T.G. (ed.). *Chronicle of life and work of F.I. Tyutchev*. Book 1: 1803–1844. Moscow: Lithograph LLC; Museum-estate “Muranovo” named after F.I. Tyutchev. P. 291–297. (In Russ.) <http://feb-web.ru/feb/tyutchev/chronics/lt1/lt1-2912.htm>
- Fedor Tyutchev. *Living consciousness of law: facsimile reproduction of autographs by F.I. Tyutchev with decoding and translation into Russian*. (2023). Trans. from French by E.V. Kirichuk; article by E.E. Vishnevskaya, B.N. Tarasov; design by V.E. Valerius. Tobolsk: Tobolsk Revival Foundation. (In Russ.)
- Kozhinov, V.V. (2009). *Tyutchev*. (“Lives of Remarkable People” Series). Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russ.) <https://ftutchev.ru/gzl.html> (Accessed: 17.01.2024)
- Letters of F.I. Tyutchev to his second wife, née baroness Pfeffel: in 4 vols.* (1914). Vol. 1: 1840–1853. Petrograd: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. (In Russ.)
- Pigarev, K.V. (1962). *Life and work of F.I. Tyutchev*. M.: Publ. House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.) <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/bio/pigarev-zhizn-i-tvorchestvo-tyutcheva/index.htm>
- Pigarev, K.V. (1966). Commentary. In: Tyutchev F.I. *Lyrics: in 2 vols*. Vol. 1: Poems, 1824–1873. (“Literary monuments” Series). Moscow: Nauka. P. 337–435. (In Russ.)
- Tarasov, B.N. (2002). Commentaries. In: Tyutchev F.I. *The complete collection of works and letters: in 6 vols*. Vol. 3: Journalistic works. M.: “Classics” Publ. Center. P. 213–520. (In Russ.)
- Tarasov, B.N. (2018). Metaphysics and anthropology of the historical process in the thought of F.I. Tyutchev. *Bulletin of Russian Christian Humanitarian Academy*, 19(3), 88–99. (In Russ.)
- Tynyanov, Yu.N. (1977). Question about Tyutchev. In: Tynyanov Yu.N. *Poetics. History of literature. Cinema*. Moscow: Nauka. P. 38–51. (In Russ.). <https://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/ist4.htm>
- Tyutchev in letters and diaries of contemporaries*. (1989). (“Literary legacy” Series. Vol. 97. Book 2.) Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Tyutchev, F.I. (1853). *Letter to Tyutcheva E.F. dated September 27 (October 9), 1853. The poem “Neman” (“Are you a majestic Neman?...”). Autograph* / Manuscripts Department of the National Library of Russia. Ф. 308 (F.I. Tyutchev archive). К. 1. Е. х. 21.

- Tyutchev, F.I. (2002). *The complete collection of works and letters: in 6 vols.* Vol. 1: Poems, 1813–1849. M.: “Classics” Publ. Center. (In Russ.)
- Tyutchev, F.I. (2003). *The complete collection of works and letters: in 6 vols.* Vol. 2: Poems, 1850–1873. M.: “Classics” Publ. Center. (In Russ.)
- Tyutcheviana*. Website of the working group for study F.I. Tyutchev’s work. (In Russ.) <https://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/trans/ii.html>

Сведения об авторе:

Киричук Елена Владиленовна, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций, факультет филологии, перевода и медиакоммуникаций, Омский государственный университет, Российская Федерация, 644077, Омск, пр. Мира, д. 55. ORCID: 0000-0003-2907-5439. E-mail: kirichuk@bk.ru

Bio note:

Elena V. Kirichuk, Doctor of Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language, Literature, and Documentary Communications, Faculty of Philology, Translation Studies and Media Communications, Omsk State University, 55 Mira Prospect, Omsk, 644077, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-2907-5439. E-mail: kirichuk@bk.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-450-462

EDN: DUHPKI

УДК 82-192

Научная статья / Research article

Деконструкция/реконструкция советского мифа в стихотворении Т. Кибирова «Любовь, комсомол и весна»

Л.Г. Кихней

*Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль,
Российская Федерация
Московский университет им. А.С. Грибоедова, Москва, Российская Федерация
✉lgkihney@yandex.ru*

Аннотация. Исследуются стратегии и тактики освоения «советского текста» в стихотворении Т. Кибирова «Любовь, комсомол и весна». Выявлено, что концептосфера советской эпохи, представленная в стихотворении, формируется как система «фреймов», состоящая из константных и переменных элементов. Доказано, что инвариантные составляющие реализуются на уровне композиции, переменные — связываются с мотивно-образным наполнением этих фреймов. Определить механизмы их формирования позволил подробный анализ семантической структуры стихотворения: был выявлен ряд интертекстуальных, в частности, песенных отсылок, формирующих смысловое поле кибировского стихотворения. В работе последовательно выявлены и описаны все составляющие фреймов, сделан вывод о том, что они связываются с идеологической мифологией советской эпохи, реализуемой в советском бытии и искусстве соответствующих периодов. Также в исследовании определено положение Кибирова на оси традиции, показаны его комплексные отношения с концептуализмом (заявленные на уровне рамы текста). Основной вывод заключается в фиксации амбивалентного взгляда Кибирова на мировоззренческие концепты и пропагандистские проекты советской эры. Доказано, что именно Кибиров впервые применяет технику «двойного взгляда» на советские идеологемы, балансируя между ироническим отстранением и личной включенностью в мировоззренческий контекст эпохи.

© Кихней Л.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: концептуализм, социокультурные фреймы, идеологема, советская история, механизм рецепции

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 февраля 2024 г.; отрецензирована 20 мая 2024 г.; принята к публикации 20 июня 2024 г.

Для цитирования: Кихней Л.Г. Деконструкция/реконструкция советского мифа в стихотворении Т. Кибирова «Любовь, комсомол и весна» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 450–462. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-450-462>

Deconstruction/reconstruction of Soviet myth in T. Kibirov's poem “Love, Komsomol, and Spring”

Lyubov G. Kihney

*Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russian Federation;
Moscow University named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russian Federation
✉lgkihney@yandex.ru*

Abstract. The article is dedicated to strategies and tactics of engaging with the ‘Soviet text’ in T. Kibirov’s poem “Love, Komsomol, and Spring”. It identifies that the conceptual sphere of the Soviet era, as represented in the poem, was formed as a system of ‘frames’, consisting of constant and variable components. The work proves that the invariant aspects are implemented at the level of composition, while the variable ones are connected with themes and images of contents of the frames. A detailed analysis of semantic structure of the poem allowed for identification of the main principles of construction of the frames as a series of intertextual references, to songs in particular, forming the semantic field of Kibirov’s poem. The study consistently reveals and describes all the components of these frames, concluding that they are connected with ideological mythology of the Soviet era represented in the Soviet life and art of corresponding periods. Additionally, the research locates Kibirov’s position on the axis of tradition, demonstrating his complex relationship with conceptualism (indicated at the level of framework of the text). The main proposition of the article is to demonstrate Kibirov’s ambivalent view on the ideology and propaganda projects of the Soviet period. It proves that Kibirov was the first to employ the method of ‘double perspective’ on Soviet ideologemes, balancing between ironic detachment and personal involvement in the worldview context of the age.

Key words: conceptualism, sociocultural frames, ideologeme, Soviet history, reception mechanism

Acknowledgements and Funding. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>.

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 10, 2024; revised May 20, 2024; accepted June 20, 2024.

For citation: Kihney, L.G. (2024). Deconstruction/reconstruction of Soviet myth in T. Kibirov's poem "Love, Komsomol, and Spring". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 450–462. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-450-462>

Введение

Поэтическое творчество Тимура Кибирова пользуется заслуженным вниманием у критиков и литературоведов. Его лирика рассматривается в контексте постмодернистских установок (Левин, 1995; Эпштейн, 2005, с. 437–448; Липовецкий, 2008, с. 575–576), в рамках школы московского концептуализма (Зорин, 1991; Гандлевский, 1994; Немзер, 2005); ряд работ посвящен отдельным аспектам его художественного мира (Багрецов, 2005; Нурмухамедова, 2008), мотивике и поэтике отдельных произведений (Бойцова, 2020; Лейбов и др., 2020). Представляется актуальным и важным среди названных аспектов вычленить проблему художественной рефлексии Кибирова по отношению к советскому дискурсу. Рассмотрению этой — стержневой, на наш взгляд, проблемы кибировского творчества, — посвящена настоящая статья; непосредственным материалом исследования стало стихотворение «Любовь, комсомол и весна» (1987).

Функции рамочных компонентов текста

В раме анализируемого текста есть посвящение одному из самых ярких представителей концептуализма, Дмитрию Александровичу Пригову, адресованный посыл которому эксплицирован дважды. Первый раз — в упомянутом посвятельном индексе. Причем это посвящение в оглавлении к сборнику «Стихи» перенесено в заглавие: «Любовь, комсомол и весна. Д.А. Пригову» (Кибиров, 2005, с. 855). Второй раз упоминание о Пригове мы находим в самом тексте стихотворения, а именно в его финальной строке: «А Дмитрий Алексанч тут как тут» (Кибиров, 2005, с. 831).

Кроме того, в раме текста есть адресная отсылка и к другому известному московскому концептуалисту, Сергею Гандлевскому. В эпиграф вынесен первый стих его известного стихотворения «Отечество, предание, геройство...» о пионере, героически спасшем поезд от крушения (Кибиров, 2005, с. 823).

Столь явная коммуникация с собратьями по концептуалистскому цеху свидетельствует о том, что автор позиционирует себя в русле концептуализма с его установкой на деконструкцию советского мифа, модусным проявлением которой стала тотальная ирония над социалистической действительностью и развенчание ее как утопии.

В финале статьи мы вернемся к концептуальной значимости посвящения Пригову, сейчас же обратим внимание на смысл эпиграфа, очерчивающего тематический ареал стихотворения.

Кибиров как бы совершает «клавишную прогулку» по истории *Отечества*¹, начиная со времен гражданской войны и заканчивая перестройкой. При этом его упоминательная клавиатура фиксирует разные стадии восприятия советской эпохи глазами молодых, преломленные «магическим кристаллом» социокультурного *предания*, то есть мифа.

Как формируется и трансформируется советский миф?

Для ответа на этот вопрос Кибиров ставит семиотический эксперимент. Цель последнего двоякая: это одновременно реконструкция и деконструкция советского мифа.

Поэт делит всю советскую эпоху на пять периодов, нумеруя их:

- 1) 1920-е гг. (гражданская война, становление советского государства);
- 2) 1930-е гг.;
- 3) конец 1950-х — первая половина 1960-х гг. («оттепель»);
- 4) вторая половина 1960-х — первая половина 1980-х гг. («застой»);
- 5) вторая половина 1980-х гг. (перестройка) [напомним, что стихотворение написано в 1987 г.]

Это членение, соответственно, формирует и композиционную структуру текста. Заметим, что 1940-е гг. в данном историческом перечне пропущены. Это и понятно: героика и трагедия Великой Отечественной войны не располагают автора ни к иронической модальности, ни к деконструктивистским экспериментам.

Все периоды, пронумерованные автором, в текстовом пространстве стихотворения соплагаются и разворачиваются по типу фреймов, организующих социокультурную информацию в четкую систему. В этой системе есть постоянные (константные) и переменные (обновляемые) элементы. Постоянные элементы организуют композиционные блоки кибировского текста, задают своеобразный набор «слотов»; переменные элементы — мотивы и образы — наполняют эти «слоты».

Константные композиционные блоки и устойчивые мотивно-образные элементы

К постоянным элементам отнесем кольцевую композицию, создаваемую анафорическими и эпифорическими формулами. Описание каждого периода советской истории начинается словами: «Они сидят в обнимку на...» и заканчивается: «Заря встает над обновленной землею».

¹ Здесь и далее курсив мой. — Л.К.

К константным элементам, композиционно обрамляющих каждый период, относятся наши герои — комсомольцы, их позы и неизменность времяпрепровождения — чтение основополагающих партийных трудов, что, заметим, создает неизбывный гротескно-комический эффект, например: «...Они в обнимку тесную читают / Весь „Краткий курс истории ВКП(б)“. И конспектируют» (Кибилов, 2005, с. 826).

Сохраняется также и принцип вещной портретизации: в начале каждого периода описывается одежда комсомольцев, которая, будучи знакомым элементом времени, меняется, но сам способ внешней характеристики героев остается неизменным. Переходящей из периода в период оказывается одна из портретных деталей юноши — его кудрявый чуб.

Далее в каждом периоде мы наблюдаем гомогенность пространственного членения: окружающее комсомольцев пространство распадается на аксиологически противопоставленные блоки. Причем это не столько пространственное, сколько условно-временное миромоделирование. *Сзади* — негативные явления и события, направленные против советского проекта, то, с чем борются прогрессивные силы страны, включая наших героев. *Впереди* — светлое настоящее, претворяемое в грядущее.

Антиномичность этих минифреймов, повторяющихся из периода в период, подчеркнута идентичными текстовыми формулами. Вот так «закольцовываются» минифреймы «враждебного сопротивления»:

- в начале: «А за спиной у них клубятся тучи, / зарницы блещут»;
- в финале — с повтором: «Клубятся тучи, воют злые ветры».

Тот же принцип «закольцовывания» выдержан в оформлении минифреймов, в которых рисуется светлое «настоящее/будущее»:

- в начале: «А перед ними светлая заря...»;
- в финале — с повтором: «Заря встает над обновленную землею».

Расхожая символика этих формул укоренена в коллективном бессознательном благодаря образному параллелизму, органически присущему русскому фольклору (ср.: «Налетели *ветры злые...*» из песни «Ой, да не вечер, да не вечер...») и классической поэзии (ср. со стихотворением А. Фета «*Клубятся тучи, вея в блеске алом...*») и перешедшему в репертуар революционных песен, постоянно звучавших по радио и ставших своего рода фоном советского бытия (ср. с песней: «*Вперед, заре навстречу...*» на слова А. Безыменского).

Само нарративное развертывание внутри каждого периода происходит по четко заданному алгоритму:

- перечисление (в негативной коннотации) врагов страны Советов (табл. 2, графа 3) и репрезентация их черных дел (табл. 1, графа 2);
- название (в положительной коннотации) вождя, актуального для данного периода (табл. 2, графа 2) и репрезентация эпохальных достижений (табл. 1, графа 3).

Таблица 1

Периоды	Реалии негативных минифреймов	Реалии позитивных минифреймов
1	2	3
1. Граждан- ская война	Черные бароны, бароны Врангель, Унгерн, атаманы Семенов и Тютюник, и Фаина Каплан, и бурнаши, и ненавистный Колчак, Махно, разруха, саботаж.	...в коммуны собираются крестьяне, и золотятся нивы. И Буденный на вороной кобыле выезжает. И светятся хрустальные дворцы, оркестры духовые, и рабочий командует блестящею машиной в спецовке белоснежной по эскизам Лисицкого и Родченко... И добивают последних буржуев на Амазонке отряды Коминтерна. Первомай сияет над землей. Аэропланы и дирижабли в воздухе летают, летают Циолковского ракеты...
2. 30-е гг.	Кулаки стреляют по освещенным окнам сельсовета и по избе-читальне. Динамит под каждой шпалой и под каждой домной таится, и к бикфордову шнуру уже подносят спичку, озираясь, вредители в толстовках и пенсне. <...> И белофинны.	...в колхозы собираются крестьяне и золотятся нивы. И Буденный на вороной кобыле выезжает. Высотные возносятся дома. И песни Дунаевского. И с песней рабочий планы перевыполняет и получает орден. Балерина вращается. Фадеев пишет книги. Все получают ордена. <...> Над планетой летает Чкалов. Летчики-пилоты и бомбы-самолеты. Чук и Гек летят на Марс на помощь Аэлите.
3. Оттепель	Ленинские нормы партийной жизни нарушают люто перерожденцы в форме ГПУ. Стиляги и жеваги выползают и кока-колой отравить грозятся парнишек и девчат. За океаном СЕАТО, СЕНТО, НАТО, АСЕАН и Чомбе, Франко, Салазар, и венгры контрреволюционные, и нео- нацисты, реваншисты, ку-клукс-клан, ...и джазисты, баптисты, и примкнувший к ним Шепилов.	...в совхозы собираются крестьяне и золотятся нивы, и Буденный на вороной кобыле в кинофильме. И светлые, просторные дома без всяких там излишеств, и играет оркестр эстрадный Пахмутовой песни. Рабочий вес в нейлоне и болонье комбайны собирает для уборки по всей планете кукурузы доброй. Бренчит гитара у костра. <...> И денег нету. И взмывают ввысь в туманность Андромеды экипажи.
4. Застой	Китаезы лезут на наш Даманский, сионисты лезут на наш Египет, и чехословаки на весь соцлагерь руку занесли. И янки не желают ни в какую гоу хоум! И еврей неблагодарный в ОВИР стремглав несется. <...> Би-би-си визжит. И Сахаров войной грозит Отчизне.	...крестьяне собираются освоить методу безотвальную, бригадный подряд, и осушаются болота, и золотятся нивы. И Буденный на вороной кобыле в снах мальчишек. С улучшенной планировкой, с лифтом возводятся дома. Ансамбль играет мелодью в современных ритмах. С новым рацпредложением выступил рабочий... <...> Летят ракеты на Венеру раньше американцев. И веселый БАМ планету опоясал, и планета в цветах встречает светлый Первомай.
5. Пере- стройка	Времена застоя марксизм животворящий извращают, и бюрократы, взяточники, воры, и пьяницы, и даже наркоманы, и мафия, комчванство, долгострой, и формализм, и узкие места, и национализма пережитки, и экстенсивный метод, и другие явления негативные... и овощебазы...	...крестьяне собираются семейный подряд внедрять. И золотятся нивы, рабочий за компьютер персональный садится. И повсюду МЖК растут. Играют смелые рок-группы. И КСП играет. И Буденный злым «Огоньком» разоблачен уже. <...> ...знамена, кока-кола, твердый рубль!

Таблица 2

Периоды	Вожди в позитивных минфреймах	Вожди в негативных минфреймах
1	2	3
1. Граждан- ская война	...и Троцкий приветствует бойцов.	И ненавистный Троцкий источает кровавую слюну.
2. 30-е гг.	И Сталин краснознаменный, вдохновенный Сталин приветствует танкистов.	...и Сталин ненавистный...
3. Оттепель	Никита Сергеевич Хрущев на Мавзолее приветствует посланцев всех народов в году 80-м, в коммунизме.	Ненавистный волюнтарист Хрущев ЧК родную обезоружил.
4. Застой	...и награжден, и трижды награжден, четырежды наш Брежнев вдохновенный. Приветствует он всех и всех целует.	...и Брежнев, всем ненавистный...
5. Пере- стройка	С телеэкрана Михаил Сергеич, краснознаменный, вдохновенный, мудрый, Приветствует прорабов перестройки... <...> Ельцин дерзновенный...	

Помимо этого, в каждом из фреймов есть сквозные образы, переходящие из периода в период, к примеру, «золотятся нивы», «...В магазинах разные колбасы!», «Буденный на вороной кобыле» и пр.

**Переменные композиционные блоки и изменчивые
мотивно-образные элементы**

Прежде всего, бросается в глаза перемена облика, места обитания и интеллектуального времяпрепровождения комсомольцев. Так, сидят и обнимаются они — в зависимости от периода — то «на тачанке», то «на скамейке у вышки парашютной», то «на ступеньках студенческого общежития», то «на собрании отчетном ЖСК», то «на Арбате».

Меняются труды, которые комсомольцы читают. Само название трудов знаменует один из означенных периодов. Это ленинские «Задачи Союза молодежи» (1920), сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» (1938), хрущевские «XXII съезда матерьялы» (1961), доклады XXV или XXVI съезда КПСС (1976, 1981). Выбивается из этой парадигмы партийных документов роман А. Рыбакова «Дети Арбата», вышедший в 1987 г. Этот роман, повествующий о сталинском времени, в горбачевский период произвел эффект разорвавшейся бомбы и стал знаковым произведением конца XX в., знаменующим финал советской эпохи.

Автор таким образом наполняет «слоты», что читатель может не только увидеть полнометражную смену эпохальной парадигмы по вертикали, но и насладиться реконструкцией временной горизонтали. Картинка каждого периода собирается из знаковых, узнаваемых деталей. Складывается впечатление, что Кибилов, реконструируя «вещество существования» каждого периода, работает с механизмами как индивидуальной читательской,

так и коллективной (народной) памяти. В итоге каждый период предстает как живая мозаика, запечатлевшая свое время и вызывающая у читателей массу жизненно-бытовых и эстетических ассоциаций.

Так, в знаковой системе отображения наших героев-комсомольцев огромную роль играют вещные детали. В первом периоде это тачанка, кожанка старая, кумачовая косынка, кобура, к которой привычно (!) тянутся девические пальцы, гимнастерка, побелевшая в жарких схватках, простреленная буденовка, рука в бинтах кровавых... Все эти детали уже создают узнаваемую картину гражданской войны.

Задумаемся, почему нам так знакома эта картина? Дело в том, что она пронизана живописно-плакатными ассоциациями, укорененными в коллективном сознании. Навскидку вспоминаются плакаты «Да здравствует комсомол! К седьмой годовщине Октябрьской революции» А. Самохвалова (1924), «Раскрепощенная женщина, строй социализм!» А. Страхова-Браславского (1926). В тот же ряд попадает известный плакат «Каждая комсомолка должна овладеть боевой техникой обороны СССР!» М. Бри-Бейна (1932) и даже полотна К. Петрова-Водкина, нередко изображавшего своих героинь в кумачовых косынках.

На живописные ассоциации накладываются песенные воспоминания разных эпох — знаменитая «Песня о тачанке» (1937, музыка К. Листова, слова М. Рудермана), шансон «Чубчик» (1930-е, аранжировка П. Лещенко), «Песня о Щорсе» (1936, музыка М. Блантера, слова М. Голодного). В этом ряду любопытна интертекстуальная перекличка с окуджавской «Песенкой о комсомольской богине» (1966). У Б. Окуджавы: «...Но привычно пальцы тонкие прикоснулись к кобуре» (Окуджава, 2001, с. 150); у Кибирова: «...Но привычно протянулись девические пальцы к кобуре» (Кибиров, 2005, с. 823), то есть имеет место почти дословное цитирование. Более того, и во втором периоде портрет девушки дан Кибировым с отсылкой к той же «комсомольской богине», одетой, как и окуджавская героиня в мирные 1930-е гг. (ср.: «В синей маечке-футболочке комсомолочка идет» (Окуджава, 2001, с. 151)).

Однако Кибиров дополняет облик комсомолки 1930-х: «Футболка со значками ДОБРОЛЕТА и ДОБРОХИМА и БГТО». Значки здесь выступают как знаки времени: первый значок — общества Добровольного Воздушного Флота (предшественника Аэрофлота), основанного в 1923 г., целью которого, особенно полновесно реализованной в 1930-е гг., было развитие гражданской авиации. Второй значок указывал на принадлежность его носителя к достаточно малоизвестному сегодня Добровольному обществу содействия строительству предприятий химической промышленности. Это общество просуществовало всего два года (1924–1925) и современному читателю может быть известно по эпизоду из «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова, в котором Корейко ускользает от преследования Остапа Бендера, скрывшись под противогазом во время учений по противохимической защите, явно организованных членами этого общества. Третьим,

самым известным значком, «Будь готов к труду и обороне», награждались подростки, сдавшие спортивные нормативы. Этот значок, как и сам спортивный комплекс, появился в 1934 г. Таким образом, вещные детали становятся социокультурными знаками поступательного движения времени.

Столь же знаков облик юноши. Если во времена гражданской войны его атрибуты — простреленная буденовка и гимнастерка, «побелевшая под солнцем... в жарких схватках», то в период социалистического строительства «на парне китель белый и фуражка, и блещут сапоги на жарком солнце», отсылающие к милицейской форме 1930-х, но вызывающие ассоциации с парадными портретами товарища Сталина.

Любопытно, что помимо функции быть визитной карточкой своего времени, в последующие периоды одежда становится характерным отображением постепенного духовного перерождения комсомольцев и самой комсомольской идеи. Так, в период «оттепели»: комсомолка — в брючках и туфлях на шпильках, комсомолец — «в ковбойке, побелевшей от целинных ветров»; в период «застоя»: она — в кримплене, он — в водолазке и венгерском пиджаке; и наконец, в период перестройки: она — «в варенках кооперативных», он — «в фирменных. И в туфлях „Саламандра“».

Автор, маркируя детали одежды, подчеркивает, что в последнем периоде они для их носителей значат нечто гораздо большее, чем просто вещи. Так, дорогие фирменные джинсы были знаком Запада и символом заветной свободы; они поднимали их счастливого обладателя на небывалую высоту. Но поскольку они были дефицитны и дороги, то в кооперативах (тоже примета российской жизни второй половины 1980-х гг.) продавались «варенки» — отечественные джинсы, вываренные в «Белизне». Столь же значимо и указание на марку туфель. Обувь «Саламандра», появившаяся в конце 1980-х гг., сразу стала дефицитом. А само слово «Саламандра» стало синонимом высокого качества и удобства.

Таким образом, автор в этом последнем «вещном» обзоре ухитряется дать не просто характерный облик комсомольцев «перестроечных» времен, но и показать перелом в их сознании. Одежда перестала быть только одеждой, она стала символом жизненного уклада и социального успеха.

В изображении этой пары, которая, сидя в обнимку, изучает партийные документы, заключена жесткая ирония, возрастающая при переходе от периода к периоду. Комсомольцы изображены как марионетки времени, остающиеся константными величинами: их психологический профиль и *modus operandi* остаются неизменными, меняются только их костюмы и парадигма восприятия социокультурного контента. Эти перемены обусловлены курсом партийной верхушки, управляющей страной, труды которой они читают и конспектируют.

Однако Кибилов не ограничивается только описанием комсомольцев, он — в заданных каждым периодом лекалах — отображает советскую историю и делает это с эпическим и энциклопедическим размахом.

Для наглядности реалии негативных и позитивных минифреймов всех пяти периодов и представлены в табличной форме (см. табл.1).

Все события, все упоминаемые имена и явления становятся семиотическими метами, символами времени. Кибиров расставляет эпохальные знаки, привычные тогда и узнаваемые сегодня, и делает это виртуозно, необыкновенно расширяя диапазон советской истории. За каждым образом — историческая коллизия, за каждым именем — духовная драма.

Смысл стихотворения гораздо глубже, чем кажется. Вроде бы звучат плакатные лозунги, вроде бы формулы типа «золотятся нивы» или «Буденный на вороной кобыле» указывают на утопизм, конформизм и марионеточность коллективного сознания. Но однозначному толкованию изображаемого противоречит энциклопедический его охват. Автор представляет поистине «фундаментальный лексикон» советской действительности не только в утопических, но и в реально-фактических ее достижениях, одновременно показывая, как эти достижения отражаются в массовой культуре (в советских песнях и плакатах), а также в литературе и искусстве (отсюда конкретные имена авторов, произведений, персонажей: Лисицкий, Родченко, Дунаевский, Пахмутова, Фадеев, Чук и Гек, Аэлита, туманность Андромеды, «Дети Арбата» и т.д.)

Автор ставит перед собой двойную задачу. Первая задача связана с постижением закономерностей хода времени, реконструкцией основных тенденций советской эпохи во всей возможной их полноте и конкретике. Вторая задача — выявить механизм идеологического оболванивания, особенности воздействия идеологических пиар-стратегий, пропагандистской машины по промыванию мозгов.

И вторую задачу Кибиров решает с помощью инструмента тотальной иронии, балансирующей на острие фактографии, газетно-плакатной правды и гротеска. Причем гротеск выявляется только в сравнительном освещении.

Так, все вожди предстают вначале как эпохальные герои, *приветствующие* прогрессивные силы страны. Их сугубо положительная коннотация подчеркнута эпитетами *краснознаменный* и/или *вдохновенный* (см. позитивные минифреймы в табл. 2, графа 2). Но уже в последующем периоде каждый из них подвергнут поношению и остракизму, что отражено постоянным эпитетом *ненавистный* (см. негативные минифреймы в табл. 2, графа 3).

Переменчивая оценка вождей отражает релятивистские установки официальной идеологии, которые были высмеяны Дмитрием Приговым в стихотворении «День Рыбака»:

Вот День Рыбака — это День Рыбака
Рыбак в этот день бесподобен
И Божьему лику подобен
Рыбак в этот день на века
Но в день уже следующий рыбак
В день, скажем, Святого Танкиста
Он смотрит уже на танкиста
А сам он — какой-то рыбак.

(Пригов, 1989, с. 85)

В свете «Дня Рыбака», а также других подобных приговских композиций (например, «Вот избран новый Президент...», «Выходит слесарь в зимний двор...») становится понятным, почему анализируемое стихотворение имеет посвящение Д.А. Пригову. Дело здесь не только в общем концептуалистском круге тем и идей, но и в поэтической методологии, которую Кибилов, по сути дела, «заимствует» у Пригова. Кибилов, как это хорошо видно из таблицы 2, использует тот же принцип амбивалентной аксиологической игры, который был многократно опробован Д. Приговым в отношении официальных идеологов. Именно поэтому стихотворение заканчивается строкой: «И Дмитрий Алексан- ныч тут как тут!», переводящей смысловое целое всего текста в пастиш- ный регистр.

Заключение

Итак, Кибилов дает в стихотворении «Любовь, комсомол и весна» не столько эпоху, сколько ее отражение в рамках условного массового сознания. Более того, сами главные герои оказываются своеобразной производной от идеологии — идеологемой в ряду других идеологов. Автор показывает, что массовое сознание как будто конструируется на стыке этих мифологов, состоит из них и может быть редуцировано к ним.

Столкновение разных идеологов, данное в прагматическом контексте современности, несомненно, приводит к иронико-пародическому эффекту. Однако, кажется, что эстетическая задача Кибилова этим не исчерпывается, ему удастся выйти на некие социопсихологические закономерности. Так, во-первых, поэт показывает саму природу массового сознания, его текучесть, соотношенную с амнезийной составляющей. Во-вторых, Кибилов обнажает механизмы связи массового сознания с идеологическими мифами, реконструируя логику мифологического сознания как изнутри, так и извне.

Быть носителем мифа можно только внутри мифологической системы, за ее пределами миф теряет свою силу и подвергается ироническому снижению. Уникальность кибиловской техники как раз и состоит в том, что он конструирует совершенно особый аксиологический дейксис: ценностное положение наблюдателя одновременно предполагает нахождение в двух ценностных парадигмах.

Эта техника «двойного» зрения также была опробована в поэме «Сквозь прощальные слезы» (1987), где художественно «исследуется» феноменология советской песни. В этой поэме ирония дается действительно «сквозь прощальные слезы», а лирический субъект балансирует между приятием и отторжением. Так, с одной стороны, поэма фактически со-

стоит из кумулятивных рядов, включающих в себя цитаты-клише из советских песен, а с другой стороны, эти идеологемы как будто прорастают памятью и отсылают уже к личному прошлому субъекта.

Таким образом, само массовое сознание здесь вдруг обретает личностное, экзистенциальное измерение. Отсюда в анализируемом стихотворении проистекает и личная тема: заметим, что речь идет не только о *комсомле*, но и о *любви*. «Осложнение» идеологической тематики любовной линией как раз и свидетельствует о личном отношении субъекта речи к развертываемым картинам.

Думается, что именно эта техника двойного зрения на советский миф и была использована в анализируемом тексте Кибирова, что подтверждают и последующие стихотворения. Фактически эта стратегия является поэтическим открытием Кибирова! Иначе говоря, здесь нет концептуалистской «безжалостности» относительно советского прошлого, но есть ценностная амбивалентность, связанная с тем, что автор, иронически отстраняясь от идеологем, тем не менее понимает, что и сам является в некоторой степени их носителем.

Список литературы

- Багрецов Д.Н. Т. Кибиров: интертекст и творческая индивидуальность. Екатеринбург: Уральский университет, 2005. 172 с.
- Бойцова А.В. Образ времени в стихотворении Т. Кибирова «Любовь, комсомол и весна» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов VI (XX) Международной научно-практической конференции молодых ученых. Вып. 20. Томск: Изд-во «СТТ», 2020. С. 250–251.
- Гандлевский С.М. Сочинения Тимура Кибирова // Кибиров Т. Сантименты. Восемь книг. Белгород: Риск, 1994. С. 5–10.
- Зорин А. Взгляд из зала / сост. Л. Рубинштейн // Личное дело №: литературно-художественный альманах. М.: Союзтеатр, 1991. С. 246–271.
- Кибиров Т. Стихи. М.: Время, 2005. 856 с.
- Левин А. О влиянии солнечной активности на русскую поэзию // Знамя. 1995. № 10. С. 218–220.
- Лейбов Р., Лекманов О., Ступакова Е. «Господь! Прости Советскому Союзу». Поэма Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы»: Опыт чтения. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2020. 448 с.
- Липовецкий М.Н. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 840 с.
- Немзер А. Тимур из Пушкинской команды // «Кто куда, а я – в Россию...» / Т. Кибиров. М.: Время, 2001. С. 5–28.
- Нурмухамедова Р.А. Лирический субъект в поэзии Тимура Кибирова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2008. 16 с.
- Окуджава Б. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. 712 с.
- Пригов Д. День Рыбака // Новый мир. 1989. № 12. С. 85.
- Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2005. 495 с.

Сведения об авторе:

Кихней Любовь Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научной лаборатории «Рецепции советского дискурса в русской лирике второй половины XX – начала XXI века», Ярославский государственный педагогический университет, Российская Федерация, 150000, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1; заведующий кафедрой истории журналистики и литературы, Московский университет им. А.С. Грибоедова, Российская Федерация, 113396, Москва, Зеленый проспект, д. 66а. ORCID: 0000-0003-0342-7125. E-mail: lgkihney@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-463-471

EDN: DWQFZO

УДК 070.19

Научная статья / Research article

Проза эмигрантского периода жизни С.Д. Довлатова в контексте американской «новой журналистики» 1980-х гг.

Е.Ю. Поселенова¹, В.С. Монш²

¹ Кемеровский государственный университет, Кемерово, Российская Федерация

² Городской классический лицей, Кемерово, Российская Федерация

 e.poselenova@gmail.com

Аннотация. Фокус исследовательского внимания сосредоточен на особенностях американского «нового журнализма» 1960–1980-х гг. и влиянии его нарративных и стилистических приемов на прозу и публицистику С.Д. Довлатова в эмигрантский период его творчества. Цель исследования – изучение сборников «Компромисс» и «Речь без повода... или Колонки редактора» в контексте «нового журнализма» США, раскрытие конкретных методов и приемов этого явления, используемых Довлатовым. Авторы статьи, основываясь в качестве исходного тезиса на погруженность Довлатова в контекст новой американской журналистики и близость его творческих взглядов к принципам, выдвигаемым Т. Вулфом и его окружением, последовательно прослеживают влияние «нового журнализма» на поэтику эмигрантских сборников. Одной из ключевых черт новой американской журналистики стало стремление преподнести достоверную информацию с использованием художественных приемов, тем самым не только изменив читательское восприятие материалов, но сделав их способными в еще большей мере вызвать сильный эмоциональный отклик. В результате анализа выбранных сборников Довлатова были обнаружены следующие приемы и особенности «нового журнализма»: реальная основа сюжета; повествование от лица персонажа, ассоциирующегося с личностью автора; диалог; композиционный монтаж; детали; внутренний монолог и специфическая пунктуация. Использование этих средств позволило Довлатову не только создать эффект достоверности происходящего, но и продемонстрировать ярко выраженную авторскую позицию, в опосредованном диалоге с читателем.

Ключевые слова: новый журнализм, журналистика, публицистика, проза, эмиграция, Довлатов

Вклад авторов. Е.Ю. Поселенова – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи. В.С. Монш – сбор и обработка данных, анализ материала, написание рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Поселенова Е.Ю., Монш В.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 10 февраля 2024 г.; отрецензирована 20 мая 2024 г.; принята к публикации 20 июня 2024 г.

Для цитирования: Поселенкова Е.Ю., Монш В.С. Проза эмигрантского периода жизни С.Д. Довлатова в контексте американской «новой журналистики» 1980-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 463–471. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-463-471>

The emigrant prose of S.D. Dovlatov in the context of American ‘new journalism’ of the 1980s

Evgeniya Yu. Poselenova¹, Victoriya S. Monsh²

¹*Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation*

²*City Classical Lyceum, Kemerovo, Russian Federation*

e.poselenova@gmail.com

Abstract. The focus of research attention is concentrated on the features of the American ‘new journalism’ of the 1960s–80s, and the influence of its narrative and stylistic techniques on the prose and journalism of S.D. Dovlatov during the emigrant period of his work. The problem is to study the collections “Compromise” and “Speech for no reason... or Editor’s columns” in the context of the ‘new journalism’ in the USA, identifying the specific methods and techniques of this phenomenon used by Dovlatov. The authors of the article, based on Dovlatov’s immersion in the context of new American journalism and the proximity of its creative views to the principles put forward by T. Wolfe and his environment, consistently trace the influence of ‘new journalism’ on poetics of the emigrant collections. One of the key features of the new American journalism was desire to present reliable information using artistic techniques, thereby not only changing reader’s perception of the materials, but making them even more capable of eliciting a strong emotional response. As a result of the analysis of Dovlatov’s selected collections, some techniques and features of the ‘new journalism’ were discovered: the real basis of the plot; narration on behalf of a character associated with the personality of the author; dialogue; composite installation; details; internal monologue and specific punctuation. The use of these tools allowed Dovlatov not only to create the effect of the reliability of what is happening, but also to demonstrate the author’s position, entering into an indirect dialogue with the reader.

Keywords: new journalism, journalism, prose, emigration, Dovlatov

Author’s contribution. *Evgeniya Yu. Poselenova* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing. *Victoriya S. Monsh* – data collection, analysis of material, manuscript writing.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 10, 2024; revised May 20, 2024; accepted June 20, 2024.

For citation: Poselenova, E.Yu., & Monsh, V.S. (2024). The emigrant prose of S.D. Dovlatov in the context of American ‘new journalism’ of the 1980s. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 463–471. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-463-471>

Введение

В конце 1970-х гг. С.Д. Довлатов эмигрировал в США, где в это время активно развилась «новая журналистика» ('new journalism') – явление, возникшее в английской словесности 1960–1980-х гг. на стыке литературы и публицистики. Его основными представителями стали Т. Вулф, Т. Капоте, Н. Мейлер, Г. Тализ, Р. Голдстейн, Р. Рид, Дж. Г. Дан. Сборник «Компромисс» и произведения, вошедшие в опубликованную после смерти автора «Речь без повода... или Колонки редактора», были созданы уже погруженным в систему новой американской журналистики Довлатовым. Для него «новый журнализм» стал альтернативой традиционной советской журналистике, а его принципы оказались близки писателю.

На сегодняшний день «новый журнализм» достаточно изучен и в западной, и в российской науке. Журналистская деятельность Довлатова также рассмотрена в разных аспектах. Исследователи обращались как к доэмигрантскому периоду профессиональной деятельности писателя (Доброзракова, 2016, с. 211–213; Кузовов, 2013, с. 56–61), так и к его работе в конкретном издании после эмиграции (Байбатырова, 2015, с. 57–65, Ласточкина, 2010, с. 52–60). Изучая журналистскую практику Довлатова, исследователи нередко обращаются к его художественной прозе, особое внимание уделяя сборнику «Компромисс». На материале сборника была рассмотрена интердискурсивность творчества Довлатова, а именно пересечение художественного и публицистического дискурса (Богданова, Власова, 2020, с. 417–424), и публицистическое начало прозы писателя (Ласточкина, 2017). Но обозначенные в работах связи поэтики эмигрантской прозы с «новой журналистикой» в полной мере раскрыты не были, и существует необходимость более детального изучения и выявления конкретных методов и приемов «нового журнализма», используемых Довлатовым в эмигрантской прозе.

Принципы «нового журнализма»

Первым образцом «нового журнализма» считается материал «Джо Луис – Король в расцвете лет» (1962) Г. Тализа. Как отмечает Т. Вулф, «тональность и настроение больше подходили для короткого рассказа, господствовали прочувственные сцены – или прочувствованные по меркам журналистики того времени» (Вулф, 2008, с. 22). Отличие «новой журналистики» от литературы заключалось в обращении к актуальным темам и сюжетам, а также в непоколебимой верности фактической информации. По словам Вулфа, «идея состояла в том, чтобы дать полное и объективное описание плюс еще то, за чем читатели прежде должны были обращаться к романам и рассказам» (Там же, с. 39), преподносить достоверную информацию «в „романическом“ ключе» (Там же, с. 41).

Американскому «новому журнализму» 60–80-х гг. XX в. невозможно дать однозначное определение. Часто его называют журналистской техникой, которая заключается в использовании характерных приемов реа-

листического романа. Четыре из этих приемов были описаны Т. Вулфом: «выстраивание материала сцена-за-сценой» (резкая смена эпизодов повествования без использования долгих связок между ними, своего рода монтаж); включение реалистических диалогов с целью завлечения читателя (они способны быстро и полноценно представить персонажа); повествование от лица конкретного персонажа (такая точка зрения помогает читателю полностью погрузиться в происходящее и будто увидеть его собственными глазами, для этого может использоваться несобственно-прямая речь); подробное описание деталей, которые служат для понимания окружения героев, их социального статуса и образа мыслей (Там же, с. 56). При этом жестких канонов в «новой журналистике» нет, названные принципы не являются исчерпывающими. Дж. Холлоуэлл к основным приемам, обозначенным Т. Вулфом, добавляет «сложную композицию» и «внутренний монолог» (Hollowell, 1977).

С появлением «новой журналистики» авторы стали «проживать» события вместе со своими героями. Теперь стало важным видеть происходящее своими глазами, следить за жестами и выражением лиц, слышать диалоги. Для «новой журналистики» на первый план выходит глубина проработки фактического материала. Отчасти поэтому значительное место в «новом журнализме» занял материал из жизни самих авторов.

Творчество С.Д. Довлатова в контексте «нового журнализма»

В 1980 г. в качестве альтернативы газете «Новое русское слово» начал издаваться «Новый американец», впоследствии ставший рупором «третьей волны» эмиграции. Находящийся в это время в процессе работы над сборником «Компромисс» Довлатов становится редактором новой газеты и вплоть до 1982 г. поддерживает на ее страницах живой разговорно-повседневный стиль речи, соответствовавший свободомыслию аудитории. Начиная с 14-го номера, на первой полосе стали появляться «Колонки редактора». Они представляли собой обращение к читателю в свободной форме, помогали создать атмосферу участия читательской аудитории в жизни газеты. Рубрика продолжила свое существование в еженедельнике «Новый свет», ставшем преемником «Нового американца» после его закрытия. Позже материалы колонок были опубликованы отдельным изданием.

К этому времени Довлатов уже был погружен в американскую культуру. Добившись большого успеха среди читателей, он печатался в еженедельном журнале «The New Yorker». Именно в этом издании в начале 60-х гг. XX в. выходили самые впечатляющие, по словам Т. Вулфа (Вулф, 2008, с. 81), публикации «нового журнализма». В материале Т. Хорошиловой для «Российской газеты» П.Л. Вайль отмечает: «Сергей Довлатов — писатель нетрадиционный: он никогда не выдумывал. Он писал по фактам на грани журналистики и литературы»¹. Такой принцип письма

¹ Жена и дочь Довлатова собрали его колонки в книгу «Речь без повода...» // Российская газета. 8 сентября 2006. <https://rg.ru/2006/09/08/dovlatov.html>

является основой «новой журналистики», так как важным условием для нее стало правдивое мнение автора, который сам был участником описываемого им события.

«Компромисс» и «Речь без повода... или Колонки редактора»

Сюжеты сборника «Компромисс» были взяты из собственного журналистского опыта Довлатова 1972–1975 гг., который он получил в эстонских русскоязычных газетах «Советская Эстония», «Молодежь Эстонии» и «Вечерний Таллин». Использование сюжетов из реальной журналистской практики указывает на моделирование фактографичности происходящего, условной установки на реальность дальнейшего повествования.

Сборник «Речь без повода... или Колонки редактора» включает в себя повесть «Невидимая газета», ироничные зарисовки «Соло на ундервуде», «Колонки редактора». Он был выпущен после смерти Довлатова, в 2006 г., общими силами Е. и К. Довлатовых, П. Вайля, А. Гениса, Н. Аловерт, издательства «Махаон» и Международного фонда Сергея Довлатова. В предисловии к сборнику П. Вайль вновь отмечает «довлатовскую достоверность», которая, как говорилось выше, является одной из основополагающих характеристик «нового журнализма» и достигается при помощи различных приемов.

Повествование от лица конкретного персонажа. Оба рассматриваемых сборника дают ощущение авторского присутствия в тексте. Герой «Компромисса», от лица которого ведется повествование, носит имя автора — Серж (Сергей) Довлатов. В «Компромиссе третьем» автор сам говорит о своем присутствии в тексте: «Один из героев — я сам» (Довлатов, 2014, с. 15). Такой прием, создающий ощущение того, что автор выступает одновременно и создателем, и частью сюжета произведения, усиливает достоверность текста. Читатель доверяет автору и видит происходящее его глазами.

В повести «Невидимая газета», как и в сборнике «Компромисс», героем является «тезка» автора. В главе «Боголюбов топает ногами» герой подписывает открытое письмо «Уважающий вас Сергей Довлатов» (Довлатов, 2006, с. 90), а в главе «Из Америки с любовью» мы видим подпись «Любящий и уважающий вас Сергей Довлатов» (Там же, с. 114). Тексты, опубликованные в рамках рубрики «Колонки редактора» для «Нового американца», имеют максимальную степень проявленности автора в связи с ее жанрообразующими признаками.

Монтаж. Использование монтажа помогает автору быстро переключаться между эпизодами повествования, придавая ему динамику. Например, во вступлении после диалога с Логиновым читатель не видит подробностей передвижения героя до редакции и кабинета Каширина, а сразу наблюдает за новым диалогом: это обусловлено тем, что акцент

необходимо сделать не на дороге, а на конкретном действии на новом месте. Довлатов использует резкую смену эпизодов повествования, игнорируя привычные связки между ними.

Прием монтажа используется не только при переходе от одного сюжетного эпизода к другому, но и при переключении с сюжетной линии на внутренний монолог героя и наоборот. В «Компромиссе третьем» после размышлений про жизнь беспечных девушек сюжет сразу переключается на Аллу Мелешко, чей образ воплощает именно такой типаж. В «Компромиссе восьмом» внутренний монолог буквально врывается в текст и отвлекает от основного повествования. После такого отступления автор использует связку: «Но вернемся к эпизоду у стойки» (Довлатов, 2014, с. 84). Это демонстрирует, что эпизоды могут не только резко сменяться один другим, но и прерывать друг друга с последующим возвращением к повествовательной линии.

Монтаж дробит произведения на несколько композиционных частей. Например, «Компромисс пятый» с помощью этого приема разделен на два сюжетных блока. Первый — диалог главного героя с редактором Туронком, получение задания для написания материала, а второй — рассказ о том, как он ищет персонажа для будущей публикации, с какими трудностями ему пришлось столкнуться при сборе информации. Графически деление между частями выражено отступом.

Использование монтажа стало характерным и для повести «Невидимая газета». В предисловии автор использует этот прием для возвращения к началу текста, прерывая воспоминания. Склейка эпизодов происходит за счет повторения одного и того же предложения: «Пятый год я разгуливаю вверх ногами» (Довлатов, 2006, с. 42). Для переключения между эпизодами повествования Довлатов использует небольшие зарисовки «Соло на ундервуде», так как он вставляет их именно в момент окончания одного эпизода повести перед началом другого.

Диалоги. Некоторые новеллы полностью строятся на диалогах, в других они занимают значительное место в развитии повествования. Использование диалогов помогает автору как можно точнее и без лишних описаний представить характеры персонажей. В основном реплики ориентированы на живую разговорную речь, изобилуют краткими уточняющими вопросами («В смысле?», «Кто?», «Во сколько?») и даже просторечным «Ну?». Довлатов сохраняет «неровности» человеческой речи, например, использует обсценную лексику. Предмет разговора, манера речи работают на создание образов. Так, в ответ Логинову на его определение Каширина как опытного журналиста и человека «довольно мягкого», Довлатов произносит: «Дерьмо, — говорю, — тоже мягкое» (Довлатов, 2014, с. 7). Такая реплика демонстрирует саркастичность и прямолинейность героя, даже определенную грубость, которые сохраняются на протяжении всех «компромиссов».

Диалоговая форма часто встречается в повести «Невидимая газета», например, диалог Баскина и конференсье Беленького о работе в питом-

нике лекарственных змей в главе «Мы принимаем решение». Автор передает речь героя, сохраняя в ней жаргонные, бранные и устаревшие слова. Есть главы, где диалог является центром сюжета («Встреча», «Накануне»). При передаче диалога Довлатов иногда использует конструкции «Я спрашивал его: ...», «Он ответил: ...» и т. п. Благодаря этим начальным вставкам создается характерная для разговорной речи модель повествования «я ему — он мне — а я ему — а он мне» при эмоциональном повествовании. С помощью диалога персонажей Довлатов выстраивает еще один диалог — с читателем. В «Колонках редактора» чаще встречаются краткие диалоги, послужившие поводом для размышлений, или аргументация ситуации. Для того, чтобы диалоги выглядели реалистично, автор сохраняет присущее эмигрантской речи использование русских и английских слов в одном предложении: «Я думаю, это — kidding, joke, шутка. Извините меня» (Довлатов, 2006, с. 375).

Детали. Произведения сборника наполнены деталями, характеризующими внешность человека, окружающую его обстановку и т.д., что усиливает эффект создания реалистичного образа и служит средством авторской оценки описываемого. К примеру, в «Компромиссе втором» Довлатов подробно обрисовывает ипподром: «Грязноватое поле, косые трибуны... Возбужденная, крикливая толпа циркулирует от бара к перилам. Ипподром — единственное место, где торгуют в розлив дешевым портвейном» (Довлатов, 2014, с. 11). В этом фрагменте автор включает в описание пространства такую деталь, как продажа дешевого портвейна «в розлив», благодаря чему читатель может сделать вывод о том, что завсегдатаи ипподрома злоупотребляют спиртным.

В повести «Невидимая газета» детальное описание играет важную роль для создания образов, окружающих рассказчика. В главе «Встреча» важной деталью образа Р. Фьезоли стала его одежда: «Гангстер был одет довольно скромно. Его вельветовые брюки лоснились. Джемпер с надписью „Помни Валенсию!“ обтягивал круглый живот» (Довлатов, 2006, с. 65). Благодаря деталям читатель способен увидеть несоответствие внешнего вида Риццо с его статусом гангстера. Подобным образом в колонке редактора «Осенью состоятся перевыборы...» Довлатов описывает одежду мэра Коча: «Я обратил внимание на его стандартные коричневые брюки и поношенные туфли» (Там же, с. 414). Использование этой детали создает жизненный и как будто более «очеловеченный» образ мэра.

Также в «Невидимой газете» Довлатов отмечает те вещи, которые поразили его в Америке: беспроводные телефоны, «съедобные дамские штанишки» (Там же, с. 87), приветливые полицейские. Осмысляя свой жизненный путь, автор при помощи детали оценивает города, в которых ему приходилось жить. Говоря о Ленинграде, он отмечает: «Благородство здесь так же обычно, как нездоровый цвет лица, долги или вечная самоирония» (Там же, с. 56). При описании Таллина Довлатов обращает внимание на его готические башни. В Нью-Йорке он фокусируется на отсут-

ствии памятников, делая вывод, что «настоящее, прошлое и будущее тянутся в одной упряжке» (Там же, с. 57).

Внутренний монолог. Для передачи мыслительных процессов и описания внутренних переживаний героя автор использует внутренний монолог. В «Компромиссе» герой негодует по поводу платы за написанную информацию, размышляет о категоричном восприятии положительного и отрицательного, задумывается об отсутствии беззаботных дней в его жизни, рефлексировать о журналистской деятельности. Иногда рассказчик самостоятельно прерывает свои размышления: «Ревновать я не имею права. Жена, алименты... Долго рассказывать. Композиция рухнет...» (Довлатов, 2014, с. 191). Это напоминает технику потока сознания.

Использование внутреннего монолога является ключевым для текстов, вошедших в сборник «Речь без повода...или Колонки редактора», мысли автора становятся для них основой. Довлатов использует внутренний монолог для передачи достоверности происходящего, добавляя историям личные эмоции и переживания. Большинство материалов затрагивает тему жизни эмигрантов третьей волны, ее трудности и особенности выживания, осмысляемые автором. В повести «Невидимая газета», в главе «Огонь», герой задумывается о своем одиночестве в Америке: «Я шел сквозь гул и крики. Я был частью толпы и все же ощущал себя посторонним. А может быть, все здесь испытывали нечто подобное?» (Довлатов, 2006, с. 124).

Необычная пунктуация. В основном, этот прием представлен в сборнике «Компромисс». Здесь часто встречаются случаи использования пунктуации в нехарактерных для конкретного знака случаях или в качестве замены невербального элемента диалога. К примеру, в «Компромиссе первом» вместо подробного описания эмоционального состояния главного героя автор использует вопросительный знак, который выступает в качестве самостоятельной реплики. Употребление пунктуации в данном случае направлено на то, чтобы опустить описательные подробности, характерные для художественной литературы, сделать акцент на эмоции, дать читателю возможность представить невербальные элементы диалога.

Заключение

Необходимая для «нового журнализма» субъективность достигается в «Компромиссе» и «Речах без повода...» за счет личных оценок Довлатова и его впечатлений, не просто воплощенных в текстах, но и являющихся их смысловым ядром. Для выполнения этой задачи в рассмотренных сборниках автор использует приемы и особенности «нового журнализма»: повествование от лица конкретного персонажа, диалоги, монтаж, детали, внутренний монолог и необычную пунктуацию. В произведениях эмигрантского периода Довлатов отражает свой взгляд на близкие ему социально значимые явления: в сборнике «Компромисс» — на суть журна-

листской деятельности и журналистику СССР, в сборнике «Речь без повода... или Колонки редактора» — на жизнь третьей волны русской эмиграции в США. Повествование от лица героя, по воле автора ассоциативно соотносимого с ним самим, не сужает представление об этих явлениях, а помогает рассмотреть их как можно глубже и детальнее. При этом автор осмысляет не только жизнь одного человека, но и жизни его окружения. Таким образом, использование приемов «новой журналистики» усиливает публицистическое звучание произведений Довлатова, делает их привлекательными для думающей, критически настроенной читательской аудитории, что соответствует самой сути «нового журнализма».

Список литературы

- Байбатырова Н.М. Публицистическая деятельность С. Довлатова в газете «Новый американец» // Вестник Мордовского университета. 2015. № 3. С. 57–65.
- Богданова О.В., Власова Е.А. Интердискурсивность в повести С. Довлатова «Компромисс» // Российский гуманитарный журнал. 2020. № 6. С. 417–424.
- Вулф Т. Новая журналистика и Антология новой журналистики / пер. с англ. Д.А. Благова, Ю.А. Балаяна; под ред. Т. Вулфа, Э.У. Джонсона. СПб.: Амфора, 2008. 574 с.
- Доброзракова Г. А. Журналистская деятельность С. Довлатова (доэмигрантский период) // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 1 (56). С. 311–313.
- Довлатов С. Компромисс. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 224 с.
- Довлатов С. Речь без повода... или Колонки редактора. Ранее неизданные материалы. М.: Махаон, 2006. 432 с.
- Кузовов С.С. Сергей Довлатов — журналист: доэмигрантский период творчества // Филологический журнал. 2013. № 20. С. 56–61.
- Ласточкина Е.В. Сергей Довлатов — редактор газеты «Новый американец» // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2010. № 2. С. 52–60.
- Ласточкина Е.В. Публицистическое начало в прозе С. Довлатова : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2017. 27 с.
- Hollowell J. Fact and fiction: the new journalism and the nonfiction novel. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1977. xiv, 190 p.

Сведения об авторах:

Поселенова Евгения Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, русской литературы и медиакоммуникаций, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет, Российская Федерация, 650000, Кемерово, ул. Красная, д. 6. ORCID: 0000-0002-6327-3466. E-mail: e.poselenova@gmail.com

Монш Виктория Сергеевна, педагог дополнительного образования, Городской классический лицей, Российская Федерация, 650066, Кемерово, Октябрьский проспект, д. 39. ORCID: 0009-0002-1442-8457. E-mail: vika.monsh@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-472-481

EDN: DZLVNQ

УДК 82-192

Научная статья / Research article

Советское как личное: о песне Михаила Елизарова «Господин Главный Ветер»

О.Р. Темиршина

*Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация
Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль,
Российская Федерация
✉ o.r.temirshina@yandex.ru*

Аннотация. В статье дается интерпретация песни М. Елизарова «Господин Главный Ветер». Показано, что советский культурный код формирует «двойной» лирико-исторический «нарратив» этой песни. Так, на поверхностном уровне в тексте представлен сюжет распада СССР, а на глубинном уровне исторический нарратив кодирует личную драму лирического субъекта. Определить механизмы формирования этого сюжета позволил лингвистический анализ дейктической структуры песни. Было показано, что выявленная в анализируемой песне дейктическая «конфигурация» присутствует и в других поэтических текстах Елизарова, а это позволяет говорить о ее сюжетогенном потенциале. Доказано, что отождествление личной катастрофы и исторической драмы оказывается «топосом» елизаровской поэтики в целом. Интерференцию этих линий на психологическом уровне, по-видимому, обеспечивает общее эмоциональное поле переживания, в рамках которого оба события наделяются высокой эмоционально-личностной значимостью. Отсюда проистекает сложность взаимодействия сфер личного и общественного: «плавающая» точка рецепции приводит к трудности определения доминирующей смысловой линии, ибо личное «прячется» в общественном, а общественное «зашифровывается» личным. Все это позволяет существенно скорректировать бытующее представление о принадлежности творчества Елизарова к постмодернизму и обнаружить иные истоки его творческого метода, связанные с поэтикой Маяковского.

Ключевые слова: советский культурный код, песенная поэзия, литературная традиция

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>.

© Темиршина О.Р., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 февраля 2024 г.; отрецензирована 20 мая 2024 г.; принята к публикации 20 июня 2024 г.

Для цитирования: Темиршина О.Р. Советское как личное: о песне Михаила Елизарова «Господин Главный Ветер» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 472–481. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-472-481>

Soviet as personal: about Mikhail Elizarov's song “Mr. Main Wind”

Olesya R. Temirshina

*Russian State Social University, Moscow, Russian Federation
Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russian Federation
✉ o.r.temirshina@yandex.ru*

Abstract. The article represents an interpretation of M. Elizarov's song “Mr. Main Wind”. It is shown that the Soviet cultural code forms a ‘double’ lyrical and historical ‘narrative’ of this song. On a superficial level, the text presents the plot of collapse of the USSR; on a deep level, the historical narrative encodes the personal drama of the lyrical subject. A linguistic analysis of deictic structure of the song made it possible to determine mechanisms of formation of this plot. It was shown that the deictic ‘configuration’ identified in the analyzed song is also present in other poetic texts of Elizarov, that allows us to talk about its plot-generating potential. It has been proven that the identification of personal catastrophe and historical drama turns out to be the ‘topos’ of Elizarov's poetics as a whole. The interference of these lines at the psychological level is apparently ensured by a common emotional field of experience, within which both events are endowed with high emotional and personal significance. This leads to the complexity of the interaction between the spheres of the personal and public: the ‘floating’ point of reception leads to difficulty of determining the dominant line of meaning, because the personal is ‘hidden’ in the public, and the public is ‘encrypted’ by the personal. All this makes it possible to significantly correct the current idea of Elizarov's work as postmodern and to discover other sources of his creative method related to the poetics of Mayakovsky.

Keywords: Soviet cultural code, song poetry, literary tradition

Acknowledgements and Funding. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>.

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 10, 2024; revised May 20, 2024; accepted: June 20, 2024.

For citation: Temirshina, O.R. (2024). Soviet as personal: About Mikhail Elizarov's song “Mr. Main Wind”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 472–481. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-472-481>

Введение

М.Ю. Елизаров — писатель, критик, поэт-музыкант — одна из ключевых фигур современного литературного процесса. Елизаров известен в первую очередь своими эпическими произведениями, которые трактуются литературоведами в широком художественном диапазоне: от «грязного реализма» (Беневоленская, 2004, с. 9) до концептуализма и постмодернизма (Меркушов, 2013, с. 227–232).

Песенная лирика Елизарова из-за своей стилистической маргинальности становилась объектом исследования гораздо реже, чем его прозаические вещи, тем не менее, по точному замечанию У.С. Кузнецовой, она представляет собой интереснейший «интертекстуальный, стилистический и жанровый эксперимент» (Кузнецова, 2022, с. 46). Так, в песнях Елизарова обнаруживаются любопытные случаи «переупаковки смыслов», когда песенный текст требует дешифровки в силу того, что в нем сталкиваются малосовместимые с содержательной точки зрения пласты. Именно так устроена песня «Господин Главный Ветер» (написана в 2023 г.), семантическая организация которой и стала предметом данной статьи.

Два сюжета

Песня «Господин Главный Ветер» представляет собой лирический монолог, в котором странным образом сопрягаются любовная и историко-идеологическая темы. Этот факт заставляет трактовать песню либо в лирическом ключе (повествование о несчастной любви), либо в историческом регистре (рассказ о распаде Советского Союза). Любопытен факт живой читательской рецепции этой песни в сообществе Елизарова во «ВКонтакте», где слушатели приводят доводы в пользу обеих интерпретаций. И действительно, на *тематическом уровне* сам текст устроен так, что в избытке дает «доказательства» и для исторической, и для лирической концепции.

Исторический сюжет. Так, из образов и мотивов, связанных с советским прошлым, мы можем «собрать» сюжет, повествующий о гибели СССР. И в самом деле, песня начинается с констатации поражения в войне («отступают войска»), затем появляется образ Ю.Б. Левитана — диктор рассказывает о том, что планы разрушены («похерила нежный наш план») и страна на грани распада («Артиллерия выбита в хлам, / Мы ползем по недавним тылам...») (Елизаров, 2023а).

Кульминация гибели страны представлена в третьем куплете, в котором другой диктор, И.Л. Кириллов, сообщает о смерти Брежнева: «Всесоюзный с колоннами зал, / Даже диктор Кириллов сказал, <...> Это Брежнев вознесся наверх...» (Там же). Факт исторически достоверный: действительно, Кириллов комментировал похороны Брежнева. По-види-

мому, эта ситуация и стала реминисцентным источником песни, ср. из комментариев Кириллова: «Гроб с телом Леонида Ильича Брежнева выносят из Колонного зала...»¹.

Смерть Брежнева ознаменовала начало конца страны. Именно поэтому в финальной части песни Левитан и Кириллов уступают место Малахову, чей образ должен знаменовать новую циничную буржуазную цивилизацию, где во главу угла поставлены товарно-денежные отношения: «Мне Малахов сказал как эксперт, / Отдавая с деньгами конверт...» (Елизаров, 2023а).

Приведенная интерпретация текста (движение страны от социализма к капитализму), кажется, на первый взгляд, убедительной. Однако ее слабость заключается в том, что в песне есть ряд элементов, которые не вписываются в этот сюжет. Это образы и мотивы, связанные с лично-лирической линией. Любопытно, что они не образуют сюжетной конструкции (в отличие от мотивов, соотнесенных с исторической темой), но странным образом осложняют сам исторический нарратив: «разрывают» его, делают несамостоятельным.

Любовная линия. Семантические несоответствия возникают уже в первом куплете песни. Образ отступающих войск, который с исторический позиции можно было бы трактовать как метафору поражения Советского Союза, наделен предикатом «мои» («И мои отступают войска» (Там же)), что сразу же ставит под вопрос трактовку разворачивающегося сюжета как историко-политического. Если бы речь шла только об историческом событии, то следовало бы ожидать местоимения «наши» (ср. «наши войска отступают»). Однако употребленное автором местоимение «мои» как будто *интериоризирует*² внешнюю ситуацию, переводит ее во *внутренний психологический план*.

С личным планом песни связывается и ключевой образ текста — неназванный женский персонаж, фигурирующий в пяти куплетах из шести. О некой женщине говорят Левитан и Кириллов, к ней обращается сам лирический субъект песни, и даже Брежнев гибнет именно из-за нее. Этот образ трактуется негативно, в обценно-сниженном ключе: она «сука», «мразь» и проч.

Мотив душевного сопротивления, выраженный через образ «моих войск» вкупе с отрицательным женским образом явно указывает на любовно-лирическую линию песни. В финальном куплете — а это сильная позиция текста! — мотив неразделенной любви проявляется эксплицитно: «Чтобы драмы моей образец / Был включен в антологию / “Клуба разбитых сердец”» (Там же).

Перечисленные содержательно-тематические элементы не вписываются в обозначенный выше исторический сюжет (и в самом деле, почему

¹ Похороны Леонида Ильича Брежнева — послушать уникальный голос Игоря Кириллова. <https://www.youtube.com/watch?v=r9Tibkxnovw>

² Здесь и далее курсив мой. — О. Т.

Левитан и Кириллов говорят о возлюбленной героя, а Брежнев даже умирает из-за нее?). В связи с этим возникают следующие вопросы: каким образом связаны любовная и историческая линии текста, и можно ли одну из них считать доминирующей? Дать ответы на эти вопросы и проникнуть во внутренний мир анализируемой песни поможет анализ дейктической организации текста.

Система образов и дейктическая организация текста

Для простого лирического монолога песни содержит слишком много персонажей (это, к слову, особенность Елизарова-лирика: сказывается «эпическая» подготовка). Этих персонажей можно разделить на три типа, каждый из которых связывается, во-первых, с набором однородных тем, во-вторых, — с определенным личным местоимением, указывающим на включенность того или иного персонажа в коммуникативную ситуацию.

Первый тип объединяет исторических персонажей песни, которые обозначаются через местоимения 3 лица единственного числа (*он-дейксис*). Рассмотренный выше историко-политический сюжет связывается с образами Левитана, Кириллова, Брежнева, Малахова. Эти персонажи являются героями рассказа от лица лирического субъекта. Соответственно, они, оказываясь элементами нарратива, не включаются в лирическую коммуникативную ситуацию и обозначаются через местоимение третьего лица, которое всегда функционально обособлено «от указания на участников акта речи» (Бондарко, 2002, с. 570). См., например, один из контекстов: «Это Брежнев вознесся наверх, / Он не смог пережить...» (Елизаров, 2023а).

Второй тип представлен лирическим субъектом, который маркируется местоимением «я» (*я-дейксис*). Обратим внимание, что регистру «я» противостоит регистр «он»: «только он-то не я и проблема сугубо моя» (Там же). Здесь лирический субъект противоположен Кириллову, что приводит к «отделению» лирического голоса от историко-идеологического плана, а «моя проблема» (как и «мои войска»!) может указывать на перевод исторического конфликта в психологический, лирический модус. Однако главная особенность «Ich-дейксиса» заключается в том, что «я» всегда включено в коммуникацию.

Третий тип соотносится с самим Господином Главным Ветром и неназванным женским персонажем (*ты-дейксис*). Таким образом, лирический субъект песни, обозначенный через «я», связывается сразу с двумя коммуникативными ситуациями, соотношенными с двумя указанными адресатами. При этом, если первый адресат обозначается полностью (именно к нему в рефренах обращается лирический субъект, именуя его «Господином Главным ветром»), то женский образ остается как будто пустым, он не называется, а дается через местоимение «ты».

По-видимому, главным «участником» моделируемой лирической коммуникативной ситуации оказывается именно этот неназванный женский образ, что подтверждается двумя фактами.

Во-первых, образ женщины-адресата, обозначенный через местоимение «ты» и его формы, появляется в четырех из шести куплетов песни. При этом здесь создается любопытная симметрия: местоимения «ты» нет в *первом* и *последнем* куплетах.

Во-вторых, именно этот адресат одновременно связан с двумя планами: историческим (соотнесенным с реальными фигурами эпохи) и лирическим (предполагающим личную точку зрения субъекта). *О ней* говорят Левитан, Кириллов и Малахов, и *к ней* обращается сам лирический субъект. В результате чего выстраивается сложная повествовательная структура: герой рассказывает нам про Левитана, а Левитан рассказывает про нее, и обо всем этом герой также рассказывает — ей.

Следовательно, женский образ выступает и как коммуникативная инстанция, и как объект рассказа. Таким образом, *она* оказывается своеобразным центром, где сходятся коммуникативные интенции самого лирического субъекта, связанного с любовной темой, и Левитана *со товарищи*, соотнесенных с политическим регистром. В этом смысле именно женский образ сопрягает в единую конструкцию исторический и лирико-психологический пласты: врываясь в чуждый историко-политический план, этот образ как будто «утверждает» доминирование лирической темы.

Такое положение дел снижает значимость советского сюжета, но во все не нивелирует его, ибо не объясняет всех смысловых странностей песни. Так, если в центре песни находится любовная драма, то какую роль в ней играет советский код и почему любовное разочарование приводит к гибели Брежнева?

Где связь?

Если посмотреть на анализируемую песню в широком художественно-биографическом контексте, то связь между сферами лирики и истории проясняется.

Так, писатель неоднократно декларировал свою любовь к советскому прошлому. «Метафизический Советский Союз, — говорит Елизаров, — был фантастически цельной страной. Совершенной страной. Трагедия, что это не воплотилось»³. Ср. также: «Для меня Родина — это Советский Союз»⁴. «Все проблемы, с которыми мы сталкиваемся, — полагает писа-

³ «В чернуху не играю...». Известный писатель отвечает на вопросы «Завтра» // Завтра.ru. 30 октября 2007. <https://zavtra.ru/blogs/2007-10-3171>

⁴ «Для меня Родина — Советский Союз». Интервью с Михаилом Елизаровым // Свободная пресса. 4 января 2017. <https://svpressa.ru/society/article/163723/>

тель, — это результат чудовищной социальной трагедии, происходящей в России. Пока мы будем строить этот уродский капитализм, мы обречены на проблемы»⁵.

В этих высказываниях, взятых из интервью разных лет, обращает на себя внимание противопоставление СССР современному капиталистическому обществу — тема, которая открыто реализована во внешнем сюжете песни «Господин Главный Ветер».

Однако еще более любопытный материал дает художественное осмысление распада СССР, приписываемое персонажам елизаровской прозы. Так, в рассказе «Меняла» страна предстает как жалкое и беспомощное существо, которое *неведомыми узами* связывается с душой главного героя: «Огромный червь, проникший в нежное яблоко книжно-телевизионного вымысла. Не я истекал кровью на том пустыре, а советская художественность — ее опустошенная утроба, из которой я вывалился на свет» (Елизаров, 2023b, с. 247). В рассказе «Госпиталь» снова появляется мотив этой воистину кровной связи: Шапчук, герой повести, рвал карту, и было ощущение, что он разделялся и со «своей шкурой», ибо, разрушая страну, Шапчук разрушал себя (Елизаров, 2023с, с. 352).

Таким образом, страна и человек в художественно-философской картине мира Елизарова связаны нерасторжимыми узами, при этом связь человека и его Родины носит предельно эмоциональный характер. И недаром тема разрушения страны соотносится с мотивом растерзанного человеческого тела (вспомним, что телесное в художественном тексте есть образное воплощение эмоциональной сферы).

И здесь мы подходим к возможному ответу на вопрос о соотношении исторического и личного. Личная катастрофа в песне «Господин Главный Ветер» трактуется в терминах исторической катастрофы потому, что в рамках индивидуального творческого сознания эти трагические факты сопрягаются. Личная и историческая ситуации — буквально по принципу сновидения! — будучи заряженными одной сильной эмоцией, как будто притягиваются друг к другу: распад СССР является личной драмой Елизарова, такой же, как уход/измена возлюбленной. В этом плане *анализируемую песню можно трактовать как своеобразную психодраму, где психика героя уподоблена стране, а внутренние, личностные душевные силы персонифицированы в образах советских деятелей*. Распад целостной страны в таком контексте обозначает предельный душевный разлад личности, который герой не может преодолеть.

Мысль о связи внутреннего и внешнего в песне «Господин Главный Ветер» подтверждается еще и тем, что в других лирических композициях обнаруживаются сходные смысловые структуры. Так, в песне «Рагнарек» также возникает сопряжение онтологического и психологическо-

⁵ «Человек имеет право быть дураком». Интервью Михаила Елизарова // Газета.ru. 29 ноября 2010. https://www.gazeta.ru/culture/2010/11/29/a_3449601.shtml

го, однако здесь оно не находит своего сюжетного выражения, а реализуется только на содержательно-тематическом уровне и в дейктической композиции.

На содержательно-тематическом уровне песни «Господин Главный Ветер» и «Рагнарек» объединяет три мотива.

Во-первых, в этих текстах отчетливо звучит тема несчастной любви. В песне «Господин Главный Ветер» эта тема уходит в подтекст, формируя «второй», лирический сюжет, в песне же «Рагнарек» она обозначена явно: «Ты ушла, и я свободен...» (Елизаров, 2015).

Во-вторых, личная, персональная драма в обеих песнях сопровождается разрушением целого мира: в песне «Господин Главный Ветер» рушится страна, а в песне «Рагнарек» наступает конец света. Так, в последней строфе песни «Рагнарек» звучит тема скандинавского апокалипсиса: «Завыл предсмертно Фенрир / Погибли боги и закончился мир» (Там же). Тема финала появляется и в заключительных строчках песни «Господин Главный Ветер»: «Господин Главный Ветер, / Как видите, делу венец» (Елизаров, 2023а). Здесь необходимо отметить, что Елизаров в своей художественной прозе разрушение СССР осмысляет именно в апокалиптических координатах (ср. метафору из рассказа «Меняла»: «Прежний мир лопнул, как хрупкий елочный пузырь» (Елизаров, 2023b, с. 247)).

В-третьих, в этих песнях возникает тема ухода-побега главного героя от невыносимой ситуации. В песне «Рагнарек» этот побег обозначен явно («А я опять дезертир...» (Елизаров, 2015)), в песне «Господин Главный Ветер» — косвенно, через отсылку к сказке Вениамина Каверина «Летающий мальчик», где ключевым выступает мотив побега. В этой сказке и обнаруживается источник фразы «Господин Главный Ветер, / Я вышел на связь!»: им стал своеобразный заговор, который повторяют герои с целью научиться летать («Господин Главный Ветер... ты слышишь меня?» (Каверин, 1988, с. 357)).

На уровне дейктической композиции песни также удивительно сходны. Так, они имеют двойную адресацию, что отражается в поэтическом дейксисе. С одной стороны, их тексты обращены к некоему внешнему адресату, обозначенному через имя. В песне «Рагнарек» таким адресатом оказывается некий Игорек, которого герой приглашает на «плановую гибель богов» («Ах, Игорек, Игорек / Пошли со мною на Рагнарек» (Елизаров, 2015)), а в песне «Господин Главный Ветер» адресатом выступает сам Ветер. С другой стороны, в них есть и второй адресат — остающийся в подтексте женский образ, к которому также обращен монолог главного героя. В обоих случаях этот женский образ обозначается через «ты»: в «Рагнарек» — «Ты ушла, и я свободен» (Там же), в песне «Господин Главный Ветер» — «Левитан рассказал, / Что ты сука...» (Елизаров, 2023а).

Таким образом, в песнях моделируются сходные коммуникативные ситуации: лирический субъект одновременно обращается к двум адресатам, один из которых назван по имени (персонаж мужского пола),

а другой — женщина — вводится через личное местоимение. Таким образом, две анализируемые песни как будто бы разворачиваются из одной семантической матрицы: на это указывает как их тематическая общность, так и элементы самой композиционной структуры текста. Эта общность, возможно, связана с тем, что в их основе лежит одна и та же психологическая модель, которая застывает в семантической структуре текстов.

Заключение

Итак, в песне «Господин Главный Ветер» возникает «двойной», «лирико-исторический» сюжет: личная трагедия моделируется с помощью исторических образов, а историческая катастрофа оказывается уподобленной личной драме.

Однако у Елизарова в лирических текстах редко бывают прямые аллегии; в этой связи кажется неверным полагать, что исторический сюжет — всего лишь форма, куда механически «вливается» личностный смысл. Специфика этой формы такова, что в ней уже есть некое «остаточное» содержание. Кажется, что Елизаров это содержание не только не затушевывает, но и подчеркивает, что, с одной стороны, ведет к замешательству читателя, привыкшего четко разделять аллегорические планы, а с другой стороны, инициирует слияние личного и общественного.

При этом древняя символическая аналогия «Родина — Возлюбленная» структурно трансформируется, в ней как будто исчезают «швы» между двумя содержательными пластами, и простая аллегория превращается в сложный символ. Подобная нейтрализация смысловых границ между разными смысловыми системами, их *слитность* парадоксально приводит к тому, что при восприятии текста песни они оказываются в известной степени *самостоятельными*. В результате возникает «плавающая» точка рецепции, что приводит к трудности определения доминирующей смысловой линии. *Что является подтекстом чего*: личное прячется в общественном или общественное зашифровано в личном?

Такая техника работы со смыслами ставит вопрос об историко-литературных основаниях лирики Елизарова. На поверхностном уровне «переупаковка» смыслов должна отсылать к постмодернизму (творчество Елизарова действительно часто связывают именно с постмодернизмом сорокинского толка). Однако механическая «привязка» приема к тому или иному направлению/течению в некоторых случаях может быть некорректной, ибо прием должен быть функционально нагружен, ведь он всего лишь средство, с помощью которого достигается некая художественная цель, лежащая в ценностно-смысловой области. С нашей точки зрения, интерференция исторического и личного, описанная в статье, «на выходе» дает вовсе не постмодернистскую ироничную игру, а скорее напоминает установку Владимира Маяковского на утопическое объединение личного и общественного, например, в стихотворении «Письмо

Татьяне Яковлевой». Более того, это парадоксальное соединение личного и социального может уводить и дальше, в эпоху романтизма, но это тема уже другой работы.

Список литературы

- Беневоленская Н.П. Художественная философия русского литературного постмодернизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 2004. 21 с.
- Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
- Елизаров М. Господин Главный Ветер // Михаил Елизаров. Сообщество читателей и слушателей. 2023а. 27 января. <https://ru-elizarov.livejournal.com/360858.html>
- Елизаров М. Меняла // Елизаров М. Мы вышли покурить на 17 лет. М.: АСТ, 2023b. С. 240–251.
- Елизаров М. Госпиталь // Елизаров М. Ногти. М.: АСТ, 2023с. С. 304–355.
- Елизаров М. Рагнарек // Михаил Елизаров. Сообщество читателей и слушателей. 2015. 26 марта. <https://ru-elizarov.livejournal.com/336791.html>
- Каверин В. Летящий мальчик / сост. Г.П. Турчина // Конь с розовой гривой. Повести и рассказы советских писателей. М.: Правда, 1988. С. 344–374.
- Кузнецова У.С. Михаил Елизаров: в диалоге с музыкой и литературой // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 4. С. 44–55.
- Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 9: 1928. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958. 611 с.
- Меркушов С.Ф. Игра с классикой: литературные мутации в прозе М. Елизарова (на примере текстов «Госпиталь» и «Мультики») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. Вып. 4. С. 227–232.

Сведения об авторе:

Темиршина Олеся Равильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и культуры, Российский государственный социальный университет, Российская Федерация, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1; ведущий научный сотрудник научной лаборатории «Рецепции советского дискурса в русской лирике второй половины XX – начала XXI века», Ярославский государственный педагогический университет, Российская Федерация, 127006, Ярославль, ул. Каретный Ряд, д. 2. ORCID: 0000-0003-0127-6044. E-mail: o.r.temirshina@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-482-490

EDN: DZXZHQ

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Концепт «жизнь» в позднем творчестве Ф.А. Искандера

М.М. Кирова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация*

✉ mariakirova709@gmail.com

Аннотация. Целью данной статьи является раскрыть содержание концепта «жизнь» в понимании Ф.А. Искандера и объяснить жанровую специфику его поздних произведений посредством контент-анализа метафорических структур, представленных в собраниях записок, эссе и рассказов писателя. Если для ранних периодов его творчества наиболее характерны сборники рассказов и романы в новеллах, то в зрелом возрасте он обращается к таким жанрам, как собрания записок и эссе. Объект исследования — собрания записок «Понемногу о многом» и «Из записных книжек», эссе «Сталин и Вучетич», «Государство и совесть», «Поэты и цари», «Моцарт и Сальери», «Размышления писателя», а также рассказ «Сюжет существования». Жизнь не противопоставляется смерти, да и в целом Искандер больше не настаивает на победе положительного над отрицательным. В результате исследования автор приходит к следующим выводам. Искандер в своем позднем творчестве отходит от концептуальной метафоры «жизнь — цельность»: целостным может быть только изображение жизни в искусстве или в теории, но сама по себе жизнь фрагментарна. И только идеи, базирующиеся на принципах гуманизма, способны вернуть хаосу жизни некоторую гармонию. Фрагментарность, основанная на ассоциативности, составляет главное своеобразие поздних произведений писателя.

Ключевые слова: Искандер, концепт, жизнь, гуманизм, фрагментарность, ассоциативность

Благодарности и финансирование. Автор выражает благодарность В.Б. Семенову за полезное обсуждение и помощь в подготовке рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11 марта 2024 г.; отрецензирована 12 мая 2024 г.; принята к публикации 18 июня 2024 г.

© Кирова М.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: М.М. Кирова. Концепт «жизнь» в позднем творчестве Ф.А. Искандера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 482–490. [http:// doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-482-490](http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-482-490)

The concept of life in the late work of F.A. Iskander

Maria M. Kirova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ mariakirova709@gmail.com

Abstract. The purpose of this article is to explore the concept of “life” as understood by F.A. Iskander and to explain the genre specificity of his later works through a content analysis of metaphorical structures in the collections of essays, notes, and short stories by the writer. If his earlier works are mostly collections of short stories and novel-in-short stories, then later in his career he turns to such genres as collections of essays and notes. The focus of this study will be on the collections “A little about a lot” and “From notebooks”, the essays “Stalin and Vuchetich”, “State and conscience”, “Poets and kings”, “Mozart and Salieri”, and “Reflections of a writer”, as well as the short story “The plot of existence”. Life is not contrasted with death, and Iskander does not insist on the triumph of the positive over the negative in his work. Through this research, the author will draw the following conclusions. In his later work, Iskander departs from the conceptual metaphor of “life as wholeness”. He argues that only the depiction of life through art or theory can be considered complete, while life itself is inherently fragmented. He believes that only ideas founded on humanistic principles can bring some harmony to the chaotic nature of life. The main feature of Iskander’s later writings is fragmentation, which is based on associative thinking.

Keywords: Iskander, life, concept, humanism, fragmentation, associativity

Acknowledgements and Funding. The author expresses her gratitude to V.B. Semenov for useful discussion and help in preparing the paper.

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted March 11, 2024; revised May 12, 2024; accepted June 18, 2024.

For citation: Kirova, M.M. (2024). The concept of life in the late work of F.A. Iskander. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 482–490. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-482-490>

Введение

Позднее творчество Ф.А. Искандера часто выпадает из поля зрения исследователей, несмотря на то, что именно в нем произошла заметная жанровая трансформация. Снижение интереса автора к большим произведениям в постсоветский период творчества очевидно, однако подробный анализ художественных концептов может раскрыть жанровую специфику более наглядно.

Обсуждение вопроса

При описании понятийной составляющей концепта О.А. Ипанова выделяет следующие признаки: жизнь — это существование; деятельность, функционирование; движение; длительность; целостность; реальность; качество. Говоря об образной составляющей концепта «жизнь», она обращает внимание на следующие метафоры: жизнь — путь; ценность; собственность; книга; нечто хрупкое; идеальная субстанция; физическая субстанция; ресурс; конструкция; механизм (машина); агрессор; учитель; судья; доброжелатель; вольная, независимая личность; обидчик; жертва; подчиненный (раб) (Ипанова, 2005, с. 146–156).

Отметим такую глобальную концептуальную метафору, как «жизнь — дерево», которая, по мнению Д. Минделла (Mindell, 2013, p. 479), активно используется в естествознании с легкой руки Ч. Дарвина (Дарвин, 2016, с. 138). Д.А. Моррисон считает, что метафора жизни как дерева с сетчатым строением очень близка метафоре «жизнь — сеть (network)» (Morrison, 2014, p. 628).

Записки Ф. Искандера близки по форме к афоризмам. Зарубежные исследователи пишут, что этот жанр пришел из точных наук и ведет свою родословную от трудов Гиппократ (Antoniou et al., 2012, p. 866), сравнивают структуру афоризмов с теоремами, гипотезами, аксиомами (Davis, 1999, p. 247). А ведь конец XX в. и был для Ф. Искандера новой реальностью, в которой ему еще предстояло найти себя как писателя.

По мнению Е.В. Сумароковой, в романе «Сандро из Чегема» Ф. Искандер возвращается к карнавально-мифологической традиции, подразумевающей неразрывность противоположных начал (Сумарокова, 2013, с. 315). По результатам своего исследования романа Е.В. Сумарокова приходит также к следующим выводам:

1. Концептуальных метафор жизни с отрицательной коннотацией гораздо меньше, чем с положительной. В контекстах с отрицательной коннотацией жизнь изображается как бремя, как нечто лишнее и испорченное, но не злое (Там же, с. 311).

2. Концептуальные метафоры жизни основаны на образах семьи, труда, быта, праздника, отдыха, природы (Там же, с. 312). Об этом же пишет и А.В. Лачинов: «Природа определяла специфику поведения людей, влияла на формирование законов, устоев, обычаев» (Лачинов, 1998, с. 20).

3. Наибольшее количество контекстов в романе Ф. Искандера репрезентует концептуальный признак «жизнь — целостность» (целостный набор событий, действий и т. д.) (Сумарокова, 2013, с. 312). Об этой особенности пишет Н.С. Выгон: «Конституирующей чертой искандеровского мира является принцип приятия бытия как безусловного единства и абсолютной целостности, где нет ничего малозначительного или незаконного, что для гармонизации жизни следовало бы исключить» (Выгон, 1992, с. 2). Б.М. Сарнов также отмечает стремление Ф. Искандера к целостности,

выражающееся в его внимании к мелким деталям, переходным состояниям (Сарнов, 1978). О пафосе принятия мира как важной составляющей прозы писателя пишет и И.М. Сугян (Сугян, 2012).

4. Концептуальная метафора «жизнь — дерево» «является и образцом речевой и структурной организации произведения» (Сумарокова, 2013, с. 314). «Древообразность» жизни в произведениях Ф. Искандера отмечает и Н.Б. Иванова (Иванова, 1990, с. 83). О внимании к «микроэлементам жизни» пишет также Е.А. Ермолин (Ермолин, 2011). Н.Б. Иванова позже сравнивала роман Ф. Искандера не только с деревом, но и с ризомой (Иванова, 2019, с. 12).

В концептосфере Ф. Искандера концепт «жизнь» является одним из важнейших. Слово-имя концепта и его однокоренные слова представлены в публицистике писателя в 178 контекстах, а в собрании записок — в 88.

Анализ концептов в позднем творчестве Ф. Искандера (в собраниях записок «Понемногу о многом» и «Из записных книжек», в эссе «Сталин и Вучетич», «Государство и совесть», «Поэты и цари», «Моцарт и Сальери», «Размышления писателя», а также в рассказе «Сюжет существования») стоит начать с того, чем они кардинально отличаются от представленных в романе «Сандро из Чегема». Если говорить о концепте смерти, то в анализируемых произведениях он почти не представлен. Любопытен в этом плане фрагмент о предсмертных словах великих людей. В нем смерть предстает и как иное измерение («В последних словах его чувствуется, что он частью сознания уже заглянул в смерть и честно вбросил в эту жизнь, что ничего не понял»), и как нечто принадлежащее, подвластное умирающему («Всю жизнь посвятив научным опытам над животными, он и собственную смерть превратил в опыт над собой») (Искандер, 2004b, с. 540). Предсмертные слова творца отражают специфику его деятельности. Но по этой записке не понятно, представляет ли Ф. Искандер смерть переходом в иное измерение или концом жизни. Вопрос о сущности смерти остается открытым. Эта неопределенность вполне может быть спровоцирована фрагментарностью стиля писателя.

В публицистике, используя стандартные концептуальные метафоры («жатва смерти», «обрекает себя на смерть» (Там же, с. 399, 414)), Искандер больше рассуждает о бессмертии души и памятников. Также, по его мнению, смерть может подчиниться человеку и быть «исполнительной секретаршей», которую можно «казнить» (Искандер, 2004а, с. 466). Интересно сравнение: «Государство, которое живет по этому закону, обречено на гибель, личинку смерти оно уже несет в себе» (Там же, с. 462). Если для человека смертность естественна, то для общества смертность — следствие неправильного выбора объединяющей идеи. В результате анализа авторских значений концепта «смерть» можно понять, что в позднем творчестве Искандер уже не верит во всеисилие жизни и больше уповает на бессмертие души, однако явных религиозных мотивов нет.

Обратимся теперь к карнавальной взаимосвязи духовного и телесного. Ф. Искандер использует метафоры, связанные с едой («ужраться жизнью», «аппетит к жизни» (Искандер, 2004b, с. 350, 550). Однако в позднем периоде творчества на первый план выходит сравнение жизни со средой обитания, к которой нужно адаптироваться: «...Культурный человек, по сравнению с обычным, крепче в сопротивлении жизненным обстоятельствам» (Там же, с. 348), «Это таинственно вложено в природу человека на случай страшных обстоятельств жизни, чтобы род человеческий не пресекался» (Там же, с. 513).

В поздних произведениях Ф. Искандер описывает не наслаждения, получаемые от вкусной пищи и вина, а губительное влияние алкоголя и похмелья на организм. Алкоголь и похмелье помогают отгородиться от жизни и даже способны заменить жизнь («Единственное настоящее лекарство от алкоголизма — сделать жизнь такой, чтобы от нее не хотелось опохмеляться» (Там же, с. 499), «Похмелье — расплата за украденное веселье» (Там же, с. 481), «Потеря аппетита к жизни приводит к усилению аппетита к алкоголю» (Там же, с. 550). Отрицательную коннотацию в записках Ф. Искандера имеет понятие комфорта: «Комфорт — разбогатевший родственник уюта, не узнающий его» (Там же, с. 582). Но телесное, материальное все равно способно благотворно сказываться на душе. Уют, например, побуждает думать о смысле жизни: «Провинциально все, что мешает думать о смысле жизни. Нью-Йорк не только мешает думать о смысле жизни, он создал грандиозную, халтурную модель законченного мира. Зато маленькие городки Америки производят очаровательное впечатление: чисто, уютно, удобно, никакой суеты» (Там же, с. 501). Следовательно, жизнь в поздних произведениях рассматривается не только как нечто присущее человеку, но и как среда обитания. Вместо поэтического описания физического удовольствия Ф. Искандер изображает его с определенной долей осуждения, что коррелирует с его интересом к смерти.

Ф. Искандер объясняет выбор жанра следующим образом: «Хороший афоризм утоляет тоску по разумности. Жизнь фрагментарна. И человек устает от этого. Разумность афоризма по частному поводу рождает надежду, что существует универсальная разумность» (Там же, с. 510). В собрании эссе и записок признак «жизнь — целостность» остается ведущим, однако появляется и противоположный признак — «фрагментарность». О децентрализации дискурса в творчестве писателя рассуждает М. Каневская: «Децентрализованный дискурс позволяет Искандеру не просто “удлинить путь к истине”, но превратить его в опыт познания мира, от “первичной мудрости” эмпирического наблюдения до истины онтологического обобщения» (Каневская, 2005). Можно вспомнить В.В. Колесова, утверждавшего, что «русское мировосприятие асистемно» (Колесов, 2002, с. 106). По Ф. Искандеру, целостным может быть только изображение жизни, теория, а сама по себе жизнь фрагментарна.

Обратим теперь внимание на то, как Ф. Искандер соотносит жизнь и творчество. У него появляются концептуальные метафоры жизни как черновика: «Из черновика жизни писатель по капле выдавливает гармонию и создает гармонизированный мир» (Искандер, 2004b, с. 569–570), «Художник интуитивно и непрерывно оплодотворяет свою жизнь, превращая ее в обогащенную руду, в бесконечный черновик, который он потом будет переплавлять в своем творческом воображении, придавая ему ту или иную форму» (Там же, с. 412). Есть также метафора жизни как первого акта творчества, источника творческой энергии (Там же, с. 550, с. 368).. Несмотря на то, что в перечисленных фрагментах высказана примерно одна и та же мысль, по ним видна ассоциативность мышления Ф. Искандера. Недаром сам писатель одну из важных характеристик ума определяет следующим образом: «Ничто так не обнажает истинное состояние ума человека, как попытка определить соотношение далеких друг от друга вещей. Тут-то обнаруживается замаскированный дурак или неожиданный умница» (Там же, с. 557).

Ф. Искандер пишет о том, что жизнь не поддается теоретизированию, что субъективное представление всегда будет ограничено: «Надо выпадать из жизни, чтобы впадать в мысль» (Там же, с. 575), «Кровавый хаос окружающей жизни делал бестактным хаос буйствующих метафор» (Там же, с. 454). Получается, что творчество — тоже своего рода особая реальность, среда обитания. В этом смысле писатель начинает использовать выражение «живая жизнь» (Там же, с. 495, 406). Если жизнь не поддается теории, зачем искусство? Ф. Искандер пишет о том, что искусство помогает людям жить, делает их лучше: «Трагическое в искусстве можно уподобить прививке от смертельной болезни. Оно умудряет душу и облегчает встречу с трагическим в жизни» (Там же, с. 442). Главный вывод заключается в том, что в глобальном смысле жизнь не поддается объективному описанию, жизнь не гармонична, но искусство может изобразить ее как нечто очень логичное и последовательное. И так как глобально жизнь — хаос, то все, что писатель должен делать, — это не описывать жизнь, изучать ее механизмы, но помогать бороться с хаосом, а именно воспевать добро.

Здесь стоит также отметить, что в собрании записок и публицистике вместо ранее придуманной метафоры «сюжета существования» Ф. Искандер использует понятие «стиль жизни». Какая между ними разница? У Ф. Искандера есть рассказ «Сюжет существования», в котором значение этого понятия раскрывается следующим образом: «Россия потеряла сюжет своего существования, и поэтому я не знаю, о чем писать. И никто не знает, о чем писать» (Искандер, 2004a, с. 484), «Если граждане страны не улавливают сюжет существования государства — оно разваливается. Дайте сюжет! Дайте сюжет!» (Там же, с. 490). Исходя из этого, понятие «сюжета существования» подразумевает наличие глобальной цели, вокруг которой человек может выстроить жизнь, и эта цель задается обществом,

государством, в котором он живет. Отметим, что в рассказе «Сюжет существования» ничего не говорится о фрагментарности жизни.

В собраниях записок и эссе наряду с представлением о фрагментарности, хаосе жизни на первый план выходит понятие стиля жизни. Вот как его определяет Ф. Искандер: «Не допускать со своей стороны сознательной подлости, и ты, как бы ни сложилась твоя жизнь, стилем жизни победишь судьбу» (Искандер, 2004b, с. 554). Он гораздо меньше похож на судьбу, на предназначение, чем сюжет существования, и больше напоминает набор принципов. Его человек ищет сам, в отличие от сюжета существования. Стиль писателя Ф. Искандер определяет следующим образом: «Стиль художника — ответ на все вопросы, которые ставит перед ним жизнь» (Там же, с. 392), «Стиль — укорененность. Поэтому стиль — враг всякой революции» (Там же, с. 393). Стиль — это результат глубокой саморефлексии, проработки своих эмоций и жизненного опыта. Обретая свой стиль, художник обретает опору, «почву».

Можно предположить, что Ф. Искандер отчасти разочарован в коллективной, народной мудрости (о чем говорит слаборазвитый концепт «народа»), а также в идее фатализма. При этом писатель не уходит в тотальный индивидуализм. Он надеется на объединение людей посредством гуманистических идеалов. Жизнь сложно поддается схематизации, но без искусства, которое бы напоминало людям о вечном, можно запутаться в хаосе жизни: «Дело художника вытягивать волей к добру из хаоса жизни ясный смысл, а не добавлять к хаосу жизни хаос своей собственной души» (Там же, с. 355).

Заключение

Таким образом, концепт «жизнь» в идиолекте Ф. Искандера претерпел большие изменения. Ф. Искандер стал чаще изображать жизнь как среду обитания, от которой человек может отгородиться. Автор также отходит от концептуальной метафоры «жизнь — цельность»: целостным может быть только изображение жизни в искусстве или теории, но сама по себе жизнь фрагментарна. И только идеи, основанные на принципах гуманизма, способны вернуть хаосу жизни некоторую гармонию. Представление о жизни в поздних произведениях Ф. Искандера лучше передает образ сложной сетевой структуры, чем древа. Главной жанровой особенностью поздних произведений Ф. Искандера является основанная на ассоциативности фрагментарность.

Список литературы

- Выгон Н.С. Художественный мир прозы Ф. А. Искандера: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. М., 1992. 274 с.
- Дарвин Ч. Происхождение видов. М.: Эксмо, 2016. 480 с.

- Ермолин Е.А. Твердь. Мироздание по Искандеру // *Континент*. 2011. № 150. С. 420–431. <https://magazines.gorky.media/continent/2011/150/tverd-mirozdanie-po-iskanderu.html>
- Иванова Н.Б. Мир и миф Фазиля Искандера // *Вестник Литературного института им. А.М. Горького*. 2019. № 4. С. 8–12.
- Иванова Н.Б. Смех против страха, или Фазиль Искандер. М.: Советский писатель, 1990. 320 с.
- Ипанова О.А. Жизнь / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина // *Антология концептов*. Т. 2. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 146–156.
- Искандер Ф.А. Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 9: Козы и Шекспир. М.: Время, 2004а. 705 с.
- Искандер Ф.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10: Паром. М.: Время, 2004б. 670 с.
- Каневская М. Кратчайший путь к истине: децентрализация дискурса у Фазиля Искандера // *НЛО*. 2005. № 2. С. 224–244. <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/2/kratchajshij-put-k-istine-decentralizacziya-diskursa-u-fazilya-iskandera.html>
- Колесов В.В. «Судьба» и «счастье» в русской ментальности / отв. ред. М.Я. Корнеев // *Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. К 75-летию профессора М.Я. Корнеева*. (Серия: Мыслители. Вып. 11). СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 98–106.
- Лачинов А. В. Человек и мир в художественной системе Ф. Искандера: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Нальчик, 1998. 21 с.
- Сарнов Б.М. «Чем глубже зачерпнуть...» (Заметки о прозе Фазиля Искандера) // *Вопросы литературы*. 1978. № 7. С. 126–151. <https://voplit.ru/article/chem-glubzhezacherpnut-zametki-o-proze-fazilya-iskandera/>
- Сугян И.М. Репрезентация авторской позиции в художественных и публицистических произведениях Ф.А. Искандера: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Тверь, 2012. 19 с.
- Сумарокова Е.В. Концепт *жизнь* как организующее начало художественной картины мира Ф. Искандера (на примере романа «Сандро из Чегема») // *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2013. № 8 (79). С. 310–316.
- Antoniou G.A., Antoniou S.A., Georgiadis G.S., Antoniou A.I. A contemporary perspective of the first aphorism of Hippocrates // *Journal of Vascular Surgery*. 2012. Vol. 56. Issue 3. P. 866–868. <https://doi.org/10.1016/j.jvs.2012.05.002>
- Davis M.S. Aphorisms and clichés: the generation and dissipation of conceptual charisma // *Annual Review of Sociology*. 1999. Vol. 25. Issue 1. P. 245–269.
- Morrison D.A. Is the tree of life the best metaphor, model, or heuristic for Phylogenetics? // *Systematic Biology*. 2014. Vol. 63. Issue 4. P. 628–638.
- Mindell D. The tree of life: metaphor, model, and heuristic device // *Systematic Biology*. 2013. Vol. 62. Issue 3. P. 479–489.

References

- Antoniou, G.A., Antoniou, S.A., Georgiadis, G.S., & Antoniou, A.I. (2012). A contemporary perspective of the first aphorism of Hippocrates. *Journal of Vascular Surgery*, 56(3), 866–868. <https://doi.org/10.1016/j.jvs.2012.05.002>
- Darvin, Ch. (2016). *On the origin of species*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Davis, M.S. (1999). Aphorisms and clichés: the generation and dissipation of conceptual charisma. *Annual Review of Sociology*, 25(1), 245–269.
- Ermolin, E.A. (2011). Arch. The universe according to Iskander. *Continent*, 150, 420–431. (In Russ.) <https://magazines.gorky.media/continent/2011/150/tverd-mirozdanie-po-iskanderu.html>

- Ipanova, O.A. (2005). Life. In: Karasik V.I., Sternin I.A. (eds.) *Anthology of concepts*. Vol. 2. Volgograd: Paradigma. P. 146–156. (In Russ.)
- Iskander, F.A. (2004a). *The complete collection of works: in 10 vols*. Vol. 9: Goats and Shakespeare. Moscow: Vremya. (In Russ.)
- Iskander, F.A. (2004b). *The complete collection of works: in 10 vols*. Vol. 10: Ferryboat. Moscow: Vremya. (In Russ.)
- Ivanova, N.B. (1990). *Laughter against fear, or Fazil Iskander*. Moscow: Soviet Writer. (In Russ.)
- Ivanova, N.B. (2019). The world and the myth of Fazil Iskander. *Proceedings of Gorky Literary Institute*, 4, 8–12. (In Russ.)
- Kanevskaya, M. (2005). The shortest path to the truth: decentralization of discourse by Fazil Iskander. *NLO*, 72, 224–244. (In Russ.) <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/2/kratchajshij-put-k-istine-deczentralizacziya-diskursa-u-fazilya-iskandera.html>
- Kolesov, V.V. (2002). ‘Fate’ and ‘Happiness’ in Russian mentality. In: Korneev M.Ya. (ed.) *Reflections on philosophy at the crossroads of the second and third millennia. On the 75th anniversary of Professor M. Ya. Korneev*. (“Thinker” Series. Issue 11). St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. P. 98–106. (In Russ.)
- Lachinov, A.V. (1998). *A man and the world in the artistic system of F. Iskander*. (Ph.D. Dissertation abstract). Nalchik. (In Russ.)
- Mindell, D. (2013). The tree of life: metaphor, model, and heuristic device. *Systematic Biology*, 62(3), 479–489.
- Morrison, D.A. (2014). Is the tree of life the best metaphor, model or heuristic for Phylogenetics? *Systematic Biology*, 63(4), 628–638.
- Sarnov, B.M. (1978). “The deeper you scoop...” (Notes on the prose of Fazil Iskander). *Questions of Literature*, 7, 126–151. (In Russ.) <https://voplit.ru/article/chem-glubzhe-zacherpnut-zametki-o-proze-fazilya-iskandera>
- Sugyan, I.M. (2012). *Representation of the author’s position in F.A. Iskander’s artistic and journalistic works*. (Ph.D. Dissertation abstract). Tver. (In Russ.)
- Sumarokova, E.V. (2013). Concept of life as organizing principle of F. Iskander’s artistic picture of world (on example of novel “Sandro of Chegem”). *Proceedings of Irkutsk State Technical University*, 8(79), 310–316. (In Russ.)
- Vygon, N.S. (1992). *The artistic world of F.A. Iskander’s prose*. (Ph.D. Dissertation abstract). Moscow. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Кирова Мария Михайловна, аспирант кафедры теории литературы, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Колмогорова, д. 1. ORCID: 0000-0001-5353-8312. E-mail: mariakirova709@gmail.com

Bio note:

Maria M. Kirova, postgraduate student at the Department of Literary Theory, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, 1 Kolmogorova St, Moscow, 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5353-8312. E-mail: mariakirova709@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-491-501

EDN: FPUNBV

УДК 82.09

Научная статья / Research article

Художественный синтез в романах А.А. Кима: жанр, стиль, метод

А.К. Асан¹, И.Г. Минералова², К.Р. Нургали¹,
К.Д. Асанов³

¹Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

²Московский педагогический государственный университет, Москва,
Российская Федерация

³Карагандинский университет имени Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
[✉akzhauyn07@gmail.com](mailto:akzhauyn07@gmail.com)

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении доминантных черт стиля А. Кима, влияющих на формирование жанровых предпочтений писателя, определяемых исследователями в границах магического реализма. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: определить доминантные черты индивидуального стиля А. Кима; аргументировать жанровую многосоставность его прозы, а также жанрово-стилевые доминанты, указывающие на индивидуальность стиля писателя; объяснить функции приемов, априори считающихся исследователями чертами феномена «магический реализм». В результате, с опорой на литературу вопроса и труды современных исследователей, в статье уточнены некоторые существенные характеристики индивидуального стиля писателя: приемы формирования философского плана произведения или иллюзии философичности. Особое внимание уделено столкновению «далековатых идей» (М.Ю. Ломоносов), роли конфликта, его многоуровневости, отражающейся во внутренней форме прозаического целого. В статье рассматриваются специфические формы словесной живописи, влияющей на характер и многосоставность содержания. Выработанная в начале творческого пути манера (романы «Белка», «Отец-Лес», «Сбор грибов под музыку Баха» и др.) в позднем творчестве узнаваема и дает возможность судить не только о художественно-содержательной значимости творчества писателя, но и о том, насколько даровито он отражает актуальные проблемы своего времени.

Ключевые слова: метафоричность, стиль, синтез искусств, магический реализм

Вклад авторов. А.К. Асан – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание статьи. И.Г. Минералова – консультация по исследовательской части, редактирование рукописи, обработка данных. К.Р. Нургали – консультация по исследовательской части, сбор и обработка данных. К.Д. Асанов – сбор и обработка данных.

© Асан А.К., Минералова И.Г., Нургали К.Р., Асанов К.Д., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 февраля 2024 г.; отрецензирована 20 мая 2024 г.; принята к публикации 20 июня 2024 г.

Для цитирования: Асан А.К., Минералова И.Г., Нургали К.Р., Асанов К.Д. Художественный синтез в романах А.А. Кима (жанр, стиль, метод) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 491–501. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-491-501>

Artistic synthesis in the novels of A.A. Kim (genre, style, method)

Akerke K. Assan¹, Irina G. Mineralova², Kadisha R. Nurgali¹,
Kamashke D. Asanov³

¹*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*

²*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation*

³*Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan*

[✉akzhauyn07@gmail.com](mailto:akzhauyn07@gmail.com)

Abstract. The aim of the paper is to identify the dominant features of A. Kim's style that influence the formation of writer's genre preferences, determined by researchers within the boundaries of magical realism. To achieve this goal, the following tasks were solved: to identify the dominant features of A. Kim's individual style; to argue for the genre complexity of his prose as well as genre-style dominants indicating the individuality of writer's style; to explain the functions of techniques, a priori considered by researchers to be features of the phenomenon of 'magical realism'. As a result, based on the literature of the issue and the works of modern researchers, the article clarifies some essential features of writer's individual style: techniques forming the philosophical plan of a work or the illusion of philosophies. Special attention is paid to the clash of 'far-off ideas' (M.Yu. Lomonosov), to the role of conflict, and its multilevel nature, reflected in the inner form of the prosaic whole. The article also focuses on the specific forms of verbal painting that affect the nature and complexity of the content. The manner developed at the beginning of A. Kim's creative career (the novels "Squirrel", "Father-Forest", "Picking mushrooms to the music of Bach", etc.) is recognizable in his later work and makes it possible to judge not only the artistic and meaningful significance of writer's work, but also how well he reflects the current problems of his time.

Keywords: metaphoricity, style, synthesis of arts, magical realism

Author's contribution. A.K. Assan – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing. I.G. Mineralova – research consultation, editing the manuscript, data processing. K.R. Nurgali – research consultation, data collection and editing. K.D. Asanov – data collection and editing.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 10, 2024; revised May 20, 2024; accepted June 20, 2024.

For citation: Assan, A.K., Mineralova, I.G., Nurgali, K.R., & Asanov, K.D. (2024). Artistic synthesis in the novels of A.A. Kim (genre, style, method). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 491–501. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-491-501>

Введение

Пришедший в литературу двумя рассказами («Акварель» и «Шиповник Меко») в 1976 г., Анатолий Андреевич Ким (1939 г. р.) заявил о себе как автор книги «Голубой остров», где опубликована одна из его знаковых повестей «Собиратели трав». Его творческое наследие представлено сегодня более чем десятью повестями, девятью романами, а также художественными переводами, пьесами («Плач кукушки» (1984), «Прошло двести лет» (1986)) и т. д. Как переводчик он познакомил русскоязычных читателей с произведениями классиков казахской литературы, таких, как Мухтар Ауэзов («Путь Абая»), Оралхан Бокеев («Снежная девушка», «Крик») и др. Он является составителем документальной книги о судьбе корейцев, депортированных с Дальнего Востока в Среднюю Азию, в частности, в Казахстан («Туда, где кончается солнце»).

А.А. Ким, кореец по национальности, выросший в Казахстане и на Дальнем Востоке, несомненно, смог в своем творчестве отразить взаимодействие культурных кодов. Время вхождения его в литературу было периодом обновления и экспериментов в советской литературе, а потому позволило наиболее полно и многогранно отразить черты, характерные и для эпохи, и для его индивидуальности: внимание к ритму, строю прозы, глубокий интерес к словесным формам выражения национального мировидения и неординарное их соединение в прозе, создаваемой на русском языке. В его романном творчестве причудливым образом переплелись традиции русской классики, созерцательность и образная плотность корейской культуры, несомненная открытость азиатскому, русскому, европейскому, всемирному, видимая легкость и акварельность словесного живописания, импессионистичность наблюдений за человеком и природой.

Вряд ли в русской литературе последней трети XX в. и первых десятилетий XXI в. есть другой такой художник слова. Будучи человеком интересующимся изобразительным искусством (в начале своего творческого пути А.А. Ким учился Московском государственном художественном училище памяти 1905 г.), он с особенным вниманием и даже трепетом относится к музыкальной классике. Уже эти сведения позволяют исследователям обратить внимание на экспериментаторский, как представлялось даже первым его критикам, характер прозы писателя, которая напоминала о творческих поисках русского авангарда, в частности, Велимира Хлебникова. Не случайно писатель часто сам оформляет и иллюстрирует свои книги.

Жанрово-стилевые эксперименты в прозе А.А. Кима

Велик соблазн, исследуя прозу писателя, толковать особенности стиля исходя из описательной фактуры произведения, упоминания мест, где разворачиваются события или над которыми размышляет герой и/или

автор (Дальний Восток, Сибирь, Средняя Азия и др.). Напомним, что над природой и человеком на Дальнем Востоке размышлял В.К. Арсеньев в книгах, которые называют приключенческими и документально-этнографическими: «По Уссурийскому краю» (1921), «Дерсу Узала» (1923). М.М. Пришвин посвятил свою повесть-поэму «Женьшень» (1932) мировидению русского и китайца, по-разному, но любовно представляющих свою «Арсею»-Россию. По-другому видел Дальний Восток А.А. Фадеев в своих романах «Разгром» (1926) и «Последний из удегэ» (1966), создавая социально-политические, нравственно-психологические полотна истории этого края.

Справедливо будет сказать, что описываемое писателем пространство лишь отчасти характеризует его стиль, и в своей манере письма А.А. Ким ближе всего к М.М. Пришвину, в котором, как правило, исследователи видят философа и поэта, но никогда – авангардиста. Априорные клише вроде «авангардист», «постмодернист», «мифотворец», применяемые к стилю А.А. Кима, скорее искажают его собственный вклад в историю русской литературы, чем разъясняют тайны его письма.

В 1984 г. выходит его первый роман «Белка: роман-сказка», и он совершенно не похож на предшествующие образцовые романы-сказки, например, на «Трех толстяков» (1924) Ю.К. Олеши. В «сказке» А.А. Кима, написанной на русском языке, нет попыток отразить сказовую манеру в синтаксисе, но есть будто бы характерный набор героев (человек и зверь), есть превращение человека в зверя и зверя в человека, есть аллегорическое переосмысление образа любви, условий любви, времени любви и свободы. И тут следует обратить внимание на эпиграф к роману «Белка»: это строка из «Сказки о царе Салтане...» А.С. Пушкина «Белка песенки поет...». В эпиграфе одновременно даны подсказки жанра и образно-смысловых коллизий (превращений, любви, красоты, смерти) и своеобразная, ставшая модной в литературе игра с читателем.

Животные в сюжете «Белки» амбивалентны, они будто бы олицетворяют зло, тогда как добро изображается через людей искусства, однако автор никогда в своих размышлениях не дает однозначного ответа, утверждая при этом, что творчество поднимает внутренний мир на высокий уровень боли, любви и свободы, ведомых и отдельному существу, и человечеству в целом. Наличие всех этих условно-сказочных компонентов формирует поэтическую, фантастическую и философскую внутреннюю форму. Ни одна линия не отменяет другую, не становится главенствующей над другой, органически объединяя все указанные уровни и планы описания и повествования.

В формировании полижанровости прозы А.А. Кима участвует много-составность конфликта. Как справедливо указывает А.Г. Коваленко, «герой... чувствует в себе “зло”, а в свою очередь это “зло” есть следствие несовершенства окружающего мира. При этом двоение есть уже предпосылка к нравственному очищению, к восстановлению целостности

сознания» (Коваленко, 2010, с. 309). Гетерофония образов усиливает ассоциативно-поэтический план всего строя произведения. Именно эти черты стиля писателя вызывают и сегодня разные, порой диаметрально противоположные исследовательские характеристики. Так, например, А.И. Смирнова относит произведения А.А. Кима к натурофилософской прозе (Смирнова, 2009, с. 196), а Э.А. Бальбуров отмечает космические традиции в поэтике исследуемого автора (Бальбуров, 1997, с. 7). Так происходит, по всей видимости, потому, что в каждом конкретном случае литературовед берет за точку отсчета какую-то одну из жанровых линий, тогда как писатель в произведении запечатлевает «особый ход мысли, присущий данному автору, особый ход художественных ассоциаций, ему присущий» (Минералов, 1999, с. 20), и в нем не дискретны, не разрознены, а соединены и даже переплавлены восточно-азиатское мирозерцание и христианское не как догмат или учение богословов, житейская мудрость, — запечатленные в речи, в том числе художественной речи писателей-предшественников, в слоге, синтаксисе.

Многие мотивы и жанровые линии, заданные в «Белке», получили свое развитие в романе-притче «Отец-Лес» (1989). Автор говорит следующее о своем замысле: «В романе я попытался сказать о таких качествах человека, с которыми человеческий мир во вселенной не имеет права, не имеет возможности продолжаться в будущем <...> Главное, о чем мне хотелось сказать, это о суицидальных, самоубийственных началах в человечестве» (Ким, Шкловский, 1990, с. 53). Это произведение сложнее по составу персонажей, но уже устоявшийся конфликт цивилизации и природы, по-особенному варьирующийся у советских писателей в 1960–1980-е гг., разворачивает образ, жизнестроительно и философично представленный у мастера Л.М. Леонова — «Русский лес» (1953), раздвигая символические границы, как и должно в притче: Отец-Лес.

Размышляя над динамикой жанров А.А. Кима, исследователи В. Бондаренко (Бондаренко, 1981) и М. Белонучкина (Белонучкина, 2009) дают следующую периодизацию творчества писателя:

1. период восточной экзотики («Невеста Моря», «Бродяги Сахалина», «Шиповник Меко») — рассказы, написанные до 1975 г.;
2. бытовая проза («Луковое поле», «Поклон одуванчику») — повести и рассказы, написанные до 1980 г.;
3. пантеистическое видение мира («Белка», «Лотос», «Отец-лес») — повести и романы 1980-х гг.;
4. христианское мирозерцание («Онлирия», «Сбор грибов под музыку Баха», «Остров Ионы») — произведения с 90-х гг. XX столетия по настоящий день.

С такими определениями трудно согласиться, поскольку в них очевидно явное упрощение сложной содержательной фактуры прозы писателя, а такие характеристики, как «бытовая проза» или «период восточной экзотики» выдают терминологическую небрежность, оборачивающуюся

грубыми филологическими ошибками, а потому требуют объяснений того, как личность писателя А.А. Кима по-разному, но с выраженным стремлением к синтезу жанров и художественному синтезу (синтезу искусств) претворяется и в рассказах, и в крупномасштабной прозе.

Автобиографический компонент в прозе А.А. Кима и фантасмагорической автобиографии «Радости Рая»

Вопрос авторского присутствия в произведении по-разному решается писателями и исследователями. И.С. Тургенев утверждал, что все в его произведениях списано с самой жизни, И.А. Бунин говорил, что все им сочинено от начала до конца. Исследователи же наблюдают за тем, как парафразируются и даже трансформируются события личной жизни и личные переживания в художественной словесности у всякого мастера слова. Несомненно, автобиографический компонент в прозе Анатолия Кима проявляется практически всегда с первых произведений своеобразно и многогранно:

- описанием и осмыслением личного хронотопа;
- эпизодами или фрагментами истории собственной родословной;
- возвращением к личным воспоминаниям разных жизненных эпизодов и встреч;
- возвращением к излюбленным философским вопросам, проходящим через всю жизнь и все творчество и волнующих писателя и сегодня.

И в данном случае А.А. Ким не исключение из правила, его «личное» маркировано присутствием автора-повествователя и одновременно героя-мыслителя и даже лирико-иронического героя. По справедливости, следует сказать, что от первого романа до «Радостей Рая» автобиографическое составляет художественно-содержательное ядро романа, через него реализуются все уровни конфликта: конфликт с самим собой, с социумом (он, социум, в свою очередь, тоже не линееен, это и друг, любимая, среда вообще, круг друзей и знакомых, человеческое сообщество), с мирозданием. Герой одномоментно несет в себе память и прапамять, историю до-жизни, жизнь во всем ее многообразии и даже то, что видится как после-жизнь. Несомненно, автобиографичность в данном случае — авторская фантазия, создающая фантастический план произведения, сновидческую линию, но, определенный самим автором как фантасмагорическая автобиография, роман отсылает к приемам фантасмагии, когда возникают призраки, создаваемые благодаря оптическим иллюзиям.

«А.А. Ким в своем последнем романе продолжает собственную стилевую традицию, впрочем, подхваченную у Валентина Катаева, в 1960–1970-х гг. апробировавшего «мовизм» (термин В. Катаева. — *И.М.*), в котором он прихотливо поэтически-лирически соединил поэзию и прозу, поскольку в этом соединении есть и произвол автора, и возможность

соединить изобразительно-живописное и лирически-музыкальное» (Минералова, 2020, с. 224). Когда обращаются к генезису стиля А.А. Кима, то ищут истоки в литературе зарубежной, латиноамериканской, по-видимому, из-за того, что едва ли не самым модным определением его стиля оказывается магический реализм. Однако истоки такого слога нужно искать в истории русской культуры, в опытах символистов и тех, кто наследовал экспериментам рубежа XIX–XX вв. А.А. Блок признавался: «Мой собственный волшебный мир стал ареной моих личных действий, моим „анатомическим театром“, или балаганом, где сам я играю роль наряду с моими изумительными куклами (ессе homo!). Золотой меч погас, лиловые миры хлынули мне в сердце. Океан — мое сердце, все в нем равно волшебное: я не различаю жизни, сна и смерти, этого мира и иных миров (мгновенье, остановись!). Иначе говоря, я уже сделал собственную жизнь искусством (тенденция, проходящая очень ярко через все европейское декадентство). Жизнь стала искусством, я произвел заклинания, и передо мною возникло наконец то, что я (лично) называю „Незнакомкой“: красавица кукла, синий призрак, земное чудо» (Блок, 1962, с. 429–430). Об этих приемах пишет задолго до А.А. Блока И.С. Тургенев в «Песни торжествующей любви», утверждая особую магическую и фантасмагорическую силу живописи и музыки, объединенных магией слова (Тургенев, 1982, с. 66). Из опыта европейского искусства, искусства античности теоретик изобразительного искусства и художник В.А. Фаворский выводит формулу магического реализма: «Все это — искусство, обладающее магическим реализмом, как бы чудесное искусство, делающее все до того реальным, что оно становится живым» (Фаворский, 1988, с. 227). Так, приемы фантасмагорического оказываются синонимичны магическому реализму, делающему вымышленное реально живым и живущим. Следует иметь в виду, что магический реализм — метафора, которая в разных искусствоведческих системах может пониматься сколь угодно широко, а вот способы достижения этого оживления «сущего» представляются тоже известными с достопамятных времен.

Обращение к многоаспектному синтезу искусств и жанров в изображении лично пережитого и осмысленного с умонепостижимым, невыразимым приводит к ожидаемому эффекту: образ становится кристаллически-объемным, достигается искомый «оптический эффект». Даже разноуровневое автобиографическое содержание зримо характеризует это явление. Фантасмагорическая автобиография «оживает» в названии произведения. Какого эффекта достигает писатель, называя роман «Радости Рая»? Толкование каждого слова названия отдельно или словосочетания в целом вряд ли позволит понять и замысел романа, и его реализацию. Прочитав название «Радости Рая», можно открыть некий образный и ритмико-мелодический смысл. Дополнительные ассоциации порождает «удвоение слога „ра“», а внутренняя форма романа организуется благодаря тому, что «образно-мелодическая „картинка“ возникла в памяти

А.А. Кима... благодаря исполнению... романа в кинофильме Н.С. Михалкова „Жестокий романс“» (Минералова, 2020, с. 229):

Он говорил мне: «Будь ты моею,
И стану жить я, страстью *сгорая*¹;
Прелесть улыбки, нега во взоре
Мне обещают *радости рая*».

Романс из популярного фильма, вышедшего в 1984 г., был у всех буквально на слуху, а образ «радости рая» воспринимался мелодраматически и виделся как притягательный и амбивалентный, содержащий не только радостный, но и элегический смысл, наличествующий в тексте стихотворения. Ассоциативно эти значения пролонгированы в романе. Дополнительную интригу создает парадоксальный эпиграф к роману: «Началось с того, что пришли слова: между Александром и мною ничего нет» (Ким, 2018, с. 5). В романе мы встретим персонажей с именем Александр: это и Александр Македонский, и император Александр III, и, как ни удивительно, прадед писателя-корейца.

Так рождается фантасмагорическое, странным оптическим образом отраженное в личной и всемирной истории, наделенное магическими смыслами, делающее историю разворачивающейся на твоих глазах здесь и сейчас. К подобным приемам прибегает автор, давая своему герою имя Аким, в котором будто бы первая буква имени слита с фамилией автора романа, а, с другой стороны, напоминает имя Иоаким, означающее «воздвигнутый Богом» (писатель крещен в православной церкви: по свидетельству самого А.А. Кима, совершить обряд его побудил друг-актер Иннокентий Смоктуновский). Как видим, многогранность, взаимоотраженность и взаимодополняемость смыслов даже в приведенных примерах показывает, что автор намеренно создает текст полижанровый и полифонический, и произведение находится в ряду тех, которым он давал дополнительные жанровые определения, как, например, названным выше произведениям или роману «Сбор грибов под музыку Баха» — роман-мистерия. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что написанное А.А. Кимом невозможно читать как традиционную классическую прозу. Каждое его произведение оказывается и романом-загадкой, и романом-игрой, и романом-феерией, драматическим действием, разворачивающимся на глазах читателя.

Заключение

В романах А.А. Кима, художника, имеющего разноаспектный опыт в живописи, кинематографе, словесности, склонного к философической созерцательности, объединившего в своем стиле азиатское, европейское и собственно русское, несомненно стремление разом объяснить человеку

¹ Здесь и далее курсив мой. — И.М.

жизнь мироздания в нем самом и вовне во всей сложности и многогранности переживаемого и пережитого.

«Память жанра» (М.М. Бахтин), подчеркиваемая писателем в его прозе дополнением «сказка», «притча», «мистерия», «фантазмагорическая автобиография» направляет мысль читателя по воображаемым и фантастическим путям, соединенным с дорогами путника-странника-путешественника, которому дороги и любопытны земные человеческие пути. Свободное сочетание приемов внутри прозаической формы позволяет включить и высветить целый ряд мотивных линий, намечающих линии жанровые (фантастическую, историческую, социально-психологическую, любовную, лирическую, автобиографическую, философскую и др.), которые только вкуче через синтез дают представление о качестве прозы уникального художника слова.

Герой-повествователь у А.А. Кима — образ, меняющийся от эпизода к эпизоду, но эта внутренняя перемена ментальна и диалектична, переменны представлены в произведении по накопительному принципу: единожды произошедшее не будет отменено впоследствии, а сыграет свою роль в динамике его становления и преображения мира. В создании содержания романа все играет роль: вектор раскодирования названия произведения, его связь с эпиграфом и фиксацией авторского жанра, наличие имени героя или героев, их семантика, характер связи событий (хронологический, произвольный или ахронный). Комплекс таких приемов при создании романного целого неизменно приводит к синтезу жанров, направленному на создание эффекта живого участия в судьбе героя или проживания психологического тренинга в постижении философско-фантастических смыслов, важных для писателя: «...И в это зимнее мгновение все завершено Великим Колористом — цвета приведены к *созвучной гамме*, контрасты тона выверены *точным чувством меры*, и даже радость белых куропаток, которых не удалось поймать лисе, сопряжена в *гармонии единой* с голодной злобой и печалью зверя» (Ким, 1988, с. 284). Так точно и вполне преднамеренно объясняет свой стиль А.А. Ким в романе «Лотос».

Несомненно, перспективно исследование стиля А.А. Кима в его восприятии опыта В.П. Катаева-мовиста и М.М. Пришвина в дневниках и «Женьшене» и/или полемика с названными писателями по вопросам жанра, синтеза искусств, приемов перемещения во времени, представлений о себе и о мире, запечатленных в слове.

Список литературы

- Блок А.А. О современном состоянии русского символизма // Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 томах. Т. 5: Проза, 1903–1917. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1962. С. 425–436.
- Бальбуров Э.А. Поэтический космос А. Кима // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Филология. Новосибирск. 1997. № 4. С. 17–24.

- Белонучкина М.Д. Бинарные оппозиции в прозе А. Кима 1990–2000-х годов // Русское литературоведение на современном этапе: материалы VII Международной научной конференции. М.: Редакционно-издательский центр МГГУ, 2009. С. 290–292.
- Бондаренко В.Г. Найти «Голубой остров»: А. Ким: мир будничный и мир условный // Литературная учеба. 1981. № 2. С. 122–128.
- Ким А.А. Избранное. М.: Советский писатель, 1988. 720 с.
- Ким А.А. Радости рая. М.: Эксмо, 2018. 232 с.
- Ким А., Шкловский Е. В поисках гармонии // Литературное обозрение. 1990. № 6. С. 53–58.
- Коваленко А.Г. Очерки художественной конфликтологии. Антиномизм и бинарный архетип в русской литературе XX века. М.: РУДН, 2010. 496 с.
- Минералов Ю.И. Теория художественной словесности. Поэтика и индивидуальность. М.: Владос, 1999. 360 с.
- Минералова И.Г. Мгновение – вечность – история в самосознании человека (на материале русской прозы конца 2010-х гг.) // Национальный стиль русской литературной классики: материалы V Межвузовской с международным участием научно-практической конференции. М.: Изд-во МГПУ, 2020. С. 224–235.
- Попова А.В. Модификация романной формы в прозе А. Кима (на материале романов «Белка», «Отец-Лес», «Поселок кентавров» // Дергачевские чтения – 2008: материалы IX Международной научной конференции. Т. 2. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. С. 199–209.
- Смирнова А.И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука. 2009. 288 с.
- Тургенев И.С. Песнь торжествующей любви // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 10: Повести и рассказы, 1881–1883. Стихотворения в прозе, 1878–1883. Произведения разных годов. М.: Наука, 1982. С. 47–66.
- Фаворский В.А. Магический реализм / сост. Е.Б. Мурина, Д.Д. Чебанова // Фаворский В.А. Литературно-теоретическое наследие. М.: Советский художник, 1988. С. 227–231.

References

- Blok, A.A. (1962). On the current state of Russian symbolism. In: Blok A.A. *Collected works: in 8 vols*. Vol. 5: Prose, 1903–1917. Moscow, Leningrad: State Publ. House of Fiction. P. 425–436. (In Russ.)
- Balurov, E.A. (1997). Poetic cosmos of A. Kim. *Humanities in Siberia* (“Philology” Series), 4, 17–24. (In Russ.)
- Belonuchkina, M.D. (2009). Binary oppositions in the prose of A. Kim of 1990s–2000s. In: *Proceedings of the VII International conference “Russian literary studies at the present stage”*. Moscow: Moscow State University for Humanities Publ. P. 290–292. (In Russ.)
- Bondarenko, V.G. (1981). To find the “Blue Island”: A. Kim: the everyday world and the conditional world. *Literary Studies*, 2, 122–128. (In Russ.)
- Favorsky, V.A. (1988). Magical realism. In: Murina E.B., Chebanova D.D. (comps.) Favorsky V.A. *Literary and theoretical heritage*. Moscow: Soviet artist. P. 227–231. (In Russ.)
- Kim, A.A. (1988). *Favorites*. Moscow: Soviet writer. (In Russ.)
- Kim, A.A. (2018). *The joys of paradise*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Kim, A., & Shklovsky, E. (1990). In search of harmony. *Literary Review*, 6, 53–58. (In Russ.)
- Kovalenko, A.G. (2010). *Essays on artistic conflictology. Antinomianism and the binary archetype in Russian literature of the 20th century*. Moscow: RUDN University. (In Russ.)

- Mineralov, Yu.I. (1999). *Theory of artistic literature. Poetics and individuality*. Moscow: Vlos. (In Russ.)
- Mineralova, I.G. (2020). Moment – eternity – history in human self-consciousness (based on the material of Russian prose of the late 2010s). In: *Proceedings of the V Interuniversity scientific and practical conference with international participation “National style of Russian literary classics”*. Moscow: Moscow City University Publ. P. 224–235. (In Russ.)
- Popova, A.V. (2009). Modification of the novel form in the prose of A. Kim (based on the novels “Squirrel”, “Father Forest”, “Village of Centaurs”). In: *Proceedings of the IX International scientific conference “Dergachev Readings – 2008”*. Vol. 2. Yekaterinburg: Ural University Publ. P. 199–209. (In Russ.)
- Smirnova, A.I. (2009). *Russian natural philosophical prose of the second half of the 20th century*. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ.)
- Turgenev, I.S. (1982). The Song of love triumphant. In: Turgenev I.S. *The complete collection of works and letters: in 30 vols*. Vol. 10: Novels and stories, 1881–1883. Poems in prose, 1878–1883. Works of different years. Moscow: Nauka. P. 47–66.

Сведения об авторах:

Асан Акерке, магистр гуманитарных наук, старший преподаватель кафедры русской филологии, филологический факультет, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан, 010008, Астана, ул. Сатпаева, д. 2. ORCID: 0009-0005-3050-8723. E-mail: akzhauyn07@gmail.com

Минералова Ирина Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI вв., Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1. ORCID: 0000-0002-3836-1368. E-mail: ig.mineralova@mpgu.su

Нурғали Кадиша Рустембековна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии, филологический факультет, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан, 010008, Астана, ул. Сатпаева, д. 2. ORCID: 0000-0002-8178-2782. E-mail: nurgalik1@mai.ru

Асанов Камашке Даулетканович, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, филологический факультет, Карагандинский университет имени Е.А. Букетова, Казахстан, 100028, Караганда, ул. Университетская, д. 28. ORCID: 0000-0002-1006-4521. E-mail: kamashke_64@inbox.ru

Bio notes:

Akerke K. Assan, M.A., Senior Lecturer at the Department of Russian Philology, Faculty of Philology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayeva St, Astana, 010008, Kazakhstan. ORCID: 0009-0005-3050-8723. E-mail: akzhauyn07@gmail.com

Irina G. Mineralova, Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Literature of the 20th–21st Centuries, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, 1/1 Malaya Pirogovskaya St, Moscow, 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-3836-1368. E-mail: ig.mineralova@mpgu.su

Kadisha R. Nurgali, Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Philology, Faculty of Philology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayeva St, Astana, 010008, Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-8178-2782. E-mail: nurgalik1@mai.ru

Kamashke D. Asanov, Doctor of Philology, Professor at the Department of Journalism, Faculty of Philology, Karaganda Buketov University, 28 Universitetskaya St, Karaganda, 100028, Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-1006-4521. E-mail: kamashke_64@inbox.ru

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА. КОМПАРАТИВИСТИКА

FOREIGN LITERATURE. COMPARATIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-502-512

EDN: FRBNIT

УДК 811.134.3

Научная статья / Research article

Эволюция образа бабочки в португальской лирике: Камознс и поэты Португалии XVIII–XIX веков

В.А. Махортова¹ , М.В. Кутьева²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Российская Федерация

²Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва,
Российская Федерация

 varvara.m.2504@gmail.com

Аннотация. Цель исследования — проанализировать своеобразие и динамику образа бабочки в пространстве португальского поэтического текста XVI–XIX вв. Ранее эта тема в филологических изысканиях не рассматривалась, что обусловило ее актуальность и новизну. В качестве материала привлечены стихотворения Л.В. де Камознса, М.М. ду Бокаже, Ж. Диниша, Ж. де Деуша. Работа сфокусирована на проблеме преемственности, развития и расширения традиционной символики рекуррентного и устойчиво воспроизводимого в мировой литературе образа, метафорически используемого для изображения внутреннего мира человека. Результаты исследования указывают на то, что образ бабочки в португальской поэзии обладает существенной спецификой. На первый план выступает семантика любви в разнообразных ее проявлениях. При этом традиционная символика «бабочка — женщина» сменяется устойчивой ассоциативной параллелью «бабочка — он, цветок или пламя — она». Важна и ассоциация с чувствами и с испытывающей обновление душой (Диниш). Менее узуальной, но самобытной видится нам индивидуально-авторская параллель: «ревностное служение и выполнение долга» (Камознс). В результате исследования был сделан следующий вывод: в португальской поэзии художественная семантика образа бабочки многообразна; она характеризуется как континуальностью, так и творческими приращениями смысла — семантическими трансформациями и смысловой инверсией.

Ключевые слова: энтономим, семантические трансформации, метафора, символика, образ

© Махортова В.А., Кутьева М.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. В.А. Махортова — разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи. М.В. Кутьева — сбор и обработка данных, анализ материала, написание и редактирование рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 2 мая 2024 г.; отрецензирована 5 июня 2024 г.; принята к публикации 3 июля 2024 г.

Для цитирования: Махортова В.А., Кутьева М.В. Эволюция образа бабочки в португальской лирике: Камões и поэты Португалии XVIII–XIX веков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 502–512. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-502-512>

Evolution of the butterfly image in Portuguese lyrics: Camões and Portuguese poets of the 18th–19th centuries

Varvara A. Makhortova¹, Marina V. Kutyeva²

¹*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation*

²*Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation*

varvara2405@mail.ru

Abstract. The paper examines originality and dynamics of the butterfly image in Portuguese poetic texts of the 16th–19th centuries. This issue has not been considered before that determines the relevance and novelty of our article. The poems of L.V. de Camões, M.M. du Bocage, J. Dinis, J. de Deus are used as material. The work focuses on the problem of continuity, development and expansion of the traditional symbolism of a recurrent image steadily reproduced in world literature and metaphorically used to depict the inner personal world. Results of the study indicate that the image of butterfly in Portuguese poetry has significant specificity. The semantics of love in its most diverse manifestations comes to the fore. The traditional symbolism of “butterfly as a woman” is replaced by a stable associative parallel “butterfly as *he*, flower or flame as *she*”. The association with feelings and soul experiencing renewal (Dinish) is also relevant. The author’s parallel “zealous service and duty fulfillment” (Camões) is less conventional, but original. Thus, in Portuguese poetry, the literary semantics of the butterfly image is diverse. It is characterized by both continuity and creative increments of meaning.

Keywords: entomonym, semantic transformations, metaphor, symbolism, image

Author’s contribution. Varvara A. Makhortova — development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing. Marina V. Kutyeva — data collection, analysis of the material, manuscript writing and editing.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 2, 2024; revised June 5, 2024; accepted July 3, 2024.

For citation: Makhortova, V.A., & Kutyeva, M.V. (2024). Evolution of the butterfly image in Portuguese lyrics: Camões and Portuguese poets of the 18th–19th centuries. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 502–512. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-502-512>

Введение

Появившись на Земле в юрском периоде — около 190 миллионов лет назад, — бабочки обитают на всех континентах, кроме Антарктиды (Ализаде, Мех, 2019). Эти «порхающие цветы» издревле привлекали внимание человека, вызывая и восторг, и мистический страх, становясь причиной суеверий и основой сказок. Обладая богатым смысловым содержанием, этот образ входит в инсектологический код вербального мышления и культуры (Василенко, Рыбакина, 2023, с. 92).

Сегодня бабочка воспринимается преимущественно как «метафора легкомыслия» (Тресиддер, 1999, с.18) и беспечности. Это характерно для многих лингвокультур, в том числе — для португальской. Не случайно переносным значением энтонома “borboleta” («бабочка») является «непостоянный, ветреный человек»; образованный от него глагол “borboletear” означает «блуждать без цели» или «предаваться мечтам» (Dicionário Priberam, s. v.). Под влиянием глобализации в португальскую языковую картину мира проникают иные связанные с бабочкой смыслы. Так, словосочетание “efeito (de) borboleta” («эффект бабочки»), изначально реферировавшее к хаотичным системам в теоретической физике, прочно обосновалось и в универсальной мировой, и в португальской фразеологии, обозначая важность малого для судьбы всеобщего (Dooley, 2009, p. 279–288; Espinosa, 2013, p. 5–7; Mello et al., 2022, p. 161–165).

Однако в творчестве знаковых португальских поэтов от Возрождения до Романтизма образ бабочки интерпретировался иначе и трактовался, в противопоставлении огню, как страстное стремление к чему-то желанному или чрезвычайно важному, как мужское начало в оппозиции к женскому и как пробуждающаяся душа.

В поэтическом воплощении этого уникального образа многопланово проявляются и сочетаются его категориальные признаки: «ассоциативность, метафоричность, полисемичность, оригинальность, этнокультурная обусловленность, интеллектуально-эмотивная синергия мысли и чувства» (Алефиренко, 2022, с. 4).

Художественная трансформация образа бабочки в португальской поэзии (XVI–XIX вв.)

Камоэнс

В произведениях крупнейшего португальского поэта Луиша Важа де Камоэнса (1524/1525–1580) образ бабочки фигурирует по меньшей мере в двух несмежных значениях. В хвалебном послании наместнику короля, которое написано в стихотворной форме редондилы, сложившейся «в период Предвозрождения» (Овчаренко, 2023, с. 27), Камоэнс сравнивает

стремление бабочки к сияющему во тьме пламени с ревностным и самоотверженным служением господину, обладающему непререкаемым авторитетом. Оно интерпретируется поэтом как готовность пожертвовать собою ради высших ценностей:

Redondilhas

<...>

Conde, cujo ilustre peito
merece nome de Rei,
do qual muito certo sei
que lhe fica sendo estreito
o cargo de Vizo-Rei;
servirdes-vos de ocupar-me,
tanto contra meu planeta,
não foi senão asas dar-me,
com as quais vou a queimar-me,
como faz a borboleta.

(Camões, 1843, p. 37)

Редондилы (Пятистишия)

<...>

О граф, Вы заслуживаете
Звания Монарха! Уверен я,
что Вы достойны большего,
чем должность Вице-короля.
Для меня любое Ваше поручение,
Даже и выступить
против собственной судьбы («планиды»)
– все равно, что крылья получить,
На них летя, сгорю я,
Словно бабочка (пред светом Вашим).

(Перевод здесь и далее наш. – В.М., М.К.)

В ином ключе устойчивую символическую ассоциацию бабочки с «бессознательным влечением к свету» (Керлот, 1994, с. 90) Камознс развивает в одном из сонетов, по форме и содержанию отвечающем идеалам эпохи Возрождения. Бабочке, летящей на огонь, уподобляется лирический герой, который вопреки доводам разума доверяется любви, не боясь обжечься ее пламенем:

Qual tem a borboleta por costume,
Que, enlevada na luz da acesa vela,
Dando vai voltas mil, até que nela
Se queima agora, agora se consome,

Tal eu correndo vou ao vivo lume
Desses olhos gentis, Aónia bela;
E abrasso-me por mais que com cautela
Livrar-me a parte racional presume.

(Escritas, Luís de Camões)

Обычно бабочка,
Зачарованная горением свечи,
Облетает ее тысячу раз, пока в ее пламени
Вдруг не сгорит вся, исчезая вмиг.

Вот так и я спешу к огню живому
Глаз этих нежных, Аония прекрасная;
И я воспламеняюсь, как бы ни пытался
Разумным быть и осторожным.

Мануэл Мария Барбоза ду Бокаже

К этой же «пламенной» аллегории через два века обращается один из выдающихся представителей португальского классицизма Мануэл Мария Барбоза ду Бокаже (1765–1805). В поэтической зарисовке “O Amante e a Borboleta” («Влюбленный и Бабочка») летящей на огонь бабочке уподоблен лирический герой, который не в силах противостоять охватившей его страсти. По сюжету стихотворения, юному Лауро не спится глубокой ночью. Снедаемый любовными мечтами, он думает о своей несчастной доле и о “venturas de um rival” («об удаче возможного соперника»), кото-

рому жаждет отомстить, издавая “vãos queixumes” («напрасные стоны»). И вдруг в его комнату влетает бабочка, влекомая магией света:

O Amante e a Borboleta

Leve borboleta em tanto
Por entre os crebos suspiros,
Junto do lume ondeante
Vaguêa em rapidos giros.
Eil-a de espaço em espaço
Roçando a flamma luzente:
Dóe-se, mas que evite o damno
Cêgo instinção não consente.

(*Poesias... du Bocage, 1853, p. 127*)

Влюбленный и Бабочка

Легкая бабочка между тем
Меж частых горестных вздохов
Все ближе к колеблющемуся пламени
Подлетает, быстро кружа.
И вот она, за витком виток,
Уже касается свет дающего огня:
Ожог! Но боли избежать
Слепой инстинкт не согласится!

И хотя влюбленный юноша указывает бабочке на ее безрассудство и даже называет ее “louca” («безумной»), сам он прислушивается не к разуму, но к сердцу. Оба забывают об опасности, опьяненные красотой.

Впрочем, у Бокаже исследуемый нами образ обретает и иное преломление. Так, в «Анакреонтических одах» своенравный полет бабочки вызывает в сознании юноши воспоминания о возлюбленной:

Odes Anacreónticas I

Veloz Borboleta,
Que leda girando
Penosas idéas
Me estás avivando:
Insecto mimoso.
Aos olhos tão grato,
Da minha tyranna
Tu és o retrato:
A graça, que ostentas
Nas plumas brilhantes,
Tem ella nos olhos
Gentis, penetrantes:
Tu andas brincando
De flor para flor;
Anarda vaguea
D' amor em amor.

(*Poesias... du Bocage, 1853, p. 116*)

Анакреонтические оды I

Быстрая бабочка,
Летающая кругами,
Грустные мысли
Ты оживляешь во мне:
Изнеженное насекомое.
Глазам столь приятный
Портрет моей госпожи
Являешь ты:
Волшебство твоих
Ярких крыльев
Есть в ее глазах –
Добрых и проникновенных.
Порхаешь ты
С цветка на цветок;
Анарда же мечется
От одной любви к другой.

Очевидно, что бабочка – уже не метафорический двойник юноши, как это было в стихотворении “O Amante e a Borboleta” («Влюбленный и бабочка»), где легкокрылая провидица уверяла его: “Se em teu siso estiveses, / Viras em mim teu retrato” («Если бы ты был в своем уме, / Ты увидел бы во мне свой портрет»). Теперь это уже эмблема жестокой красавицы: “Da minha tyranna / Tu és o retrato” («Портрет моей госпожи / Являешь ты»). Иными словами, бабочка здесь не *он*, но *она*, что позволяет говорить

об инверсии мотива или, вернее, о возвращении к его классической трактовке античных времен – бабочке-Психее (Trueblood, 2022, p. 830)¹.

Схожее явление можно наблюдать в поэме “As Damas e a Borboleta” («Дамы и Бабочка»). В ее основе та же метафора: «женщина — бабочка». Крылатой красавице, которая порхает от цветка к цветку и выбирает для сбора нектара самый неказистый (не жасмин, не розу, но маргаритку), Бокаже уподобляет ветреную избранницу лирического героя. Отвергая благородных претендентов, она отдает предпочтение наименее достойному кавалеру:

As damas e a borboleta

Batendo as azinhas leves,
Matizadas de mil côres,
la veloz borboleta
Libar o sueco das flôres.
Anhelante, cubiçosa,
Voo a ameno jardim,
E a flôr, que tocou primeiro,
Foi o candido jasmim.
Da bonina côr de neve
Esquivou-se, desdenhosa,
Practicando igual desprezo
Co'a fragrante, idalia rosa
Sobre insipido, amarelo
Malmequer em fim pousou.
<...>

Não longe d'ali jaziam
Duas mimosas donzellas.
<...>

“Olha a brutinha! Bem mostra
De razão não ser dotada;
Deixa o jasmim, deixa a rosa,
E do malmequer se agrada!”

(*Poesias... du Bocage, 1853, p. 131–132*)

Дамы и бабочка

Взмахивая легкими крылышками,
Окрашенными тысячью цветов,
Летела быстрая бабочка
Отведать нектара цветов.
Тревожная, жадная,
Облетела прекрасный сад,
Цветок, которого первым коснулась она,
Был невинный жасмин.
Но от соцветья белоснежного
Отринулась она с презреньем,
Испытывая ту же неприязнь
И к ароматной и изящной розе.
Вот на невзрачной желтой
Маргаритке она остановилась все же.
<...>

Неподалеку разговаривали
Две томные девушки.
<...>

«Посмотри на эту дурочку! Сразу видно,
Что разума в ней мало.
Оставляет жасмин, оставляет розу
И радуется маргаритке!»

На сказанное бабочка возражает, что ведь и девушки поступают так же: отвергают добродетельных поклонников и тянутся к тем, кто не стоит внимания. Поэма завершается предположением бабочки о том, что женщина “...só nutre, só conserva / Amor firme, ardente e liso / Se encontra no objecto dele / O nome da flor que pisa” («...питает и хранит / Любовь крепкую, страстную и искреннюю, / Только если находит в предмете ее любви / То, что заключено в названии цветка, который выбирает»). Если вспомнить, что речь идет о маргаритке, которая по-португальски называется «mal-me-quer» (дословно «не-любит-меня»), то смысл этих строк стано-

¹ Uma breve história das borboletas azuis. *A Revista de Ibiúna e Região. Vitrine online*. 24 de fevereiro, 2019. <https://revistavitrineibiuna.com.br/?p=18747>

вится яснее. Невольно напрашивается параллель с пушкинским уверением: «Чем меньше женщину мы любим, / Тем легче нравимся мы ей».

Жоау де Деуш и Жулиу Диниш

С любовной тематикой образ бабочки связан и в стихотворениях большинства поэтов последующих эпох. В лирике Жоау де Деуша (1830–1896) прослеживается начатая Камознсом и продолженная Бокаже параллель с пламенем: к нему неудержимо стремится и в нем гибнет мечтательная бабочка. Несчастливая видит свет и оказывается в магической ауре его притяжения, пропадает в нем как бы нечаянно, по неосторожности. Здесь, как и в строфах, процитированных нами ранее, роль бабочки примеряет на себя мужчина, теряющий волю и разум перед волшебством света (глаз девушки, ее красоты и самой любви). Страсть становится для него губительной, роковой. Энтомологическое отождествление выполняет в данном случае эвфемическую (облагораживающую) функцию (Rustamova, 2021, p. 28–30).

Отметим, что классическим для европейской литературы, особенно для ее золотого века, было противоположное гендерное соотношение: чаще всего яркокрылая чаровница, доверчиво устремляясь к рассеивающему мрак, но в то же время безжалостному огню, аллегорически являлась воплощением женского начала (Гладкова, 2009, с. 39). В связке символов «бабочка — огонь» заложено почти мистическое противоречие: огонь освещает и губит, бабочка наслаждается и гибнет. Ослепленное ярким светом незащитное и хрупкое существо неосознанно (или осознанно) идет на гибель или самоотречение, воспринимая это как неизбежность. Возможна и параллель с поэтом, который сознательно самоуничтожается ради высшего, ради творчества (Trueblood, 2022, p. 830–831).

Attração

<...>

Meus olhos... coisa rara!
Porque hão de em ti parar
Como a corrente pára
Em encontrando o mar!?

<...>

Olhei!... Foi indiscreta
A vista que te puz.
A pobre borboleta
Viu luz... cahiu na luz!

Uma atração mais forte
Que toda a reflexão,
(É fado, é sina, é sorte!)
Me arrasta o coração.

(*Citador, João de Deus*)

Притяжение

<...>

Глаза мои – такие странные!
Почему они останавливаются на тебе,
Как останавливается реки течение,
Когда она впадает в море?

<...>

Я взглянул! Но был нескромен
Взгляд мой в сторону твою!
Так вот и бабочка – бедняжка
Увидит свет – и мчит к нему!

Притяжение сильнее
Отраженья, рассужденья
(Это рок, судьба и жребий!)
Разрывает сердце мне!

Игривым и легким выглядит другое стихотворение Жоау де Деуша – “Beijo” («Поцелуй»). Чередование более длинных и совсем коротких, односложных строк, а также ритм этого произведения иконически повторяют порывистое, неравномерное порхание нашей обитательницы цветущих садов. Лирический герой также жаждет приникнуть к девичьему лицу, как бабочка к нежной фиалке:

Beijo

Beijo na face
Pede-se e dá-se:
Dá?
Que custa um beijo?
Não tenha pejo:
Vá!
Um beijo é culpa,
Que se desculpa:
Dá?
A borboleta
Beija a violeta:
Vá!

(Citador, João de Deus)

Поцелуй

Поцелуй в щечку
Нетрудно подарить!
Подаришь?
Чего стоит один поцелуй?
Не стесняйся!
Эй!
Поцелуй – вина такая,
Что простить не жалко!
Ты же мне его подаришь?
Вот и бабочка
Целует нежную фиалку:
Эй!

Еще у одного поэта-романтика, Жулиу Диниша (1839–1871), лучи глаз возлюбленной не сжигают, а пробуждают чувства – бабочку, вызволяя ее из кокона. Юный поэт в своих произведениях проводит аналогию с душой – вначале спящей, инертной, пребывающей в «тесноте» (Угрюмов, 2022, с. 76–88), но вдруг оживающей, становящейся неудержимой, непредсказуемой, трепетной бабочкой. Обратимся к его стихотворению “Metamorphose” («Метаморфоза»), ярко воплощающему идеалы романтизма:

Metamorphose

Repara: – a imóvel crisálida
Já se agitou inquieta,
Cedo, rasgando a mortalha,
Ressurgirá borboleta.
Que misteriosa influência
A metamorphose opera!
Um raio de Sol, um sopro
Ao passar, a vida gera.
Assim minh'alma, inda ontem
Crisálida entorpecida,
Já hoje treme, e amanhã
Voará cheia de vida.
Tu olhaste – e do letargo
Mago influxo me desperta;
Surjo ao amor, surjo – vida,
À luz de uma aurora incerta.

(Dinis, 1979, p. 61–62)

Метаморфоза

Посмотри: неподвижная куколка
Зашевелилась беспокойно,
И вскоре, разорвав пелену,
Возникнет бабочка.
Какое загадочное воздействие
Творит метаморфоза!
Луч солнца, дуновение ветра
Жизнь порождают.
Так и душа моя, еще вчера
Немая куколка застывшая,
Сегодня вся дрожит, а завтра
Взлетит, наполненная жизнью.
Ты взглянула – и от летаргии
Волшебный порыв пробуждает меня;
Я восстаю для любви, я восстаю для жизни
В лучах робкого рассвета.

Любовный контекст накладывает отпечаток на архаичную символику бабочки, что касается не только ее безрассудного полета к манящему огню, но и метаморфоз, интерпретируемых Динишем как обновление и возвращение к жизни через обретение любви.

Заключение

Итак, проведенный нами анализ позволил проследить существенную трансформацию образа бабочки в пространстве португальской поэзии. На первый план выдвигается его ассоциация с темой любви. Любовь как нежность, восторг, страсть и гибель в роковом огне — все это сочетается в художественной семантике образа.

Подобно бабочке, касающейся цветка, лирический герой нежно целует возлюбленную (Деуш). Сила любви преобразует, оживляет и окрыляет его душу (Диниш). Однако любовь способна обжечь или даже погубить неосторожного героя (Камознс, Бокаже, Деуш). В роли бабочки при этом почти всегда оказывается мужчина, а не женщина, как в других литературах. Вспомним, например: «Я, словно бабочка к огню, стремилась так неодолимо....» (Э. Рязанов). И если в античном искусстве популярен сюжет ловли Психеи-бабочки Амуром с горящим факелом в руке (Мифологическая энциклопедия), то в португальской поэзии огонь становится ее принадлежностью, тогда как бабочкой оборачивается он. Диада «бабочка (движение, активность, неудержимость страсти) — он, а пламя свечи или цветок (статика, привлекательность, красота) — она» обретает устойчивый характер в поэтической традиции Португалии. У Камознса и де Деуша с бабочкой ассоциируется лирическое «я», а с цветком — его избранница.

Таким образом, традиционная символика бабочки получает развитие, претерпевает инверсию и дополняется новыми смыслами.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф. Языковой образ: дискурсивно-модусный креатив // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 4. С. 3–14.
- Ализаде Т., Мех Н.В. «Мифологические» бабочки // Наука и жизнь. 2019. № 9. <https://www.nkj.ru/open/36630>
- Василенко А.П., Рыбакина В.С. Образные сочетания как транслятор инсектологического кода культуры (на материале образов «божья коровка», «бабочка», «стрекоза» во французском и русском языках) // Филологический аспект. 2023. № 1 (93). С. 88–93.
- Гладкова А.А. К вопросу о художественной символике образа бабочки в произведениях на русском и английском языках // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 3–2. С. 39–40.
- Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.
- Мифологическая энциклопедия. https://gufo.me/dict/mythology_encyclopedia/

- Овчаренко О.А. Литература Португалии. М.: Директ-Медиа, 2023. 272 с.
- Тресиддер Д. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-Пресс, 1999. 448 с.
- Угрюмов В.Е. Происхождение бабочки: образ освобождения из тесноты в произведениях С.Т. Аксакова // Аксаковский сборник. 2022. Вып. 8. С. 76–88.
- Blanco Ch. *Metamorphoses of the butterfly in Classical Antiquity: from the female body to the soul of the dead*: Ph.D. Dissertation. Cambridge, 2019. <https://doi.org/10.17863/CAM.38569>
- Camões L. de. *Obras completas*. Paris: Officina typographica de Fain e Thunot, 1843. 435 p. <https://www.gutenberg.org/files/37192/37192-h/37192-h.htm>
- Citador, João de Deus. <https://www.citador.pt/poemas/a/joao-de-deus>
- Dicionário Priberam. <https://dicionario.priberam.org/>
- Dinis J. *Poesias completos*. Porto: Livraria Civilização Editora, 1979. 557 p.
- Dooley K.J. The butterfly effect of the “Butterfly Effect” // *Nonlinear Dynamics Psychology and Life Sciences*. 2009. Vol. 13. Issue 3. P. 279–288.
- Escritas, Luís de Camões. <https://www.escritas.org/pt/luis-de-camoes>
- Espinosa A.E. *El efecto mariposa, una metáfora socialmente creativa*. Saarbrücken: Editorial Académica Española, 2013. 96 p.
- Mello C. de, Mello B.S., Mello R.A. Quando a borboleta voa em direção ao infinito // *Revista Gestão & Políticas Públicas*. 2022. T. 12. № 1. P. 161–165.
- Poesias de Manuel Maria de Barbosa du Bocage*: em 6 t. T. 2. Lisboa: Casa do Editor A. J. F. Lopes, 1853. 434 p.
- Rustamova D.A. *Lingua-cognitive aspect of metaphoric euphemization* // *Globus: Гуманитарные науки*. 2021. № 1 (35). P. 28–30.
- Trueblood A.S. *La mariposa y la llama: motivo poético del Siglo de Oro* // *Actas del Quinto Congreso Internacional de Hispanistas*. Bordeaux: Université de Bordeaux, 1977. Vol. 2. P. 829–837.

References

- Alefrenko, N.F. (2022). Language imagery: discursive and modus creative. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8(4), 3–14. (In Russ.)
- Alizade, T., & Mekh, N.V. (2019). “Mythological” butterflies. *Science and Life*, 9. (In Russ.) <https://www.nkj.ru/open/36630>
- Blanco, Ch. (2019). *Metamorphoses of the butterfly in Classical Antiquity: from the female body to the soul of the dead*. (Ph.D. Dissertation). Cambridge. <https://doi.org/10.17863/CAM.38569>
- Camões, L. de. (1843). *Obras completas*. Paris: Officina typographica de Fain e Thunot. <https://www.gutenberg.org/files/37192/37192-h/37192-h.htm>
- Citador, João de Deus. <https://www.citador.pt/poemas/a/joao-de-deus>
- Dicionário Priberam. <https://dicionario.priberam.org/>
- Dinis, J. (1979). *Poesias completos*. Porto: Livraria Civilização Editora.
- Dooley, K.J. (2009). The butterfly effect of the “Butterfly Effect”. *Nonlinear Dynamics Psychology and Life Sciences*, 13(3), 279–288.
- Encyclopedia of Mythology*. (In Russ.) https://gufo.me/dict/mythology_encyclopedia/
- Escritas, Luís de Camões. <https://www.escritas.org/pt/luis-de-camoes>
- Espinosa, A.E. (2013). *El efecto mariposa, una metáfora socialmente creativa*. Saarbrücken: Editorial Académica Española.
- Gladkova, A.A. (2009). On the question of the artistic symbolism of the butterfly image in Russian and English literature. *Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*, 3–2, 39–40. (In Russ.)

- Kerlot, J.E. (1994). *Dictionary of symbols*. Moscow: REFL-book. (In Russ.)
- Mello, C. de, Mello, B.S., & Mello, R.A. (2022). Quando a borboleta voa em direção ao infinito. *Revista Gestão & Políticas Públicas*, 12(1), 161–165.
- Ovcharenko, O.A. (2023). *Literature of Portugal*. Moscow: Direct-Media. (In Russ.)
- Poesias de Manuel Maria de Barbosa du Bocage: em 6 t.* (1853). T. 2. Lisboa: Casa do Editor A. J. F. Lopes.
- Rustamova, D.A. (2021). Lingua-cognitive aspect of metaphoric euphemization. *Globus: Social Sciences*, 1(35), 28–30.
- Tresidder, J. (1999). *Dictionary of symbols*. Trans. from English by S. Palko. Moscow: FAIR-Press. (In Russ.)
- Trueblood, A.S. (1977). La mariposa y la llama: motivo poético del Siglo de Oro. *Actas del Quinto Congreso Internacional de Hispanistas*. Bordeaux: Université de Bordeaux. Vol. 2. P. 829–837.
- Ugryumov, V.E. (2022). The origin of the butterfly: the image of liberation from crowding in the works of S.T. Aksakov. *Aksakov Collection*, 8, 76–88. (In Russ.)
- Vasilenko, A.P., & Rybakina, V.S. (2023). Figurative combinations as a translator of the insectological code of culture (based on the images “ladybug”, “butterfly”, “dragonfly” in French and Russian). *Philological Aspect*, 1(93), 88–93. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Махортова Варвара Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры португальского языка, переводческий факультет, Московский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38. ORCID: 0000-0002-7944-1161. E-mail: varvara.m.2504@gmail.com

Кутьева Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация, 115054, Москва, Стремянный пер., д. 36. ORCID: 0000-0002-2952-8349. E-mail: kuteva.mv@rea.ru

Bio notes:

Varvara A. Makhortova, Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of Portuguese Language, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University, 38 Ostrozhenka St, Moscow, 119034, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7944-1161. E-mail: varvara.m.2504@gmail.com

Marina V. Kutyeva, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of foreign languages No. 2, Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremianny Lane, Moscow, 115054, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0002-2952-8349. E-mail: kuteva.mv@rea.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-513-523

EDN: FRXTUM

УДК 821.612.91

Научная статья / Research article

Роль поэзии в романе Нгуен Суан Кханя «Хо Куи Ли»

Е.О. Муралова , Т.Н. Филимонова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация
murket96@mail.ru*

Аннотация. Цель настоящего исследования — определение роли поэтических вставок в малоизученном в отечественном и англоязычном литературоведении романе современного вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя (1933–1921) «Хо Куи Ли» (2000). В результате исследования с помощью сравнительно-сопоставительного и сравнительно-исторического методов были выявлены различные виды поэтических вставок, представленных в произведении (сочиненные подлинными поэтами и историческими деятелями прошлого или самим Нгуен Суан Кханем); определена их жанровая принадлежность (стихи, песни и параллельные фразы); выявлены вставки, стилизованные под фольклор. Рассмотрены функции поэтических вставок в романе, такие, как: соединение исторических фактов и художественного вымысла для придания последнему большей достоверности; повторение мысли писателя, выраженной в прозе; передача чувств персонажей через лирического героя в поэзии, которую они цитируют или «сочиняют»; конкретизация сюжета.

Ключевые слова: вьетнамская литература, поэтические вставки, исторический роман, лирический герой

Вклад авторов. *Е.О. Муралова* — разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи. *Т.Н. Филимонова* — анализ материала и редактирование рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 февраля 2024 г.; отрецензирована 20 мая 2024 г.; принята к публикации 20 июня 2024 г.

Для цитирования: Муралова Е.О., Филимонова Т.Н. Роль поэзии в романе Нгуен Суан Кханя «Хо Куи Ли» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 513–523. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-513-523>

© Муралова Е.О., Филимонова Т.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The role of poetry in Nguyen Xuan Khanh's novel “Ho Quy Ly”

Ekaterina O. Muralova , Tatyana N. Filimonova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

murket96@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to determine the role of poetic insertions in the novel “Ho Quy Ly” (2000) by the modern Vietnamese writer Nguyen Xuan Khanh (1933–1921) little studied in Russian and English-language literary criticism. As a result of the study, with the use of comparative-contrastive and comparative-historical methods, various types of poetry presented in the work were identified: composed by real poets and historical figures of the past or by Nguyen Xuan Khanh himself. The study determined their genre (poems, songs or parallel phrases), identified insertions stylized as folklore and their functions in the work. Among such functions are combination of historical facts and artistic fiction to give the latter more authenticity; repetition of writer's thoughts expressed in prose; conveying the feelings of the characters through the lyrical hero in the poetry that they quote or ‘compose’; plot specification.

Key words: Vietnamese literature, poetic inserts, historical novel, lyrical hero

Author's contribution. *Ekaterina O. Muralova* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing. *Tatyana N. Filimonova* – analysis of the material, manuscript editing.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 10, 2024; revised May 20, 2024; accepted June 20, 2024.

For citation: Muralova, E.O., & Filimonova, T.N. (2024). The role of poetry in Nguyen Xuan Khanh's novel “Ho Quy Ly”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 513–523. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-513-523>

Введение

Активное использование поэтических вставок в современной художественной прозе встречается не так часто. Скорее, это явление традиционной, причем дальневосточной, литературы, в том числе вьетнамской. Применительно к современной вьетнамской прозе эта особенность, прежде всего, относится к творчеству такого писателя, как Нгуен Хюи Тхиеп (1950–2021), который, по всей видимости, и возродил эту традицию. Использование стихотворных вставок также неоднократно встречается в историческом романе современного вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя «Хо Куи Ли», посвященном внутривластным событиям во Вьетнаме конца XIV в. В данной статье речь пойдет не столько о поэтике стихотворений, использованных в романе, сколько об их роли в произведении.

Проблематика романа поднималась в работах российских и вьетнамских исследователей. Т.Н. Филимонова в статье «Трагедия реформатора в романе Нгуен Суан Кханя “Хо Куи Ли”» изучает фигуру главного

героя — высокопоставленного чиновника Хо Куи Ли, желающего сместить правящую династию Чан (nhà Trần, 1225–1400) (Филимонова, 2012, с. 370–387). Во вьетнамском литературоведении имеется определенное количество работ по данному роману, однако вопросы именно стихотворных вставок в них не исследуются.

В качестве основного теоретического материала была привлечена статья К.Ю. Леонова «Классическая вьетнамская поэзия эпохи Ли-Чан», которая представляет собой обобщающее исследование вьетнамской поэзии X–XIV вв. (Леонов, 2023, с. 74–135). В отечественном литературоведении вопрос стихотворений в романе и взаимодействия поэзии и прозы разбирается в ряде работ. Среди них можно отметить, например, диссертацию А.С. Власова «Синтез поэзии и прозы в романе Б.Л. Пастернака „Доктор Живаго“» (Власов, 2002), «Типы взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX в.» И.А. Поплавской (Поплавская, 2010), «Слово в романе» М.М. Бахтина (Бахтин, 1975, с. 72–233) и др. Применительно к современной вьетнамской прозе этот вопрос рассматривается в статье Т.Н. Филимоновой «Стихотворные вставки в прозе Нгуен Хюи Тхиепа», опубликованной на вьетнамском языке (Филимонова, 2001, с. 154–168).

Обсуждение

В отличие, например, от модернистов XX в., которые могли переосмысливать синтез поэзии и прозы в рамках обновления формального наполнения романа, Нгуен Суан Кхань использует стихотворные вставки в основном для конкретизации сюжета, добавления элемента историчности своему произведению и собственно передачи чувств и мыслей героев.

Стоит отметить, что в средневековом Вьетнаме, где разворачивается действие романа, культура стихосложения была очень развита среди чиновников и интеллектуалов, которые должны были сдавать конкурсные экзамены, чтобы поступить на государственную службу. От претендентов требовалось знание китайского языка (*вэньянь*)¹, правил стихосложения и создания произведений в различных жанрах также на китайском языке. Поэтому любой представитель образованного сословия становился потенциальным сочинителем. Такое занятие было сродни умственному упражнению, в котором эти люди соревновались друг с другом².

¹ Вьетнам находился под властью китайских государственных образований почти все первое тысячелетие новой эры. Отсюда большое влияние китайской культуры и языка, в частности, на вьетнамскую систему государственного управления.

² Вьетнамская поэзия существенно отличалась от европейской и больше походила на китайскую, с которой была тесно связана исторически. Основными размерами традиционной вьетнамской поэзии, заимствованными из Китая, которыми писались стихи на китайском и вьетнамском (номе) языках, были пяти-сложники и семисложники в четыре или восемь строк и так называемые параллельные фразы (подробнее см. Леонов, 2023).

В романе данная особенность наглядно показана на персонажах — представителях образованного сословия: императорах, чиновниках и их родственниках, бывших буддийских послушниках. Все они в различных ситуациях либо сами сочиняли, либо цитировали известные стихотворения предшественников. В этой связи можно выделить два типа стихотворений в произведении: процитированные и сочиненные писателем.

Процитированные стихотворения, как правило, представлены в формате цитаты на *ханвьете* (вьетнамский вариант классического китайского языка) и дублирующего перевода на современный вьетнамский язык. Причем перевод часто сделан самим Нгуен Суан Кханем. Например, император Чан Нге Тонг (Trần Nghệ Tông, 1321–1395) во сне получил предупреждение по поводу возможного предательства со стороны первого министра Хо Куи Лив в стихотворения, представленного четырехстрочным семисложником: «На этом пути только обезьяна с красной пастью [Хо Куи Ли] / Подбирается к белому петуху [император], / Крах государства уже предreshен, / Но не в прошлом, а в будущем» (“Trung gian duy hữu xích chủy hầu / Ân cần tiêm thưởng bạch kê lâu / Khẩu vương dĩ định hưng vong sự / Bất tại tiền đầu, tại hậu đầu”)³ (Нгуен Суан Кхань, 2000, с. 47). Стихотворение напрямую взято из летописи «Полное собрание исторических записок Дайвьета» (Đại Việt Sử Ký Toàn Thư, XVII в.) (Дайвьет шы ки тоан тхы, 1993, с. 839). Посредством его введения писатель, с одной стороны, добавляет произведению исторической достоверности, а с другой — вводит элемент напряженного ожидания перед угрозой измены и узурпации власти чиновником, поскольку это вещий сон.

Далее, историк-летописец Шы Ван Хоа процитировал китайского поэта Бо Цзюйи (Bạch Cư Dị, VIII–IX вв.), чем подчеркнул упадок Вьетнама XIV в., сравнив его с Китаем, описанным Бо Цзюйи: «Заслуг все меньше, / Литература все хуже... / Старейшины хвалятся талантами, / Конфуций хвалится добродетелями, / Чем больше слов, тем дороже, / За тысячу слов заплати налог...» (“Công đức đã sút kém / Văn chương cũng suy đồi / ... Khoe tài là Thái Công / Khoe đức là Khổng Ni / Càng nói nhiều càng đắt / Nghìn chữ vạn đồng thuế”) (Там же, с. 510). С формальной точки зрения стихотворение представляет собой восьмистрочный пятисложник. С точки зрения содержания здесь говорится, главным образом, о культурном застое, а не о проблемах в экономике и внешней политике, которые тоже существовали в тот период. Очевидно, образованный ученый больше переживал о культуре. Последние строки, вероятно, относятся к ужесточению цензуры, что также частично перекликается с личными проблемами Шы Ван Хоа (и самого писателя, имевшего проблемы с властью).

Среди поэзии, сочиненной реальными людьми, в романе представлена и та, которая написана на вьетнамизированной иероглифической

³ Здесь и далее тексты стихотворений на вьетнамском языке приведены в оригинальном (как в романе) виде, с сохранением пунктуации оригинала.

письменности (*ном*). Это, например, цитата из оды-фу (*phú*) одного из последователей вьетнамской школы буддизма *чуклам* (*Trúc Lâm*) монаха Хюен Куанга (*Huyền Quang*) «Воспевая покрытую облаками гору Иенты» (*Vịnh Vân Yên Tụ phú*). Выбранный фрагмент описывает красивые пейзажи священной для буддистов горы Иенты. Старший сын Хо Куи Ли, Нгуен Чынг, вдохновившись одой-фу и нарисовав гору и старого монаха, сделал к ней подпись с этой цитатой и подарил отцу (Там же, с. 87). Первый министр Хо Куи Ли высоко оценил картину и стихотворение на *номе*. В исторической действительности и в романе он продвигал идею самостоятельности развития Вьетнама, а не как части китайской истории. В рамках этой идеи он пытался внедрить вьетнамизированную письменность вместо китайского языка в сферы литературы и ведения государственных дел, хоть и безуспешно.

В романе также процитировано стихотворение (сразу в переводе на современный вьетнамский язык), взятое из прозаического сборника «Сны Южного старца» (*Nam Ông mộng lục*) Хо Нгуен Чынга. В 1407 г. Китай захватил Вьетнам. Хо Куи Ли, по основной версии, был убит в одной из битв. А Хо Нгуен Чынг вместе с некоторыми другими высокопоставленными чиновниками насильно перевезли в Китай. Там он и написал «Сны Южного старца» уже на китайском языке. Эти строки Хо Нгуен Чынг, а вслед за ним и Нгуен Суан Кхань, приписывает молодому Чан Нге Тонгу еще до его восхождения на трон. По просьбе отца он симпровизировал и составил четырехсложное четверостишие: «Есть талантливая девушка, / Внутри пустая, снаружи крепкая, / Можно заставить ее быть прислугой, / Но боюсь нанести вред человечности» (*Có nàng giỏi giang / Trong rỗng ngoài cứng / Bắt làm đầy tớ / E chạm nhân tình*); в оригинальном четверостишии на *ханвьете* речь идет о высокопоставленном чиновнике (*Hữu vĩ thủ quân*), а не о девушке) (Там же, с. 113). И во «Снах Южного старца», и в романе эти строки продемонстрировали осознанность, талант и добродетель Чан Нге Тонга, тем самым подкавав его отцу-императору, что Нге Тонга следует рассматривать в качестве потенциального преемника.

Поэзия, сочиненная самим Нгуен Суан Кханем, но авторство которой приписано героям романа, написана на современном вьетнамском языке. Притом писатель иногда копирует приемы средневековой традиции. В частности, в большинстве песенных текстов используется частица *hề*, создающая определенную метрику, характерную для песен, и завершающая строку или синтагму в ней. Можно привести, например, безымянную песню про феникса. Герой Нгуен Чынг переделал ее на основе другой песни, услышанной им во время одного застолья. «Феникс, / Феникс парит высоко в небе. / Где сейчас древние люди и старые облака? / Только вижу здесь разрушенный замок, / Только вижу беззвездное небо. / Феникс, / Феникс, где ты?» (*Phượng hoàng hề / Phượng hoàng hề bay vút trời cao. / Người xưa, mây cũ nay ở nơi nào / Chỉ thấy nơi đây lâu đài tàn tạ / Chỉ thấy bầu*

trời vắng trăng sao / Phượng hoàng hể / Phượng hoàng hể người nơi nào.”) (Там же, с. 95). Песня несколько раз возникает в романе в разговоре разных персонажей с Нгуен Чынгом (или в его присутствии) о возможном замысле Хо Куи Ли по узурпации власти.

Феникс — птица, которая в представлениях китайцев и вьетнамцев символизирует мир и гармонию. На момент описываемых событий Вьетнам находился в состоянии внутривластного кризиса, осложненного угрозой иностранного вторжения. Династия Чан, в прошлом овеянная боевой славой и способствовавшая культурному расцвету государства, теперь была представлена слабыми, некомпетентными правителями и чиновниками. Древние люди и старые облака — это прежние правители династии Чан и их заслуги. Разрушенный замок — упадок правящей семьи или, шире, страны. Беззвездное небо — отсутствие перспектив. Нгуен Чынг через песню признает плачевное состояние, в котором находится страна, и просит о ее благополучии.

Феникс также косвенно связан с государственностью. Во Вьетнаме он долгое время являлся атрибутом императриц, женского начала, в противопоставлении дракону как символу императора, мужского начала. В этом случае в песне появляется второй смысл. В ней также заключена личная трагедия Нгуен Чынга, который к тому моменту потерял жену и ребенка (оба не пережили роды). Будучи сыном высокопоставленного чиновника, он оказался втянут в придворные интриги. Нгуен Чынг пытался держаться нейтральной позиции, не предавая ни правящую династию, ни отца. В этом ему помогала супруга. Получается, в ее лице он потерял не только любовь, но и человека, который помогал сохранять нейтралитет. Таким образом, в песне он зовет подругу, которая помогла бы ему восстановить душевное равновесие. Эту версию подтверждает сам Нгуен Чынг. В очередной раз песня возникает, когда Хо Куи Ли и его вторая жена выражают желание, чтобы Нгуен Чынг снова завел семью, а тот признается, что не может.

На примере песни о фениксе видно, что поэзия, сочиненная Нгуен Суан Кханем, передает лирическое состояние героя. Так, в другой своей песне Нгуен Чынг размышляет о всеобщем хаосе. В ней ощущение от нахождения в этом состоянии сравнивается с алкогольным опьянением. Он «ищет веселья» в алкоголе, но вместо этого «плачет». Герой чувствует причастность к преступлениям своего отца: «я подношу череп с кровью». Еще в одной песне он сетует на свою грусть и рассеянность, отмечает: «В мире хаос, я не знаю, что делать» (Там же, с. 480).

Через стихи Нгуен Суан Кхань намекает и на характер героев. В романе, кроме Нгуен Чынга, лирический портрет раскрывается, например, у старшего брата Чан Тхуан Тонга — Нгака. Он стоял в оппозиции к Хо Куи Ли. В письме своему соратнику Нгак посетовал на свое положение, на слабость страны в контексте борьбы против Хо Куи Ли, с одной стороны, и против чамских войск — с другой (Там же, с. 363). Свои переживания он

вложил в стихи. Соратник, закончив читать письмо, посчитал, что эти строки написаны человеком талантливым, но унылым и бесхарактерным. А такой управленец, очевидно, «не может принести пользу обществу в кризисную эпоху».

Помимо поэзии, имеющей настоящего автора или сочиненной писателем, но приписываемой кому-либо, в романе присутствуют образцы поэтического фольклора, происхождение которых не всегда ясно: то ли это подлинный фольклор, то ли авторская стилизация.

Например, в романе есть довольно длинная песня погонщика. Когда шла казнь ряда заговорщиков против Хо Куи Ли, его младший сын восседал на слоне. Чтобы успокоить животное, сопровождающий пел: «О, лесной слон! / О, дикий слон! / Слезы текут градом, / Мрачное захоронение, / Расправь уши и послушай, как я пою! / Вытяни хобот, чтобы поднять ветку цветка!...» (“*Ơ con voi rừng! / Ơ con voi hoang! / Nước mắt ròng ròng / Cái vùi ủ rũ / Vẽnh tai lên mà nghe ta hát! / Vươn vòi lên mà đón nhành hoa!*”) (Там же, с. 203).

Одна из главных героинь, певица Тхань Май, часто поет народные песни. Так, однажды она пела о лошади, которая «ест траву на юге, а ночью ржет на луну и на север» (Там же, с. 350). Это редкий случай, когда под севером и югом понимается не Китай и Вьетнам соответственно, а Вьетнам и Чампа. Дело в том, что Тхань Май в свое время попала к чамскому правителю в плен, где, видимо, и выучила эту композицию. В ней девушка фамильярно обращается к лошади на «ты» (“*mày*”), используя не классический северовьетнамский вариант, а диалектизм более южных провинций (“*mì*”).

В целом фольклорные мотивы в поэзии романа отличаются меланхолией и используются писателем, чтобы подчеркнуть тоску и безысходность в той или иной ситуации. Аналогичным образом в эпизоде, когда генерал Чан Кхат Тян завершил обсуждение совместных действий против Хо Куи Ли с единомышленником, он услышал крестьян, вышедших на ночную рыбалку. Какая-то женщина запела: «...Кто пожалеет тихого аиста? / Долгая ночь... снова долгая ночь. / Ежась, закрылся крыльями от холодного ветра и тумана...» (“*...Cái cò lằm lủi ai mà xót thương / Đêm trường... rồi lại đêm trường / Co ro cánh vạc gió sương lạnh...*”) (Там же, с. 470). Аист — это символ долголетия и косвенно самого Вьетнама. В частности, птица Лак, которую обычно отождествляют с аистом, была излюбленным символом, тотемом предков вьетнамцев в период донгшонской культуры (VI—I вв. до н. э.) и часто украшала их священные барабаны. Генерал Чан Кхат Тян, как охранитель государственности, похож на этого аиста (“*cái cò*”, второе значение слова — курок оружия, что также перекликается с военным деятелем), который в ночи предпринимает шаги по защите правящей династии Чан. Не зря песня до слез растрогала героя.

Можно также классифицировать стихотворения в романе по функциям. В таком случае писатель решает с помощью поэзии три основные за-

дачи: конкретизация сюжета, добавление элемента историчности произведению в случае наличия настоящего автора, передача чувств героев. Последние два варианта уже были рассмотрены ранее, поэтому остановимся на поэзии, конкретизирующей сюжет. В одном из первых личных разговоров между генералом Чан Кхат Тяном, который определенное время колебался между лагерем защитников правящей династии и лагерем сторонников Хо Куи Ли, и Нгуен Чынг героини обменялись цитатами из буддийской поэзии, описывающей природную красоту цветущего сада (Там же, с. 215). Эти стихи дали собеседникам возможность понять их общность (высокий уровень образованности, благожелательное отношение к природе), что позволило им завязать дружбу.

Другое стихотворение Хо Куи Ли подарил Чан Кхат Тяну по случаю его военной победы. В нем он завуалированно сравнил генерала со старым плодоносным деревом (в качестве награды Чан Кхат Тяну получил землю с абрикосовым садом) и спросил о том, куда стремится его «воля», к какому лагерю при дворе (Там же, с. 217, 306). Писатель показал на этом примере, как Хо Куи Ли разбирался во внутривластной ситуации, оценивал высокопоставленных чиновников, стремясь понять, кто из сохраняющих нейтралитет может склониться на его сторону.

Во время очередного визита к Чан Кхат Тяну Нгуен Чынг познакомилась с певицей Тхань Май. Она пела песню про орхидею, а старший сын Хо Куи Ли аккомпанировал ей. Через поэзию они, во-первых, почувствовали сильную симпатию друг к другу, а во-вторых, тут же и обнаружили, что чувства взаимны. Не зря орхидея во Вьетнаме является среди прочего символом любви и верности: «Кто сказал, что от запаха орхидеи нельзя захмелеть? / Аромат орхидеи подобен вину ранней весной. / Застенчивость приводит юношу в восторг. / Ты подобна стройной орхидее...» (“Ai bảo hương lan không say? / Hương lan như rượu đầu xuân. / E ấp cho chàng ngất ngây. / Em là bông lan mảnh mai”) (Там же, с. 330). Также стоит отметить, что имя девушки — Тхань Май — означает «недавно распустившиеся цветы абрикоса». Поэтому в данном отрывке есть переключки с цветами в имени и в песне. Таким образом, писатель сокращает все действие — знакомство и объяснение развития чувств между героями — до песни.

Еще один эпизод, когда поэзия решила судьбу персонажей, Нгуен Суан Кхань позаимствовал из исторического сочинения известного вьетнамского деятеля XVIII в. Ле Куи Дона (Lê Quý Đôn), а тот в свою очередь взял из ранних китайских источников. В этом эпизоде рассказывается, как император Чан Минь Тонг, отец Чан Нге Тонга, гулял со своими чиновниками рядом с дворцом. Вдохновившись видами, он составил первую параллельную фразу, предлагая своей свите сочинить вторую: «Перед дворцом Тхань Тхы столько корней коричневого дерева». Пока остальные пребывали в замешательстве, тогда еще молодой и непримечательный Хо Куи Ли предложил свой вариант: «А во дворце Куанг Хан есть одна абрикосовая ветка» (“Quảng Hàn cung lý, nhất chi mai”) (Там же, с. 333). «Одна

абрикосовая ветка» на *ханвьете* — “nhất chi mai”. Так звали дочь императора, о которой или о личном имени которой не знали остальные сопровождавшие в свите. К слову, Чан Минь Тонг очень любил стихотворение одного буддийского монаха XI в., в котором тоже упомянута ветка абрикоса. По этой причине дочь и получила имя Нят Ти Май. Быстрая реакция Хо Куи Ли, красиво сочиненная вторая параллельная строка и его осведомленность о внутренних делах императорского двора впечатлили Чан Минь Тонга. По этой причине он выдал Нят Ти Май замуж за Хо Куи Ли. Здесь писатель использовал исторический источник, придав определенную достоверность своему произведению, и решил вопрос конкретизации сюжета, без лишних объяснений сведя Хо Куи Ли и Нят Ти Май.

Кроме того, через стихи писатель повторял идеи, выраженные в прозе, в иносказательной форме, что делает их более убедительными. Взять, например, принятую на Дальнем Востоке концепцию цикличности истории, которая объясняет необходимость смирения перед всеми ее этапами: от развития до упадка. Так, наследник императора Чан Тхуан Тонг получил в подарок стихотворение от даосского монаха: «Холодный пепел, хотя искры только затухают. / Не жгите шелуху и солому. / Кто знает, может быть, под пеплом / Где-то лежат семена, где-то — зеленые ростки? / Возможности небес чудесны и переполняют радостью...» (“Tro lạnh dù tàn đốm lửa / Xin đừng ủ trấu, nhen rơm / Dưới tro nào ai có biết / Đây là hạt, đây mầm xanh? / Cơ trời nhiệm màu khôn xiết...”) (Там же, с. 428). Монах сравнил холодный пепел с последствиями кризиса. По его мнению, жертвы, случившиеся в эту эпоху, были не напрасны, за ними должно следовать начало нового этапа во вьетнамской истории, который принесет очередной расцвет. Однако не совсем понятно, считает ли он Чан Тхуан Тонга частью «зеленых ростков» или «пепла».

Заключение

Таким образом, в романе «Хо Куи Ли» представлено большое число поэтических вставок (свыше 30 на 830 страниц текста) в виде стихов или песен, а также параллельных фраз на *ханвьете* и на современном вьетнамском языке. Они различаются по форме, писатель не придерживается какого-то единообразия в жанрах и стихотворных размерах. Также отсутствует единство в плане содержания, хотя все они, за исключением параллельных фраз, как правило, наполнены грустью, выдержаны в меланхолических тонах.

Поэтические вставки в романе можно классифицировать по разным критериям. Во-первых, они делятся на сочиненные реально существующими деятелями прошлого и самим Нгуен Суан Кханем. В круг первых можно включить вставки из китайских и вьетнамских поэтов, историков-летописцев. Среди вторых можно выделить произведения, полностью сочиненные писателем или заимствованные из фольклора.

Во-вторых, поэтические вставки можно рассматривать с точки зрения функций, которые они выполняют в произведении. Они могут соединять художественный вымысел с исторической правдой, передавать чувства и переживания персонажей, подчеркивать мысль Нгуен Суан Кханя, высказанную в прозе, и, наконец, конкретизировать сюжет. В последнем случае писатель сокращает описание действия, развития симпатии, дружбы или конфликта до небольшого стихотворения, позволяя читателю самому много домысливать.

Список литературы

- Бахтин М.М. Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 72–233.
- Власов А.С. Синтез поэзии и прозы в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Кострома, 2002. 200 с.
- Дайвьет шы ки тоан тхы. Ханой: НСБ khoa hoc xa hoi, 1993. 2546 с. [Đại Việt sử ký toàn thư. Hà Nội: NXB khoa học xã hội, 1993. 2546 tr.]. <https://thpthiephoa1.edu.vn/wp-content/uploads/Dai-viet-su-ki-toan-thu.pdf>
- Леонов К.Ю. Классическая вьетнамская поэзия эпохи Ли-Чан // Вьетнамские исследования. 2023. Т. 7. № 2 S. С. 74–135. <https://doi.org/10.54631/VS.2023.72-473607>
- Нгуен Суан Кхань. Хо Куи Ли. Ханой: НСБ фу ны, 2000. 834 с. [Nguyễn Xuân Khanh. Hồ Quý Ly. Hà Nội: NXB phụ nữ, 2000. 834 tr.]
- Поплавская И.А. Типы взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX века. Томск: Изд-во Томского университета, 2010. 378 с.
- Филимонова Т.Н. Стихотворные вставки в прозе Нгуен Хюи Тхиепа / под ред. Фам Суан Нгуена // В поисках Нгуен Хюи Тхиепа. Ханой: НСБ Ван хоа – Тхонг тин, 2001. С. 154–168. [Filimonova T.N. Thơ trong văn Nguyễn Huy Thiệp / Phạm Xuân Nguyên bs // Đi tìm Nguyễn Huy Thiệp. Hà Nội: NXB Văn hóa – Thông tin, 2001. Tr. 154–168]
- Филимонова Т.Н. Трагедия реформатора в романе Нгуен Суан Кханя «Хо Куи Ли» // Вьетнамские исследования. 2012. Т. 1. № 2. С. 370–387. <https://doi.org/10.54631/VS.2022.62-106357>

References

- Bakhtin, M.M. (1975). The word in the novel. In: Bachtin M.M. *Questions of literature and aesthetics. Research from different years*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. P. 72–233. (In Russ.)
- Dai Viet Su Ky Toan Thu. (1993). Hanoi: NXB khoa hoc xa hoi. (in Vietn.) <https://thpthiephoa1.edu.vn/wp-content/uploads/Dai-viet-su-ki-toan-thu.pdf>
- Filimonova, T.N. (2001). Poetic insertions in prose of Nguyen Huy Thiep. In: Pham Xuan Nguyen (ed.) *Looking for Nguyen Huy Thiep*. Hanoi: NXB Van hoa – Thông tin. (In Vietn.)
- Filimonova, T.N. (2012). The tragedy of the reformer in Nguyen Xuan Khanh's novel "Ho Qui Ly". *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 1(2), 370–387. (In Russ.) <https://doi.org/10.54631/VS.2022.62-106357>
- Leonov, K.Yu. (2023). Classic Vietnamese poetry of the Ly-Tran epoch. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 7(2S), 74–135. (In Russ.) <https://doi.org/10.54631/VS.2023.72-473607>
- Nguyen Xuan Khanh. (2000). *Ho Quy Ly*. Hanoi: NXB phu nu. (In Vietn.)

- Poplavskaya, I.A. (2010). *Types of interaction between poetry and prose in Russian literature of the first third of the 19th century*. Tomsk: Tomsk University Publ. (In Russ.)
- Vlasov, A.S. (2002). *Synthesis of poetry and prose in B.L. Pasternak's novel "Doctor Zhivago"*. (Ph.D. Dissertation). Kostroma. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Муралова Екатерина Олеговна, аспирант Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1. ORCID: 0000-0002-0659-9814. E-mail: murket96@mail.ru

Филимонова Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1. ORCID: 0000-0001-7136-3173. E-mail: glasha.48@mail.ru

Bio notes:

Ekaterina O. Muralova, postgraduate student at the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, 11/1 Mokhovaya St, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0659-9814. E-mail: murket96@mail.ru

Tatyana N. Filimonova, Candidate of Philology, Assistant Professor at the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, 11 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7136-3173. E-mail: glasha.48@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-524-533

EDN: GCCDDL

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

А. Чехов в творчестве Чжан Цзе

В.А. Мескин^{id}, Х. Чжан^{id}✉

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ 1042225077@pfur.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в рассмотрении генезиса творчества Чжан Цзе, крупнейшего китайского прозаика второй половины XX – начала XXI в. Авторы статьи цитируют многократные признания писательницы об огромном влиянии, которое оказал на ее творчество А.П. Чехов, но главное – пытаются определить, в чем конкретно, на каких уровнях формы и содержания выразилось это влияние. Выявляются корреляции в сфере жанровых и тематических образований, приемов поэтики, существенные доминанты стиля русского писателя, которые присутствуют в работах Чжан Цзе: сдержанность, краткость, лиричность, «объективность», как ее понимал русский классик. В статье говорится о наличии в сочинениях Чжан Цзе характерных чеховских мотивов, чеховского амбивалентного отношения к «маленькому человеку», чеховское разоблачение пошлости, осуждение рабской психологии. При этом отмечается гибкость восприятия художественной мысли предшественника, элементы диалога в обстоятельствах новейшего времени, национальной специфики. Существенную помощь в написании статьи оказало обращение к чеховскому сборнику работ о литературном труде, перевод которого вышел в Китае в середине XX в. и который, несомненно, был внимательно прочитан Чжан Цзе. Настоящее исследование, базирующееся на работах А. Веселовского о генетических и типологических аспектах взаимодействия словесности разных народов, позволило сделать вывод об определяющей роли А. Чехова в становлении писательского мастерства Чжан Цзе. Статья призвана способствовать изучению диалога культур.

Ключевые слова: русская литература, китайская литература, типология, рецепция, поэтика, влияние

Вклад авторов. В.А. Мескин – разработка идеи исследования, анализ материала, редактирование рукописи. Х. Чжан – разработка идеи исследования, сбор эмпирических материалов, исследовательских данных, первичный анализ, написание работы.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11 мая 2024 г.; отрецензирована 12 июня 2024 г.; принята к публикации 15 июля 2024 г.

Для цитирования: Мескин В.А., Чжан Х. А. Чехов в творчестве Чжан Цзе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 524–533. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-524-533>

A. Chekhov in the works of Zhang Jie

Vladimir A. Meskin^{id}, Huizhen Zhang^{id}✉

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉1042225077@pfur.ru

Abstract. The purpose of this paper is to examine the genesis of the work of Zhang Jie, a major Chinese prose writer of the second half of the 20th and early 21st century. The authors of the article quote the writer's repeated acknowledgements of the enormous influence that Anton Pavlovich Chekhov had on her work, but most importantly, they try to determine in what exactly, at what levels of form and content this influence manifested itself. Correlations in sphere of genre and thematic formations, poetic techniques and essential dominants of Russian writer's style, which later appeared quite clearly in Zhang Jie's works, are revealed: restraint, brevity, lyricism, and 'objectivity' as it was understood by the Russian classicist. The article speaks of the presence in Zhang Jie's works of Chekhov's characteristic motifs, Chekhov's ambivalent attitude to 'the little man', Chekhov's exposure of vulgarity, and condemnation of slave psychology. At the same time, the flexibility of perception of artistic thought of the predecessor, elements of dialogue in the circumstances of modern times, and national specifics are noted. Significant assistance in writing the article was provided by reference to Chekhov's collection of works on literary labor, a translation of which was published in China in the mid-20th century and which was undoubtedly carefully read by Zhang Jie. The present study based on the works of A. Veselovsky on genetic and typological aspects of interaction between literatures of different peoples allowed us to conclude about the determining role of A. Chekhov in the formation of Zhang Jie's writing. The article is intended to contribute to the study of the dialogue of cultures.

Keywords: Russian literature, Chinese literature, typology, reception, poetics, influence

Author's contribution. Vladimir A. Meskin – development of the research idea, analysis of the material, editing of the manuscript. Huizhen Zhang – development of the research idea, collection of empirical materials, research data, primary analysis, writing of the paper.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 11, 2024; revised June 12, 2024; accepted July 15, 2024.

For citation: Meskin, V.A., & Zhang, H. (2024). A. Chekhov in the works of Zhang Jie. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 524–533. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-524-533>

Введение

Сравнительное литературоведение — продуктивное направление современной филологии. В. Жирмунский, продолжая и развивая учение А. Веселовского, как особо важное выделил сравнение литературных яв-

лений, детерминированных генетическими связями на основе культурных взаимодействий, влияний, заимствований, обусловленных близостью народов, схожестью общественно-исторических обстоятельств (Жирмунский, 1979, с. 194). В эпоху глобализации изучение взаимосвязи литератур разных народов стало особенно актуально. Действительно, чем больше расширяется — географически и исторически — круг литературных явлений, тем очевиднее становится взаимосвязь этих явлений или, во всяком случае, необходимость изучать их в сопоставлении, не изолированно, а в общем контексте художественной деятельности человека (Виппер, 1990, с. 300). В этом плане интересно, в некотором смысле поучительно, рассмотрение разного рода связей творчества Антона Чехова и современной китайской писательницы Чжан Цзе.

Обсуждение

Творчество Чжан Цзе (1937–2022) — одно из самых значительных явлений в новейшей китайской литературе. Она стала первой женщиной — лауреатом самой крупной китайской литературной премии, «Премии Мао Дуня», и единственной, кто получил ее дважды, в 1985 и 2005 гг. Писательскую деятельность она начала в конце 1970-х гг., после завершения так называемой китайской культурной революции. Тогда в литературе страны появились такие течения, как литература шрамов, литература реформ, литература переосмысления. В центре всех этих направлений изображался человек в эпоху драматических экспериментов и преобразований.

Чжан Цзе начинала свое творчество в ряду писателей литературы шрамов. Это течение, как можно понять уже из его названия, отображало страдания народа в эпоху насаждения классовой культуры с китайской спецификой (Ван, 2003, с. 277–278). Тогда, во второй половине 1970-х гг., стало позволительным правдиво рассказывать о судьбах людей в реальной исторической ретроспективе. Литература шрамов — это суровая, по-своему пугающая литература, ее эстетика весьма специфична. В России опыт такой литературы демонстрировали, например, Б. Окуджава, В. Аксенов, отображавшие последствия эпохи ГУЛАГа, людей, переживших застенки.

Сама писательница была жертвой сложных исторических процессов, хотя и не самых жестоких. Отправленная на принудительные работы, преподавать в школе в сельской глубинке, она стала свидетельницей действительно трагических явлений. Об этом она и писала в начальный период творчества в жанре рассказа. Позже ею были освоены и крупные прозаические жанры.

Уже дебютный рассказ, «Ребенок, пришедший из леса» (1978), принес Чжан Цзе широкую известность, первую национальную премию за «выдающийся рассказ». В нем повествуется о пожилом музыканте, осужденном по статье «враг народа», который занят тяжелым трудом на лесоповале.

Смертельно больной раком, он все оставшиеся силы отдал обучению музыке чужого ребенка — сына дровосека. После школы юноша поехал в столицу, поступил в консерваторию и в конце концов стал призером престижного музыкального конкурса.

В кругу писателей своего течения Чжан Цзе имела свои особенности. Проблематика большинства ее коллег была направлена на выражение возмущения по поводу всего случившегося. У Чжан Цзе тоже было это, но, кроме того, она писала о добре под спудом тяжелых обстоятельств, о неумирающих надеждах даже у умирающих людей.

Позже ее круг тем расширился, и тогда в ее творчество, образно говоря, вошел А. Чехов. Чжан Цзе начинала литературное поприще, когда в Китае возродился интерес к русской культуре. Новое поколение китайских писателей испытывало осязаемое влияние русской словесности, и классической, и постклассической. Именно чеховское творчество оказало самое сильное влияние на Чжан Цзе. В свое время ее покорила «Ванька» Антона Павловича. Она писала, что детские страдания умело описывали многие литераторы, но А. Чехов в этом ряду непревзойден. Такой поворот сюжета, по ее мнению, мог предложить только он (Хэ, 1991, с. 60). Чеховские «следы» обнаруживаются на разных поэтических уровнях сочинений Чжан Цзе. При этом можно говорить и о сознательных, и о бессознательных заимствованиях.

Надо сказать, А. Чехов — один из самых популярных русских писателей в Китае, его произведения были переведены на китайский язык в числе самых первых, изучаются в школах Поднебесной. Теоретические работы мастера «О литературе» были переведены еще в 1958 г., и они, безусловно, были прочитаны Чжан Цзе.

Больше всего писательницу впечатлило то, что называют «чеховской объективностью». Антон Павлович отмечал: «Надо быть равнодушным, когда пишешь жалостные рассказы... Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление» (Чехов о литературе, 1955, с. 161). Именно объективной сдержанностью отличаются многие рассказы Чжан Цзе.

Впервые имя русского писателя фигурирует в рассказе «Любовь не забывается» (1979). Рассказ примечателен и свидетельством большой любви Чжан Цзе к А. Чехову, и неутихающей вокруг него полемикой. Здесь затронута табуированная в Китае тема незаконной любви. Произведение ассоциируется с такими чеховскими рассказами, как «В родном углу», «Невеста» и, конечно, с трилогией «О любви».

Шаньшань, героине повествования и повествовательнице, тридцать лет, она помышляет о любви и браке. Девушка встречается с молодым человеком, но не уверена, испытывает ли любовь к нему. Формального брака она не желает. Большое влияние на нее оказывает мать-писательница, страстная поклонница А. Чехова, с чеховским же отношением к любви и браку. По ее мнению, лучше оставаться одной, чем вступать в поспешный брак. Любовь пожилой женщины к А. Чехову была столь сильной, что к своему собранию сочинений писателя она никого не подпускала и заве-

щала после смерти кремировать ее вместе с книгами любимого мастера слова. Но самое чеховское проявляется в заключительной части рассказа, в мемуарных записках умершей женщины. Из них дочь узнает о трогательной любви матери к мужчине, о драматичных обстоятельствах, не позволивших им соединиться, но не помешавшим им всю жизнь любить друг друга. Также она узнает, что чеховский многотомник был подарен матери этим мужчиной и служил своеобразной связью их сердец. Сам же любимый погиб в годы репрессий.

Идея рассказа действительно очень чеховская — утверждение того, что любовь выше брака, что окружение не должно ее касаться. Шаньшань сильно напоминает Надю, героиню чеховской «Невесты». В связи с образом матери-писательницы выражено чеховское отношение к творчеству — неразрывному с жизнью. Известно высказывание А. Чехова, что художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какова она есть на самом деле. Ее назначение — правда безусловная и честная (Там же, с. 42). Любовь матери к женатому человеку, пусть и платоническая, была настороженно встречена в критической литературе, о такой любви не принято было писать, тем более касательно женщины.

А. Чехов одним из первых в русской литературе поднял проблему женской эмансипации, в китайской же литературе, не без влияния русского классика, это сделала Чжан Цзе¹. В ее защиту выступил известный писатель Ван Мэн, указав на романтичность автора рассказа, на ее внимание к духовности, к искренней чувственности (Хэ, 1991, с. 404). Другой литератор-современник справедливо заметил, что этот рассказ — свидетельство большой любви писательницы к великому автору (Чжан, 2012, с. 282).

Как и в творчестве А. Чехова, женская тема — одна из самых частых в сочинениях Чжан Цзе. У обоих авторов она раскрывается в связи с героями, ищущими настоящую любовь, в разоблачении брака, лишённого чувственности. Весьма характерны в этом плане такие сочинения, как «Боснийская цветочная ваза» (1981), «Ковчег» (1982), «Изумруд» (1984) и многие другие.

Следующей по значению темой творчества Чжан Цзе видится опять-таки чеховская тема — «маленький человек». Этого героя она по-чеховски отображает и в свете сочувствия, и в свете сатиры.

Рассказ «Покаяние» (1980) тематически напоминает чеховский рассказ «Тоска» — страданием отца, потерявшего сына. Сюжет связан с двумя персонажами: это отец, бывший репрессированный по пресловутой статье «враг народа», и сын, всю жизнь прозябавший под грузом обвинения «сын врага народа». Этот груз сломал юношу, что отразилось даже на его внешности (робкое выражение лица, согбенная фигура: он будто боялся занимать слишком много пространства). Автор сравнивает его с собакой,

¹ По случайному или не случайному стечению обстоятельств, но на следующий год после публикации рассказа китайское правительство внесло либеральные поправки к закону о браке.

подобострастно виляющей хвостом. Однажды сын захотел «выпрямиться», выйти на протестные акции, а отец в грубой форме запретил ему делать это, что и предопределило смерть молодого человека. Покаяние испытывает отец, человек без вины виноватый. Чжан Цзе — писатель последовательно беспристрастный, она не осуждает отца, но «художественно констатирует», как бы следуя чеховскому совету: художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем (Чехов о литературе, 1955, с. 77–78).

Та же сдержанность и объективность наблюдается в ее описании «маленьких людей». Как и русский мастер, она «вблизи» рассматривает их быт. А. Чехов писал: «Если я когда-нибудь напишу рассказ про сельского учителя, самого несчастного человека во всей империи, то на основании знакомства с жизнью многих десятков их» (Там же, с. 285). Будущий прозаик тоже вышла «из низов» и пишет о том же, о желании вплотную познать жизнь героев своих будущих произведений. В одной из статей писательница признается, что нередко совершала поездки на транспорте третьего класса, чтобы видеть персонажей своих произведений, слышать, о чем они говорят (Чжан, 2012, с. 346). Примечательно, в свое время А. Чехов советовал А. Куприну чаще ездить в третьем классе, поскольку там иногда можно услышать «замечательно интересные вещи» (Чехов о литературе, 1955, с. 285).

Примеров общения автора с персонажами своих рассказов много. Можно указать на рассказ «Тангулу» (1980) о хромом юноше, продающем на улице тангулу — китайское лакомство. Автор создает нечто, напоминающее живые картины: читатель видит юношу, его улыбку, замерзшие щеки, то, как он застенчиво зазывает покупателей, конкурируя с другим юношей, продающим такое же тангулу. Или вот рассказ «Последняя высота» (1989), один из переведенных на русский язык. В нем повествуется о старушке, доживающей свой век в доме сына. Она винит себя, что «зажилась», что ей уделяется внимание, на нее тратятся деньги. Вся ее радость — старый кот. Однажды кот пропал, и старушка нашла его в дальнем углу, куда он забился умереть наедине с собой. Она поняла, почему животные прячутся перед смертью, и сама хотела бы умереть так же, никого не беспокоя. Чжан Цзе демонстрирует детальное знание низовой жизни, ее проблем, повествователь будто присутствует в описываемом пространстве.

Чжан Цзе не просто услышала чеховский афоризм «краткость — сестра таланта», она ему следует. Известно, что чеховские рассказы, идеи которых можно изложить в паре фраз, потенциально обладают очень большой содержательной глубиной. Можно предположить, что и в этом смысле Чжан Цзе — ученица русского писателя. Обратимся к ее рассказам «Неоконченные записки» (1980) и «Под боярышником» (1984). Особенно интересен первый рассказ, который не может не вызвать в памяти чеховскую повесть «Скучная история. (Из записок старого человека)». Дело, конечно, не в частичном совпадении названий. Здесь можно говорить и о

типологических, и о генетических творческих связях. Оба произведения — рефлексия интеллигентных людей, ученых, подводящих жизненные итоги; к обоим героям приходит осознание быстротечности жизни, осознание того, что далеко не все задуманное сделано. Чжан Цзе, как и А. Чехов, прибегает здесь к изложению фабулы в стиле потока сознания.

Второй рассказ — образец лапидарности. Человек на больничной койке получил известие о суициде друга в состоянии депрессии. При этом читателю дается большое поле для домысливания. Чжан Цзе писала, что для нее главное — создать, отобразить внутренний мир персонажей (Хэ, 1991, с. 20). И это ей явно удастся по-чеховски.

Особая страница творчества Чжан Цзе — ее сатира, к которой она обратилась в середине 1980-х гг. Здесь также очевидно влияние любимого русского писателя, и ее врагом была «пошлость», и у нее сатирические начала обличают существующие общественные нравы. «Следы» чеховского Очумелова из «Хамелеона», тонкого из чеховского «Толстый и тонкий» отчетливо заметны в таких сатирических сочинениях, как «Не созрел» (1983) и «Габаритные огни» (1984). В первом рассказе чиновник по имени Юэ Тофу с огорчением узнает, что на должность, о которой он мечтал, назначается другой человек. Он делал все возможное, чтобы воспрепятствовать этому. Узнав, что из его стараний ничего не вышло, Юэ Тофу стал «сердечно» поддерживать приятеля, «искренне» желать ему успехов. Если искать отличия в «хамелеонных» характерах, можно сказать, что китайский прототип социально опаснее.

Еще более «чеховским» можно назвать второе из упомянутых сочинений. Примечательно, что, как и у А. Чехова, описываемые события происходят на железной дороге. Главный герой оскорблен тем, что с ним в одном вагоне едут не чиновные люди. В пути он встречает человека, которого принимает за большого начальника, начинает вести себя подчеркнуто скромно, лебезить. Затем, узнав, что ошибся, что его попутчик скромный пенсионер, выпрямляет свою «почтительно согнутую спину». Если и здесь искать отличительные особенности, то можно заметить, что китайская писательница намекает на то, что время «хамелеонов» проходит.

В Китае есть устоявшееся мнение, что своим творчеством Чжан Цзе сказала своим соотечественникам: «Некрасиво живете, товарищи» (Чжан, 1980, с. 5–6). Но именно с этим А. Чехов обращался к своим соотечественникам. Чжан Цзе совершенно определенно иллюстрировала свои слова в жанре сатиры, очень ярко в таких произведениях, как «Чем он болен?» (1986), «Раздражение» (1991). Это характерные сатирические разоблачения, дающие «полное представление об отрицательных качествах явления» (Есин, 2002, с. 40). Она по-чеховски ставит диагноз людям, обществу, что есть, как известно, первый шаг к излечению. Читая ее, вспоминается признание А. Чехова, относительно «цели» его творчества — «убить сразу двух зайцев: правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется от нормы» (Чехов о литературе, 1955, с. 123).

Чжан Цзе, как и А. Чехов, пережила своеобразную творческую эволюцию. Русский писатель, начав как правоверный реалист, шел к модернизму. А. Белый, теоретик и историк модернизма, назвал прозаика и драматурга «подножием русского символизма», указал на его умение представлять явления в «совокупности многообразных тайн» (Белый, 2002, с. 831–843). С годами модернизировалась и проза Чжан Цзе, в последние годы жизни в ее творчестве стало много иносказаний, символики. В этом смысле примечателен рассказ «Прелесть сновидений» (1996). Это повествование о приключениях женщины, путешествующей по Франции и Италии. Содержание рассказа — ряд мистических событий и превращений. Здесь мимикрируют фотографии, происходят неожиданные телепортации во времени и пространстве, пугающие таинственные преследования, дракон из браслета становится драконом настоящим, здесь стираются границы между миром иллюзорным и миром действительным. Зная, какое влияние оказал А. Чехов на Чжан Цзе, допустимо предположить, что свою роль в создании этого произведения могло сыграть ее знакомство с «Черным монахом» русского автора. Конечно, у него нет таких впечатляющих ирреальностей, но тут следует учесть, что китайская писательница жила в эпоху постмодернизма. Заметим, повесть «Черный монах» — первое переведенное на китайский язык чеховское сочинение и одно из самых известных.

Поздний А. Чехов, его философичность, лиризм, недосказанность, — все это узнается в поздних романах Чжан Цзе, имеющих примечательные, в некотором смысле метафизические названия: «Без слов» (1998–2002), «Знаю, что существует» (2006), «Дух дан для странствий» (2009) и т. д.

Заключение

В 1997 г. Чжан Цзе написала эссе, взяв в качестве названия слова А. Чехова, сказанные им перед самой смертью: «Давно я не пил шампанского». Это эссе — размышление о творчестве русского писателя и признание: «Любила и читала многих авторов, но Чехов — это нечто особенное, это проникновенный взгляд в жизнь, предопределяющий размышления о ней, о ее несовершенстве» (Чжан, 2012, с. 389). В размышлениях Чжан Цзе немало мыслей, очень схожих с чеховскими. «Никто не может сказать со всей определенностью, — пишет она, — что человек понимает мир, другого человека и самого себя» (Хэ, 1991, с. 20). Очень схоже размышлял Чехов в письме А. Суворину: «Пора уже сознаться, что на этом свете ничего не разберешь, как когда-то сознался Сократ» (Чехов о литературе, 1955, с. 78). Очевидно, эссе «Давно я не пил шампанского» сама писательница придавала очень большое значение, неоднократно его редактировала.

Произведения Чжан Цзе переведены на многие языки мира и, конечно, на русский. Вместе с тем, творчество этого крупнейшего художника

слова Китая в России изучено явно недостаточно. Чжан Цзе достойна того, чтобы ее лучше знали в России. Сопоставительный анализ ее творчества и творчества А. Чехова достоин особого внимания в силу своей показательности. Совершенно очевидна «перекличка» писателей, живших в разные эпохи, в разных культурных ситуациях; совершенно очевидно, что китайская писательница, родившаяся на десятилетия позже, слышала российского коллегу и, очарованная его мастерством, восприняла его как учителя. Речь, конечно, не идет о том, что Чжан Цзе повторяет А. Чехова или просто переводит его, так сказать, русскую образность на китайский манер. Она перенимает, прежде всего, чеховскую философию творчества, чеховское отношение к творчеству, чеховский стиль. К тому, что уже сказано, можно добавить — импрессионистичность, многозначную недосказанность и, конечно, демократизм, гуманизм. Да, в целом ряде произведений Чжан Цзе отчетливо проявляется, говоря терминологией А. Веселовского, генетическое родство, но более значимо — родство типологическое.

Свое почтение к Чехову китайская писательница публично выражала не раз. Она предполагала, что в будущем мировая словесность прославится именами многих великих писателей, но вряд ли появится другой такой изящный писатель, каким был А. Чехов. Чжан Цзе без преувеличения можно назвать «китайским Чеховым».

Список литературы

- Белый А. Чехов / сост., предисл., общ. ред. И.Н. Сухих, примеч. А.Д. Степанова // А.П. Чехов: pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX — начала XX в. (1887–1914): антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. С. 831–843. (Серия: Русский путь.)
- Ван Ц. История современной китайской литературы. Пекин.: Изд-во высшего образования, 2003. 721 с. [王庆生. 中国当代文学史. 北京.: 高等教育出版社, 2003. 721页]
- Виппер Ю.Б. Творческие судьбы и история. О западноевропейских литературах XVI — первой половины XIX века. М.: Художественная литература, 1990. 300 с.
- Есин А.Б. Типологические соотношения содержания и формы / сост. С.Я. Долина // А.Б. Есин. Литературоведение. Культурология: избранные труды. М.: Флинта, 2002. С. 33–42.
- Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1979. 493 с.
- Хэ Х. Коллекция исследований Чжан Цзе. Гуйчжоу: Народное изд-во Гуйчжоу, 1991. 600 с. [何火任. 张洁研究专集. 贵州.: 贵州人民出版社, 1991. 600页]
- Чехов о литературе / под ред. Л. Покровской. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1955. 403 с.
- Чжан Ц. Любовь не может быть забыта. Гуанчжоу.: Изд-во Хуачэн, 1980. 209 с. [张洁. 爱是不能忘记的. 广州.: 花城出版社, 1980. 209页]
- Чжан Ц. Собрание сочинений Чжан Цзе. Том прозаических эссе. Пекин.: Изд-во народной литературы, 2012. 442 с. [张洁. 张洁文集. 散文随笔卷. 北京.: 人民文学出版社, 2012. 442页]

References

- Bely, A. (2002). Chekhov. In: Sukhikh I.N. (comp., introd., and ed.), Stepanov A.D. (afterword and comm.) *A.P. Chekhov: pro et contra. Works of A.P. Chekhov in the Russian thought of the 19th – early 20th centuries (1887–1914): anthology*. (“The Russian Way” Series). St. Petersburg: Russian Christian Institute for Humanities Publ. P. 831–843. (In Russ.)
- Esin, A.B. (2002). Typological correlations of content and form. In: Dolinina S.Ya. (comp.) A.B. Esin. *Literary Studies. Cultural Studies: Selected Works*. Moscow: Flinta. P. 33–42 (In Russ.)
- He, H. (1991). *Zhang Jie’s research collection*. Guizhou: Guizhou People’s Publishing House. (In Chin.)
- Pokrovskaya, L. (ed.). (1955). *Chekhov on Literature*.
- Wang, Q. (2003). *History of modern Chinese literature*. Beijing: Higher Education Publishing House. (In Chin.)
- Whipper, Yu.B. (1990). *Creative fates and history. On West European literatures of the 16th – the first half of the 19th century*. Moscow: Literature. (In Russ.)
- Zhang, J. (1980). *Love cannot be forgotten*. Guangzhou: Huacheng Publishing House. (In Chin.)
- Zhang, J. (2012). *Collected Works of Zhang Jie. A volume of prose essays*. Beijing: People’s Literature Publishing House. (In Chin.)
- Zhirmunsky, V.M. (1979). *Comparative Literature Studies: East and West*. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Мескин Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0003-2260-8060. E-mail: vameskin@yandex.ru

Чжан Хуэйцжэнь, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0004-5281-9074. E-mail: 1042225077@pfur.ru

Bio notes:

Vladimir A. Meskin, Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-2260-8060. E-mail: vameskin@yandex.ru

Zhang Huizhen, postgraduate student at the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0004-5281-9074. E-mail: 1042225077@pfur.ru

ЖУРНАЛИСТИКА
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ
JOURNALISM
HISTORY AND THEORY OF MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-534-550

EDN: GCFGRA

УДК 16.77:001.8:070:001.8

Научная статья / Research article

**Представленность России в британских
онлайн-источниках в 2022 г.**

А.В. Шариков

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация
✉ asharikov@hse.ru*

Аннотация. Выявлены особенности репрезентации России в британских онлайн-источниках в 2022 г., когда началась специальная военная операция на Украине. Автор использовал статистический анализ на основе мониторинговой системы Factiva: база данных содержит около 4,5 млн текстов, опубликованных на 416 британских онлайн-ресурсах с 1 января по 31 декабря 2022 г. Для определения тональности сообщений использовался сентимент-анализ (версия системы Factiva). Обнаружено, что в 2022 г. Россия заняла четвертое место по количеству статей с ее упоминанием в анализируемом корпусе текстов, уступив Великобритании, США и Украине. С точки зрения теории установления повестки дня, данный факт свидетельствует о высокой значимости России для СМИ Великобритании. Чаще всего материалы с упоминанием России публиковали национальные издания Financial Times, The Independent и The Times. На региональном уровне наибольшее количество текстовых материалов с упоминанием России обнаружено: в Англии – на сайте радиостанции City AM Online; в Северной Ирландии – на сайте Lurgan Mail; в Уэльсе – на сайте The Western Mail; в Шотландии – на портале thescottishsun.co.uk. Британские СМИ в большей степени были сосредоточены на освещении не военных аспектов СВО, а политических и экономических проблем. В целом преобладала нейтральная тональность, что объясняется доминированием коротких безоценочных информационных сообщений. Это справедливо как для национальных, так и для региональных изданий. При этом, когда речь заходит о России, материалы негативной тональности преобладают над позитивными. Выявлено различие в интенсивности

© Шариков А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

негативного освещения России в национальных и региональных онлайн-источниках Великобритании. Наиболее жесткую позицию занимают национальные источники, среди региональных велика негативная направленность на онлайн-ресурсах Англии, а источники Шотландии и Северной Ирландии демонстрируют наименьшую негативную тональность.

Ключевые слова: репрезентация России, британские онлайн-ресурсы, британские СМИ, теория повестки дня, сентимент-анализ, тональность текста

Благодарности и финансирование. Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта «Медиадинамика в глобальном информационном онлайн-пространстве: медиаштормы и долговременные тенденции» на факультете креативных индустрий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2023 г.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 20 мая 2024 г.; отрецензирована 3 июня 2024 г.; принята к публикации 22 июня 2024 г.

Для цитирования: Шариков А.В. Представленность России в британских онлайн-источниках в 2022 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 534–550. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-534-550>

Representation of Russia in the British online sources in 2022

Alexander V. Sharikov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

✉ asharikov@hse.ru

Abstract. The article examines peculiarities of representation of Russia in British online sources in 2022, when Russia launched a special military operation in Ukraine. The author used a statistical approach to analysis based on the Factiva monitoring system, the database of which contains about 4.5 million texts published on 416 British online resources from January 1 to December 31, 2022 at both national and regional levels. Sentiment analysis (Factiva version) was used to determine the tone of the messages. The analysis showed that in 2022, Russia ranked fourth in terms of number of articles with its mention in the analyzed corpus of texts, the first being the United Kingdom itself, the second, the United States, and the third, Ukraine. From the point of view of the agenda-setting theory (McCombs, Shaw), this fact indicates the high importance of Russia for the UK media. Most often, materials mentioning Russia on British online resources in 2022 were published by the national editions of “The Financial Times”, “The Independent” and “The Times”. At the regional level, the largest number of text materials mentioning Russia was found: in England – on the website of the radio station “City AM Online”; in Northern Ireland – on the website of “Lurgan Mail”; in Wales – on the website of “The Western Mail”; in Scotland – on the portal “thescottishsun.co.uk”. The British media were more focused on covering the non-military aspects of the Russian-Ukrainian conflict, mainly, on political and economic

problems. In general, the neutral tone of this set of materials prevailed, that is explained by the absolute dominance of short non-evaluative information messages in it. This is true for both national and regional publications. At the same time, materials of a negative tone prevail over positive ones when it comes to Russia. A difference was found in the intensity of negative coverage of Russia in national and regional online sources in the UK. The most rigid position is taken by national British sources. Among the regional ones, the negative focus on online resources in England is greater, and sources in Scotland and Northern Ireland show the least negative tone.

Keywords: Russia, United Kingdom, representation of Russia, British online resources, British media, agenda theory, sentiment analysis, tone of the text

Acknowledgements and Funding. The work was carried out within the framework of the research project “Media Dynamics in the global online information space: media storms and long-term trends” at the Faculty of Creative Industries of the National Research University Higher School of Economics, Moscow, in 2023.

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 20, 2024; revised June 3, 2024; accepted June 22, 2024.

For citation: Sharikov, A.V. (2024). Representation of Russia in the British online sources in 2022. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 534–550. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-534-550>

Введение

Настоящая статья продолжает серию публикаций о представленности России в мировом информационном пространстве — проект, стартовавший в 2021 г. (Быстрицкий, Шариков, 2021; Шариков, 2021; Шариков, 2022; Шариков, 2023). На этот раз фокус внимания направлен на британские онлайн-СМИ образца 2022 г., когда Россия начала специальную военную операцию (СВО) на Украине.

Представленность нашей страны в британской прессе активно изучается российскими исследователями: за последние 25 лет вышло около 200 публикаций на эту тему. Здесь можно условно выделить, по меньшей мере, четыре направления. Первое связано с понятием «образ России» в социально-политическом аспекте, где акцент делается на модальность подачи материала (Будаев, 2007; Громыко, 2008; Желтухина, Парамонова, 2020; Красильникова, 2007; Постерняк, 2021 и др.). Второе направление — лингвистическое, в центре внимания находятся языковые средства, используемые для описания образа России (Зарубина, 2018; Карпухина, 2019; Ковязина и др., 2018; Кошкарлова, 2019 и др.). Третья группа публикаций рассматривает культурологические аспекты репрезентации России в британских СМИ (Пчелкина, 2015; Соколов, 2010; Ужегова, 1999 и др.). Наконец, четвертое направление связано с контекстом информационных войн (Коцюбинская, 2017; Кушнерук, 2018; Кушнерук, 2023, Тагильцева, 2018 и др.).

Наблюдается тенденция к расширению корпусной базы исследования — от анализа публикаций в отдельно взятой газете *The Independent* (Рассоха, 2006) до использования корпуса материалов из 18 периодиче-

ских изданий (Боева-Омелечко, Постерняк, 2021). В настоящем исследовании анализируемый корпус британских источников (онлайн-СМИ) расширяется до 416, что позволяет вести корректный статистический анализ не только на уровне лексических единиц и материалов в пределах одного издания или небольшого числа СМИ, но и на уровне подсчета количества изданий. Еще одна особенность настоящего исследования — введение в рассматриваемый корпус текстов материалов изданий регионов Великобритании: Англии, Северной Ирландии, Уэльса и Шотландии.

На протяжении многих лет Великобритания выступает одним из основных и наиболее жестких оппонентов России на международной арене. Начиная с 2008 г. и особенно после 2014 г., российско-британские отношения пришли к весьма плачевному состоянию. Это не могло не проявиться в публикациях британских СМИ. Возникает множество вопросов, в пределах статьи ограничимся тремя. Какое место занимала ранее и занимает теперь Россия в британских СМИ? Какова доминирующая тональность освещения ими событий в России в 2022 г.? Есть ли различия в представленности России в национальных и региональных СМИ Великобритании?

Методика

Для ответа на обозначенные вопросы в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) было проведено специальное исследование на основе мониторинговой системы Factiva: был получен доступ к базе данных текстовых материалов на большом количестве онлайн-ресурсов глобального интернета, в том числе в британских онлайн-источниках. При этом важно подчеркнуть, что сервис Factiva, принадлежащий компании Dow Jones, в наибольшей степени ориентирован на работу с источниками экономической и политической информации.

Анализ проведен в 2023 г. Были отобраны материалы за период с 1 января по 31 декабря 2022 г. (основной массив), к которым иногда добавлялись материалы других временных интервалов. Общее число доступных британских онлайн-ресурсов составило 416 (4,5 млн публикаций). Анализ велся, во-первых, по всему корпусу текстов; во-вторых, отдельно для национальных британских (59) и обобщенно для региональных (357) источников; в-третьих, отдельно для четырех регионов Великобритании (Англия — 246, Северная Ирландия — 31, Уэльс — 24, Шотландия — 56).

Для предварительного выявления особенностей тональности информационных материалов британских источников применялся сентимент-анализ с использованием системы Factiva. По всему корпусу текстов в 2022 г. абсолютно преобладало нейтральное освещение событий (99,2 %), что объясняется доминирующим количеством информационных сообщений в общем массиве анализируемых публикаций. При этом положи-

тельно окрашенные материалы составили 0,49 %, отрицательно окрашенные — 0,29 %. Для удобства анализа нами был введен вспомогательный параметр, названный «тональный баланс текстов», обозначенный литерой «В» — разность процентов положительно и отрицательно окрашенных материалов в заданном корпусе текстов. Таким образом, тональный баланс британских источников, содержащихся в базе мониторинговой системы Factiva в 2022 г., равен $0,49 \% - 0,29 \% = 0,20 \%$. Величина «В» положительна, значит, в заданном корпусе текстов положительно окрашенные материалы преобладают над отрицательно окрашенными.

Результаты и обсуждение

В Великобритании 2022 г. ознаменовался рядом важных внутриполитических и экономических событий. На фоне продолжавшейся эпидемии COVID-19 Великобритания дважды за год пережила правительственный кризис. В июле подало в отставку правительство Б. Джонсона. В сентябре его сменило правительство Э. Трасс, которое продержалось совсем недолго: в октябре было сформировано новое правительство под руководством Р. Сунака. В сентябре скончалась королева Великобритании Елизавета II. Ее преемником на троне Соединенного Королевства стал принц Чарльз, которого стали именовать королем Карлом III. Экономика Великобритании в 2022 г. испытывала сложности: резко выросли цены на энергоносители, рухнул фунт стерлингов по отношению к доллару США и евро, инфляция достигала двузначных значений в процентном выражении (до 11,1 % в октябре¹), понизился уровень жизни. Это привело к массовому недовольству населения, начались забастовки железнодорожников, сотрудников королевской почты, медсестер. Звучавшая в адрес властей критика привела к расследованию по поводу действий правительства во время эпидемии COVID-19. Затем началась эпидемия оспы обезьян. Страна явно чувствовала себя неблагополучно.

Как эти проблемы отразились в материалах британских СМИ? Запрос в мониторинговой системе Factiva позволил выявить основные тематические направления материалов британских источников в 2022 г. (в оригинальной классификации сервиса). Первая тройка выглядит следующим образом: «политические и общие новости» (11,6 % материалов); «отчетность перед комиссией по ценным бумагам» (10,6 %); «преступления/правосудие» (8,5 %). При этом тема «военные действия» в британских онлайн-источниках по итогам 2022 г. не вошла даже в двадцатку наиболее значимых — процент публикаций по ней составил 1,4 %. Подчеркнем, тема «военные действия» затрагивает не только российско-украинский конфликт: в мире в этот период были и другие военные столкновения.

¹ Инфляция в Великобритании в октябре ускорилась до 11,1 % // Интерфакс. 16 ноября 2022. <https://www.interfax.ru/business/872652>

Как было отмечено выше, в 2022 г. общий тональный баланс всех материалов британских источников, доступных с помощью базы данных Factiva, был положительным. Положительным тональный баланс был и в корпусе региональных источников Великобритании: в Англии +0,29 %, в Северной Ирландии +0,40 %, в Уэльсе +0,28 %, в Шотландии +0,19 %. Если выделить тематику, чаще всего освещаемую в позитивно окрашенном контексте с учетом специфики сервиса Factiva, то это сообщения о хороших экономических показателях в корпоративных и отраслевых новостях, открытие новых предприятий, организация новых рабочих мест и т. п. Негативно окрашенные новости чаще всего связаны с сообщениями о преступлениях, правосудии, правонарушениях, мошенничестве, санкциях и т. п.

Наблюдения за представленностью тех или иных географических объектов в корпусе источников некоторой страны приводят нас к ряду общих закономерностей, вытекающих из теории установления повестки дня (McCombs, Shaw, 1972; Shaw, McCombs, 2008; Guo et al., 2019). Отметим две из них. Первая: совокупно на онлайн-ресурсах данной страны больше всего материалов будет с ее упоминанием. Вторая: чем более значимы внешние государства для рассматриваемой страны, тем чаще о них будет писать ее пресса, тем больше материалов с их упоминанием будет размещаться на ее онлайн-ресурсах.

Мониторинговая система Factiva позволяет вести анализ текстов за довольно большой период времени. Поэтому было решено выявить динамику представленности России на британских онлайн-ресурсах с 2010 по 2022 г. (табл. 1). Приведено процентное количество материалов с упоминанием той или иной страны относительно всех материалов британских онлайн-источников соответствующего периода. Видно, что первое место в обоих случаях, как и ожидалось, занимает Великобритания. При этом процент материалов с ее собственным упоминанием вырос с 47,83 % в 2010 г. до 59,52 % в 2022 г. Это, вероятно, свидетельствует о возрастании внимания британских СМИ к внутренним проблемам страны.

Таблица 1

Страны, наиболее часто упоминавшиеся в британских онлайн-источниках в 2010 и 2022 гг.
(указан процент материалов с упоминанием стран в общем корпусе текстов британских ресурсов сервиса Factiva)

2010			2022		
1	Великобритания	47,83 %	1	Великобритания	59,52 %
2	США	5,67 %	2	США	5,52 %
3	Ирландия	2,49 %	3	Украина	3,51 %
4	Китай	1,22 %	4	Россия	3,18 %
5	Франция	0,98 %	5	Ирландия	1,21 %
6	Германия	0,79 %	6	Китай	1,14 %
7	Индия	0,68 %	7	Австралия	1,13 %
8	Афганистан	0,63 %	8	Франция	0,85 %
9	Австралия	0,55 %	9	Япония	0,61 %
10	Россия	0,52 %	10	Испания	0,56 %

Источник: составлено автором.

Table 1

Countries most frequently mentioned in UK online sources in 2010 and 2022
(the percentage of materials with mentioning countries in the total corpus of texts
of British resources of Factiva service)

2010			2022		
1	the United Kingdom	47.83 %	1	the United Kingdom	59.52 %
2	the United States	5.67 %	2	the United States	5.52 %
3	Ireland	2.49 %	3	Ukraine	3.51 %
4	China	1.22 %	4	Russia	3.18 %
5	France	0.98 %	5	Ireland	1.21 %
6	Germany	0.79 %	6	China	1.14 %
7	India	0.68 %	7	Australia	1.13 %
8	Afghanistan	0.63 %	8	France	0.85 %
9	Australia	0.55 %	9	Japan	0.61 %
10	Russia	0.52 %	10	Spain	0.56 %

Source: compiled by the author.

Среди зарубежных государств наибольшую значимость для британской прессы имеют Соединенные Штаты Америки, что сохраняется на протяжении многих лет. Из первой десятки в 2022 г. ушла Германия, которая расположилась лишь на двенадцатом месте: для британских СМИ она оказалась не так важна и интересна, как, например, Украина и Россия.

Россия в 2010 г. занимала десятое место и упоминалась лишь в 0,52 % материалов. В 2022 г. она поднялась на четвертую позицию и упоминалась в 3,18 % всех публикаций. Отсюда следует, что значимость России для британских источников существенно возросла. Причина – СВО России на Украине, начавшаяся 24 февраля 2022 г. Это вызвало настоящий медиашторм в мировой прессе, в том числе в Великобритании. Заметим, что в данном случае значимость России для британских источников не тождественна их позитивному отношению к ней.

24 февраля 2022 г. началась специальная военная операция. Процент материалов с упоминанием России в британских источниках днем ранее, 23 февраля, составлял 6,3 %, а в день начала СВО – примерно вдвое больше (12,7 %). В течение еще трех дней рост продолжился, пока 27 февраля не достиг своего пика в 17,6 %. Такое быстрое нарастание количества публикаций, связанных с определенным объектом (в данном случае, Россией), называют медиаштормом (Бойдстан и др., 2023; Шариков, 2021; Шариков, 2022). Следовательно, СВО вызвало медиашторм в британских СМИ, который продолжался с конца февраля до конца марта 2022 г., постепенно затухая. Отметим также, что медиашторм, связанный с СВО, наблюдался не только в британских источниках – он носил глобальный характер, а его пик в мировом масштабе пришелся на 24 февраля и соста-

вил 25,4 %, что заметно выше британского показателя. Наиболее сильная реакция на это событие наблюдалась в соседних с Россией европейских странах (Шариков, 2022).

На первый взгляд, британские СМИ должны были уделять основное внимание военным действиям. Однако 24 февраля 2022 г., по данным мониторинговой системы Factiva, среди 2 058 материалов британских онлайн-источников, где так или иначе упоминалась Россия, тройка наиболее часто встречающихся тематических направлений выглядела следующим образом: «политические и общие новости» (54,6 %), «исполнительная власть» (43,8 %), «военные действия» (32,7 %). Таким образом, собственно военные действия России на территории Украины были довольно значимой темой, но не были ведущим тематическим направлением. В центре внимания британских СМИ были политические аспекты происходящего, как внешние, так и внутренние, а также их освещение в СМИ.

Британские источники сразу заняли консолидированную антироссийскую позицию в освещении СВО, основные черты которой можно описать следующими тезисами:

- Россия напала на Украину. Россия — агрессор.
- Война носит полномасштабный характер. Это масштабы, которых Европа не знала со времен Второй мировой войны.
- Россия нарушает международные нормы.
- Вторжение России на Украину создает угрозу Третьей мировой войны, где неизбежно будет применено ядерное оружие.
- Война на Украине провоцирует рост цен на энергоносители в мире.
- Все британские компании, ведущие бизнес в России, должны прекратить любые отношения с ней.
- Россия — виновница и должна понести наказание через санкции и изоляцию.
- Запад должен помогать Украине деньгами, оружием, всеми другими способами, но так, чтобы не ввязаться в войну с Россией.

Таким образом, образ России рисуется крупными мазками и для британского обывателя выглядит примерно так: Россия — агрессивная, кровожадная страна, которая напала на несчастную Украину. Украина — невинная жертва. Россию надо заклеить, изолировать и обложить санкциями, и она должна проиграть войну. При этом британские источники не пишут о предыстории и причинах СВО. В их публикациях не отражена связь действий России с атаками украинской армии на города Донбасса, с нарушениями украинскими властями Минских соглашений, притеснением русскоязычного населения Украины и другими фактами. Так, 24 февраля 2022 г. в базе данных Factiva в корпусе британских

онлайн-источников было обнаружено 2 058 текстов с упоминанием России и лишь 26 – с упоминанием Донбасса, т. е. 1,3 %. Это означает, что британскими СМИ практически игнорировали связь «Россия – Донбасс».

Из сказанного следует, что в целом корпус материалов с упоминанием России в британских онлайн-источниках должен иметь негативный тональный баланс. Для проверки данной гипотезы был проведен сентимент-анализ на базе данных Factiva. Гипотеза подтвердилась. Оказалось, что как в целом по стране, так и в ее четырех регионах все приведенные значения тонального баланса отрицательные – СМИ Великобритании придерживались единой установки на негативное освещение событий, связанных с Россией. Сильнее всего негатив был выражен в национальных онлайн-источниках: средний за 2022 г. тональный баланс был равен $-1,27$ %. Среди регионов наблюдалось меньше негатива. Так, на онлайн-ресурсах Шотландии среднегодовой тональный баланс составил $-0,42$ %, а в Северной Ирландии $-0,43$ %. Наиболее сильное смещение в негативную тональность среди регионов наблюдалось в Англии ($-0,81$ %). В Уэльсе данный показатель оказался равным $-0,57$ %. Напомним, что в целом на британских онлайн-ресурсах позитивно окрашенные сообщения преобладали над негативными как на национальном, так и на региональном уровнях.

Рассмотрим теперь, какие британские онлайн-ресурсы чаще других публиковали материалы с упоминанием России в 2022 г. Для этой цели на базе данных Factiva был проведен количественный анализ. Были определены источники на английском языке, где имеется больше всего публикаций с упоминанием России в абсолютном выражении. Десять из них приведены в табл. 2. В ней содержатся девять онлайн-ресурсов национального уровня и один – регионального. Лидером оказалась онлайн-версия издания *Financial Times*, где обнаружено 14 397 публикаций с упоминанием России (в среднем 39 в сутки). Кроме нее в первую тройку вошли также онлайн-версии *The Independent* (13 129) и *The Times* (12 869). Из региональных изданий в десятке оказалось издание *Lurgan Mail* из Северной Ирландии.

Отметим, что среди выделенной десятки *Financial Times* отличается наиболее сильное тональное смещение материалов, как в негатив ($4,1$ %), так и в позитив ($0,6$ %), а также наиболее сильный негативный тональный баланс ($-3,5$ %).

Если рассмотреть процентные величины упоминания России, которые дают представление об онлайн-источниках, где наиболее велика концентрация материалов с упоминанием России, то выделяется портал BBC ($30,5$ %) и в особенности составляющий его ресурс *BBC Monitoring Former Soviet Union*, где $99,9$ % материалов так или иначе затрагивают нашу страну.

Таблица 2

**Десятка британских онлайн-ресурсов, чаще всего публиковавших материалы
с упоминанием России в 2022 г. на английском языке
(по данным сервиса Factiva)**

	Источник	Количество материалов с упоминанием России	Доля от всех текстов издания, %	Доля в позитивном контексте, %	Доля в негативном контексте, %	Тональный баланс, %
1	Financial Times	14 397	10,4	0,6	4,1	–3,5
2	The Independent	13 129	6,7	0,1	0,9	–0,8
3	The Times	12 869	6,0	0,5	1,7	–1,2
4	express.co.uk	12 732	9,7	0,1	1,7	–1,6
5	Daily Mail	12 678	3,9	0,2	1,0	–0,8
6	BBC (тексты на сайте)	11 258	30,5	0,0	1,0	–1,0
7	The Telegraph	9 418	8,4	0,2	1,3	–1,1
8	The Guardian	4 845	8,0	0,3	2,8	–2,5
9	Mirror.co.uk	3 983	4,5	0,1	0,6	–0,5
10	Lurgan Mail (Северная Ирландия)	3 623	1,1	0	0	0

Источник: составлено автором.

Table 2

**Ten British online resources that most often published materials mentioning
Russia in 2022 in English
(according to the Factiva service)**

	Source	Number of materials mentioning Russia	A share of all publication texts, %	A share of positive context, %	A share of negative context, %	Tonal balance, %
1	Financial Times	14 397	10.4	0.6	4.1	–3.5
2	The Independent	13 129	6.7	0.1	0.9	–0.8
3	The Times	12 869	6.0	0.5	1.7	–1.2
4	express.co.uk	12 732	9.7	0.1	1.7	–1.6
5	Daily Mail	12 678	3.9	0.2	1.0	–0.8
6	BBC (texts on the website)	11 258	30.5	0.0	1.0	–1.0
7	The Telegraph	9 418	8.4	0.2	1.3	–1.1
8	The Guardian	4 845	8.0	0.3	2.8	–2.5
9	Mirror.co.uk	3 983	4.5	0.1	0.6	–0.5
10	Lurgan Mail (Northern Ireland)	3 623	1.1	0	0	0

Source: compiled by the author.

Британские региональные онлайн-издания, чаще всего публиковавшие материалы с упоминанием России в 2022 г. на английском языке, по три издания от каждого из четырех регионов Великобритании –

Англии, Северной Ирландии, Уэльса и Шотландии (по данным сервиса Factiva) приведены в табл. 3.

Среди онлайн-изданий Англии лидером оказался сайт лондонской радиостанции City AM Online, на котором в течение 2022 г. было размещено 1485 текстовых материалов с упоминанием России, что составило 8,8 % от всех текстовых материалов данного сайта. Снова мы видим общую тенденцию преобладания негативной тональности материалов, так или иначе связанных с Россией.

Среди онлайн-ресурсов Северной Ирландии наиболее часто Россия упоминалась, как мы видели выше, на сайте Lurgan Mail, издания, в котором в течение 2022 г. зафиксировано 3 623 публикации с упоминанием России (1,1 %). В отличие от источников национального уровня и источников Англии, лидирующие североирландские издания публикуют материалы с упоминанием России в подчеркнуто нейтральной тональности: тональный баланс всех трех изданий равен нулю.

Таблица 3

Британские региональные онлайн-ресурсы, чаще всего публиковавшие материалы с упоминанием России в 2022 г. на английском языке (по данным сервиса Factiva)

	Источник	Количество материалов с упоминанием России	в % от всех текстов издания	% в позитивном контексте	% в негативном контексте	тональный баланс
Англия						
1	City AM Online (тексты)	1 485	8,8 %	0,9 %	4,5 %	–3,6 %
2	Evening Standard	851	6,1 %	0,1 %	0,2 %	–0,1 %
3	Yorkshire Post	704	2,4 %	0,1 %	1,3 %	–1,2 %
Северная Ирландия						
1	Lurgan Mail	3 623	1,1 %	0 %	0 %	0 %
2	Mid Ulster Mail	2 907	0,3 %	0 %	0 %	0 %
3	Londonderry Sentinel	1 245	0,3 %	0 %	0 %	0 %
Уэльс						
1	The Western Mail	729	3,7 %	0 %	1,1 %	–1,1 %
2	walesonline.co.uk	587	1,6 %	0 %	0,3 %	–0,3 %
3	Daily Post	335	2,3 %	0 %	0,9 %	–0,9 %
Шотландия						
1	thescottishsun.co.uk	2 464	2,3 %	0 %	0,4 %	–0,4 %
2	Scottish Daily Mail	1 779	4,3 %	0,1 %	0,3 %	–0,2 %
3	The Scotsman	1 080	3,7 %	0,1 %	1,4 %	–1,3 %

Источник: составлено автором.

Table 3

**British regional online resources that most often published materials mentioning
Russia in 2022 in English
(according to the Factiva service)**

	Source	Number of materials mentioning Russia	% of all publication texts	% in positive context	% in a negative context	tonal balance
England						
1	City AM Online (texts)	1 485	8.8 %	0.9 %	4.5 %	–3.6 %
2	Evening Standard	851	6.1 %	0.1 %	0.2 %	–0.1 %
3	Yorkshire Post	704	2.4 %	0.1 %	1.3 %	–1.2 %
Northern Ireland						
1	Lurgan Mail	3 623	1.1 %	0 %	0 %	0 %
2	Mid Ulster Mail	2 907	0.3 %	0 %	0 %	0 %
3	Londonderry Sentinel	1 245	0.3 %	0 %	0 %	0 %
Wales						
1	The Western Mail	729	3.7 %	0 %	1.1 %	–1.1 %
2	walesonline.co.uk	587	1.6 %	0 %	0.3 %	–0.3 %
3	Daily Post	335	2.3 %	0 %	0.9 %	–0.9 %
Scotland						
1	thescottishsun.co.uk	2 464	2.3 %	0 %	0.4 %	–0.4 %
2	Scottish Daily Mail	1 779	4.3 %	0.1%	0.3 %	–0.2 %
3	The Scotsman	1 080	3.7 %	0.1%	1.4 %	–1.3 %

Source: compiled by the author.

Из числа валлийских онлайн-источников, где в 2022 г. обнаружено наибольшее количество публикаций с упоминанием России на английском языке в системе Factiva, лидирует The Western Mail (729 публикаций, 3,7 %). Во всех трех изданиях наблюдается негативный тональный баланс.

Среди шотландских онлайн-ресурсов более всего материалов с упоминанием России зафиксировано на ресурсе thescottishsun.co.uk (2 464 публикации, 2,3 %). Все три издания демонстрируют преобладание негативной тональности над позитивной.

Данные, приведенные в таблице 3, подтверждают отмеченные выше тенденции. Более активно и в то же время жестко о России пишут национальные онлайн-источники Великобритании и издания Англии. В остальных регионах публикации более сдержанные, с тональным балансом, хотя чаще и отрицательным, но меньшим по абсолютной величине. При этом в источниках Северной Ирландии встречаются сбалансированные материалы с нулевым тональным балансом.

Выводы

В последние годы Россия входила в десятку стран, наиболее часто упоминаемых в британских СМИ, что свидетельствует о ее достаточно высокой значимости. В 2022 г. Россию стали упоминать значительно чаще, в результате чего она поднялась на четвертое место, уступая лишь самой Великобритании, а также США и Украине.

Британские СМИ в 2022 г. в большей степени были сосредоточены на освещении не военных аспектов СВО, а внутренних политических и экономических проблем Великобритании. В целом в британских СМИ тема «военные действия» (в классификации сервиса Factiva) занимала лишь 21-е место, а среди материалов с упоминанием России также была не на первом месте: лидировали «политические и общие новости», т. е. в центре внимания находились политические аспекты происходящего. В базе данных сервиса Factiva максимальное число такого рода материалов в абсолютном выражении обнаружено на онлайн-ресурсах Financial Times, The Independent и The Times.

В процессе исследования выявились некоторые особенности проявления тональности текстов в материалах британских источников. По всему корпусу текстов в 2022 г. абсолютно преобладало нейтральное освещение событий (99,2 %) из-за абсолютного доминирования коротких безоценочных информационных сообщений. В целом британским медиа был присущ небольшой положительный баланс тональности текстов (+0,20 %) – материалы позитивной тональности количественно преобладают над материалами негативной тональности. Это справедливо как для национальных, так и для региональных изданий. Однако, когда речь заходит о России, процент материалов нейтральной тональности снижается, а негативная тональность начинает преобладать над позитивной. В 2022 г. британские источники заняли консолидированную антироссийскую позицию. Одним предложением эта позиция могла бы быть выражена так: «Россия – это ужасная агрессивная страна, осуществившая военное вторжение на Украину, страна, которую надо наказать с помощью санкций и изоляции».

В целом, внимание к России чаще обнаруживают национальные издания, где среднее за сутки количество материалов с упоминанием нашей страны в 2022 г. составило 8,5. В региональных изданиях это число ниже – 0,35, т. е. публикации, так или иначе затрагивающие Россию, появлялись там примерно два раза в неделю. На региональном уровне наибольшее количество текстовых материалов с упоминанием России обнаружено в следующих изданиях: в Англии – на сайте радиостанции City AM Online; в Северной Ирландии – Lurgan Mail; в Уэльсе – The Western Mail; в Шотландии – thescottishsun.co.uk. Наблюдается различие в интенсивности негативного освещения России в национальных и региональных онлайн-источниках Великобритании. Наиболее жесткую позицию занимают

национальные британские источники. Среди региональных больше негативной направленности на онлайн-ресурсах Англии, а источники Шотландии и Северной Ирландии демонстрируют наименьшую негативную тональность.

Список литературы

- Боева-Омелечко Н.Б., Постерняк К.П. Трансформация образа-концепта России в британском политическом медиадискурсе: диахронический аспект // Имагология и компаративистика. 2021. № 16. С. 148–173.
- Бойдстан Э.Э., Харди Э., Уолгрейв С. Две стороны медиавнимания: сопоставление новостного освещения в условиях медиашторма и вне его // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2023. Т. 8. № 1. С. 156–194.
- Будаев Э.В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. Нижний Тагил: Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, 2007. 160 с.
- Быстрицкий А.Г., Шариков А.В. О представленности России в глобальном информационном онлайн-пространстве // Международная жизнь. 2021. № 2. С. 76–93.
- Громыко А.А. Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки. М.: Русский сувенир, 2008. 96 с.
- Желтухина М.Р., Парамонова Д.В. Образ России в эпоху коронавируса – вербальная американская, британская и испанская медиатрансляция // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 3. С. 22–32.
- Зарубина Н.Е. Роль оценочной лексики в формировании образа России в западных СМИ // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 2. С. 244–247.
- Карпущина Т.П. «Лексика вражды» как манипулятивный ресурс создания образа России в современной англоязычной прессе (в аспекте преподавания английского языка российским студентам) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1 (77). С. 212–222.
- Ковязина М.А., Ильющеня Т.А., Хабибуллина С.Б. Средства выражения отрицательной оценки при описании санкционной политики западных стран в отношении России и российских ответных санкций в текстах британских сетевых СМИ: корпусное исследование // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 61–67.
- Коцюбинская Л.В. Информационная атака – понятие и онтологические свойства // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 106–111.
- Кошкарлова Н.Н. Лингвопрагматические и жанрово-стилистические особенности репрезентации Чемпионата мира по футболу 2018 г. в британском медиадискурсе // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 3. С. 802–819.
- Красильникова Н.А. «В плену у русского медведя», или современная Россия в метафорах британских и американских СМИ // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21). С. 92–97.
- Кушнерук С.Л. Дискурсивный мир информационно-психологической войны в британских интернет-СМИ // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4 (15). С. 79–91.
- Кушнерук С.Л. Идеологическое миромоделирование в контексте информационно-психологической войны. М.: Флинта, 2023. 232 с.
- Постерняк К.П. Динамика вербализации образа-концепта «Россия» в британском медиадискурсе XX–XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Белгород, 2021. 183 с.

- Пчелкина Н.М. Образ России и русских через призму британской качественной прессы // Образование. Наука. Научные кадры. 2015. № 1. С. 283–288.
- Рассоха М.Н. Образ России в публицистическом дискурсе Великобритании (по материалам статей Independent) // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. № 1. http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php&aid=40
- Соколов В.М. Образ России в британской прессе начала 1990-х гг. (культурологический аспект) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 1 (107). С. 64–69.
- Тагильцева Ю.Р. Стратегии и тактики информационно-психологической войны в контексте российско-британских отношений // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4 (15). С. 92–104.
- Ужегова З.А. Образ «новой» России на Западе. По материалам американской и британской прессы: дис. ... канд. культурологии: 24.00.02. М., 1999. 228 с.
- Шариков А.В. Глобальное информационное онлайн-пространство в 2020 году: динамические характеристики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 445–463.
- Шариков А.В. Реакция глобального информационного онлайн-пространства на военную спецоперацию РФ на Украине: статистическая медиадинамика // Международная жизнь. 2022. № 4. С. 54–73.
- Шариков А.В. Репрезентация России и США в глобальном информационном онлайн-пространстве и на российских и американских ресурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. № 1. С. 108–121.
- Guo L., Tien Vu H., McCombs M. An expanded perspective on agenda-setting effects. Exploring the third level of agenda setting // Communication. Media. Design. 2019. Vol. 4. No. 1. P. 62–83.
- McCombs M., Shaw D.L. Agenda-setting function of mass media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. No. 2. P. 176–187.
- Shaw D.L., McCombs M. Agenda setting in the new media landscape: two perspectives and approaches to research. University of North Carolina at Chapel Hill, University of Texas at Austin, 2008. 13 p.

References

- Boeva-Omelechko, N.B., & Posternyak, K.P. (2021). Transformation of the image-concept of Russia in British political media discourse: a diachronic aspect. *Imagology and Comparative Studies*, 16, 148–173. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/24099554/16/10>
- Boydston, A.E., Hardy, A., & Walgrave, S. (2023). Two faces of media attention: media storm versus non-storm coverage. *Communications. Media. Design*, 8(1), 156–194. (In Russ.)
- Budaev, E.V. (2007). *Post-Soviet reality in the metaphors of the Russian and British press*. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute Publ. (In Russ.)
- Bystritsky, A.G., & Sharikov, A.V. (2021). Russia's representation in the global online information space. *International Affairs*, 2, 76–93. (In Russ.)
- Gromyko, A.A. (2008). *Images of Russia and Great Britain: reality and prejudices*. Moscow: Russian Souvenir. (In Russ.)
- Guo L., Tien Vu H., & McCombs M. (2019). An expanded perspective on agenda-setting effects. Exploring the third level of agenda setting. *Communication. Media. Design*, 4(1), 62–83.
- Karpukhina, T.P. (2019). Hate speech as a manipulative means of forming the inimical image of Russia in British and American mass-media (viewed from the aspect of the

- English language taught to Russian students). *Bulletin of Kemerovo State University*, 21(1), 212–222. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-212-222>
- Koshkarova, N.N. (2019). Linguistic, pragmatic, and stylistic peculiarities of 2018 FIFA World Cup representation in British media-discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 23(3), 802–819. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-802-819>
- Kotsyubinskaya, L.V. (2017). Information attack: definition and essential characteristics. *Political Linguistics*, 6(66), 106–111. (In Russ.)
- Kovyazina, M.A., Ilyushchenya, T.A., & Khabibullina, S.B. (2018). Negative evaluative language in description of anti-Russian sanctions policy and of Russian counter-sanctions in British online media discourse: a corpus research. *Political Linguistics*, 2(68), 61–67. (In Russ.)
- Krasilnikova, N.A. (2007). “Captives of Russian bear”: Russia today in UK & USA mass media. *Political Linguistics*, 1(21), 92–97. (In Russ.)
- Kushneruk, S.L. (2018). Discourse-world of information-psychological war in the British online media. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 4(15), 79–91. (In Russ.) <https://doi.org/10.17516/2311-3499-041>
- Kushneruk, S.L. (2023). *Ideological world modeling in the context of information and psychological warfare*. Moscow: Flinta. (In Russ.)
- McCombs, M., & Shaw, D.L. (1972). Agenda-setting function of mass media. *Public Opinion Quarterly*, 36(2), 176–187. <https://doi.org/10.1086/267990>
- Pchelkina, N.M. (2015). The image of Russia and Russians through the prism of the British quality press. *Education. Science. Scientific Personnel*, 1, 283–288. (In Russ.)
- Rassokha, M.N. (2006). The image of Russia in the journalistic discourse of Great Britain (based on materials from Independent articles). *New Russian humanitarian studies*, 1. (In Russ.)
- Sokolov, V.M. (2010). The image of Russia in the British press in the early 1990s. (cultural aspect). *Bulletin of Orenburg State University*, 1(107), 64–69. (In Russ.)
- Posternyak, K.P. (2021). *Dynamics of verbalization of the image-concept “Russia” in British media discourse of the 20th–21st centuries*. (Ph.D. Dissertation). Belgorod. (In Russ.)
- Sharikov, A.V. (2021). Global online media landscape 2020: dynamic characteristics. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2, 445–463. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1926>
- Sharikov, A.V. (2023). Representation of Russia and the USA in the global online information space and on Russian and American resources. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(1), 108–121. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-1-108-121>
- Sharikov, A.V. (2022). The reaction of the global online information space to the military special operation in Ukraine: statistical media dynamics. *International Affairs*, 4, 54–73. (In Russ.)
- Shaw, D., & McCombs, M. (2008). *Agenda setting in the new media landscape: two perspectives and approaches to research*. University of North Carolina at Chapel Hill, University of Texas at Austin.
- Tagiltseva, Yu.R. (2018). Strategies and tactics of the information-psychological war in the context of Russian-British relations. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 4(15), 92–104. (In Russ.) <http://doi.org/10.17516/2311-3499-041>
- Uzhegova, Z.A. (1999). *The image of the ‘new’ Russia in the West. Based on materials from the American and British press*. (Ph.D. Dissertation). Moscow. (In Russ.)
- Zarubina, N.E. (2018). The role of evaluative vocabulary in creating the image of Russia in the Western mass media. *Bulletin of Kostroma State University*, 24(2), 244–247. (In Russ.)

Zheltukhina, M.R., & Paramonova, D.V. (2020). Image of Russia in the Coronavirus era: verbal American, British, and Spanish media broadcast. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3, 22–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-3-22-32>

Сведения об авторе:

Шариков Александр Вячеславович, кандидат педагогических наук, профессор Института медиа, факультет креативных индустрий, научный руководитель образовательной программы «Медиаменеджмент», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0001-6035-5960. E-mail: asharikov@hse.ru

Bio note:

Alexander V. Sharikov, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor at the Institute of Media, Communications, Media and Design Department, scientific supervisor of the program “Media Management”, National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6035-5960. E-mail: asharikov@hse.ru

НОВЫЕ МЕДИА

NEW MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-551-563

EDN: GDAVNH

УДК 070.1

Научная статья / Research article

Философская журналистика в новых медиа

М.В. Яковлев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация*

✉ yakovlevmv@my.msu.ru

Аннотация. В ответ на повышение просветительской роли медиа и нарастание общественного запроса на познавательные материалы, автор исследует интернет-ресурсы, посвященные философии, в том числе авторские каналы в мессенджерах. Сформулировано понятие современной философской журналистики, выявлено своеобразие контента русскоязычных и англоязычных медиа, позиционирующих себя в рамках философии. Сделан вывод об их особенностях в методах работы и целеполагании. Сравнительный контент-анализ выпусков десяти медийных проектов обнаружил два стратегических направления в развитии экранной философской журналистики. Первое – учебно-развлекательное, тяготеющее к выполнению двух базовых функций журналистики: обучение и развлечение. Второе – научно-публицистическое, которое преимущественно выполняет воспитательную и информационную функции СМИ (обучающую – в меньшей степени). Для первого направления характерно интенсивное использование мультимедийных компонентов, ориентация на изложение основ учений и разъяснение базовых философских концептов, игнорирование актуальной повестки. Второе направление использует информационные поводы, в философских выпусках есть связь с вопросами текущей повестки, акцент ставится на развитии аудиоподкастов и лонгридов. Российским журналистам, которые связаны с философской проблематикой, предлагается расширить свой вклад в развитие философской журналистики на цифровых ресурсах, приблизить их к стандартам качественных изданий и повысить эффективность информационно-публицистической работы.

Ключевые слова: новые медиа, просветительская функция СМИ, качественные медиа, философия и журналистика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Яковлев М.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 10 марта 2024 г.; отрецензирована 3 апреля 2024 г.; принята к публикации 20 июня 2024 г.

Для цитирования: Яковлев М.В. Философская журналистики в новых медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 551–563. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-551-563>

Philosophical journalism in new media

Maksim V. Yakovlev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ yakovlevmv@my.msu.ru

Abstract. In response to the increasing educational role of the media and the growing public demand for educational materials, the author examines Internet resources dedicated to philosophy, including author channels in instant messengers. The concept of modern philosophical journalism is formulated, the uniqueness of the content of Russian and English-language media positioning themselves within the framework of philosophy is revealed. A conclusion is drawn about their peculiarities in working methods and objectives. A comparative content analysis of the publications of ten media projects revealed two strategic directions in the development of philosophical journalism on screen. The first is educational and entertaining, which tends to fulfill two basic functions of journalism: education and entertainment. The second one is scientific and journalistic, which mainly fulfills the educational and informational functions of the media (to a lesser extent the educational function). The first direction is characterized by the intensive use of multimedia components, a focus on presenting the foundations of teachings and explaining basic philosophical concepts, ignoring the current agenda. The second direction uses information opportunities, in philosophical issues there is a connection with the issues of the current agenda, an emphasis on the development of audio podcasts and longreads. Russian journalists connected with philosophical issues are invited to expand their contribution to the development of philosophical journalism on digital resources, bringing them closer to the standards of high-quality publications and increasing the effectiveness of information and journalistic work.

Keywords: new media, educational function of media, quality media, philosophy and journalism

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted March 10, 2024; revised April 3, 2024; accepted June 20, 2024.

For citation: Yakovlev, M.V. (2024). Philosophical journalism in new media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 551–563. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-551-563>

Введение

Нарастающая турбулентность и крупные потрясения разрушают привычную картину мира, раскалывают общество, порождают в людях тревогу и беспокойство, возникает естественное желание больше узнать о при-

чинах, особенностях, последствиях переживаемых перемен: зрители, слушатели, читатели все чаще и чаще обращаются к проблемам смысла жизни и ее ценности. В этих обстоятельствах многократно усиливается роль медиа в интеграции, адаптации и просвещении массовой аудитории. Такая деятельность, пожалуй, наиболее полно может осуществляться в рамках философской журналистики, так как именно она обладает необходимым интеллектуальным потенциалом и эффективными средствами информационно-коммуникационной работы. Особая роль принадлежит новым медиа, в которых совмещаются многовековой опыт «властительницы дум» прессы и культурно-технологические новации киберэпохи. Число таких медиа растет и за рубежом, и в России, как и количество подписчиков, их влияние и вес увеличиваются, одновременно укрепляет свои позиции и философская журналистика. Однако в России эти значимые явления и тенденции остаются малоизученными.

В отечественной литературе отсутствует признанная в научном сообществе дефиниция философской журналистики. На основе данных представленного ниже исследования автор предлагает свое определение. Философская журналистика — это создание и распространение актуальной, достоверной, общественно значимой информации, которая разъясняет фундаментальные вопросы человеческого бытия и окружающего мира, которая наполнена обоснованными абстракциями (идеями, ценностями, смыслами, понятиями, концепциями, гипотезами).

Обзор литературы

За рубежом проблематика философской журналистики обсуждается довольно широко, в основном, в англо- и франкоязычных странах. Американские исследователи Т. Бошамп, С. Клайдман, Ф. Майер, Д. Хальберстам показали роль философии для более глубокого понимания журналистами актуальных общественно значимых противоречий, раскрыли философские аспекты теории (особенно ее этического раздела) и практики журналистской деятельности. Они дали варианты ответов на классические концептуальные вопросы журналистики о фактах, цензуре, свободе слова, неприкосновенности частной жизни, объективности и достоверности, о профессиональной ответственности, отношениях с властью (*Philosophical issues in journalism*, 1992). Трудности и перспективы взаимодействия между философами и журналистами обсудил К. Гудман, обосновав необходимость преодоления взаимного недоверия и помощи друг другу в решении насущных задач (*Goodman*, 1989). Л. Пэнто охарактеризовал историю развития и предметное поле философской журналистики во Франции во второй половине XX в. (Пэнто, 1996). Условия эффективной работы философов в медиа в соответствии с правилами практической журналистики рассмотрел Г. Вильнев (*Villeneuve*, 2015).

В отечественной науке немногие исследователи уделяют внимание собственно философской журналистике. Поиск подобных научных публикаций в российской электронной библиотеке *Elibrary* за последние семь лет приводит лишь к трем материалам.

В статьях «Философия и журналистика: концепт событийного» (Быстров, Соколов, 2017) и «Философия и журналистика: пролегмоны к философской концепции события» (Быстров, Осипов, 2018) определяется потенциал философии для совершенствования медийных дискурсивных практик, сделан вывод о том, что в основе связи дискурсивных практик философии и журналистики может находиться концепт события. В 2017 г. в Санкт-Петербурге вышел сборник «Отечественная философская журналистика. История и современность» (Отечественная философская журналистика..., 2017). В нем опубликованы материалы участников одноименного Круглого стола в рамках Международного научно-культурного форума «Дни философии в Санкт-Петербурге». Авторы, сосредоточившись на периоде, почти совпадающем со временем гражданской войны в России, проанализировали специфику философской журналистики на этапе социально-политической трансформации. Они исследовали вклад П.А. Кропоткина и М.М. Ковалевского в журналистику, показали, как ставился вопрос о философии права в отечественных СМИ (на материалах издававшегося в Московском университете журнала «Вопросы философии и психологии»).

При этом следует подчеркнуть, что публикации по теории и практике новых медиа широко представлены в научном дискурсе, в них цифровые СМИ исследованы обстоятельно и с разных позиций (напр., Бодрунова, 2023; Водопетов, Махмуд, 2022; Градюшко, 2022; Поляков, 2022; Экосистема медиа..., 2021; Вырковский, Колесниченко, 2020; Волкова, Лазутова, 2017; Howard, 2006). Отмечу, что философская проблематика прежде не изучалась на примере современных цифровых ресурсов, которые занимаются философией и развивают философскую журналистику¹.

Методология исследования

Для выявления особенностей, проблем и перспектив философской журналистики с января 2022 г. по декабрь 2023 г. проведено исследование с применением метода контент-анализа с последующим сравнением результатов. Цель — обозначить в научном дискурсе первое приближение к предмету (философская журналистика в эпоху цифровизации) и начать аналитическое рассмотрение интернет-ресурсов, специализирующихся на философии. Дальнейшие выводы, в ситуации первого приближения,

¹ Автор статьи ввел эту тему в исследовательское поле медиакommunikаций на Международной конференции, проводившейся на факультете журналистики МГУ (Яковлев, 2024).

касаются наиболее интенсивно выраженной специфики и нуждаются в дальнейшем в уточнении и проверке.

Для достижения цели автором поставлены следующие исследовательские вопросы. Какими особенностями обладает современная философская журналистика в России? В чем заключается своеобразие формы и содержания российских новых медиа, выполняющих задачи философской журналистики? Что составляет контент философских новых медиа, отражает ли он наиболее актуальные и важные проблемы и сюжеты российской социальной реальности? Для выявления общих тенденций автором были задействованы не только российские, но и иностранные интернет-ресурсы.

Всего изучено 349 материалов (аудио- и видеопрограммы, подкасты и другие экранные материалы в различных форматах), российских и англоязычных (Великобритания и США), размещенных на следующих интернет-ресурсах, в том числе видеохостингах, порталах и мессенджерах:

- *HiSocrates* (90 статей специалистов по философии, Россия);
- *Insolarance Cult* (63 статьи из раздела «Философия», Россия);
- *LS Philosophy* (40 видеоподкастов философа Андрея Лемана, Россия);
- «Дмитрий Волков. Неискусственный интеллект» (22 видеоподкаста, беседы в студии с преподавателями философии, Россия);
- *Elucidations* (9 подкастов, беседы преподавателя Чикагского университета Мэта Тейкмана с философами, США);
- *The Badlands* (7 лонгридов и 15 аудиоподкастов, подготовленных с участием философов, США);
- *The Public Philosopher* (17 аудиолекций профессора Майкла Сэндела, прочитанных в Вашингтонском университете, Великобритания — США);
- *Philosophize this!* (19 аудиоподкастов доктора философии Стивена Уэста, США);
- *Andrii Baumeister* (43 видеоподкаста философа Андрея Баумейстера, Украина);
- *IPPL-The Institute for Philosophy in Public Life* (24 аудиоподкаста, беседы журналиста Эшли Торнберга с философом Джеком Расселом Вайнштейном, США).

Выборка сделана по следующим параметрам: не менее 1000 подписчиков, активность в настоящем времени, периодичность — не реже одного раза в месяц, четко обозначенная философская направленность.

Единица качественного контент-анализа: тема текста/подкаста, позволяющая вычлениить «обоснованную абстракцию», лежащую в основе сюжета. Единицы количественного контент-анализа: форма материалов (текст, аудио, видео), анимация, инфографика, иллюстрации, выносные цитаты (мультимедийные элементы учитываются каждый в отдельности).

В выборке содержатся мультимедийные проекты — подкасты и тексты (лонгриды), в которых максимально проявлена философская ориентация. Одно из существенных ограничений состоит в том, что лишь материалы *IPPL* и *The Public Philosopher* подготовлены профессиональными журналистами, остальные — преподавателями, философами, блогерами. Может возникнуть вопрос о целесообразности соединения этих материалов в рамках философской журналистики. Ответ дает сама история, которая распорядилась так, что с момента своего зарождения в США, Франции, России философская журналистика представляла собой пространство тесного (весьма трудного и противоречивого) взаимодействия профессионалов из разных сфер: сначала из философии и журналистики, позднее других.

Такая особенность изначально придала этому направлению открытый интегративный характер и стала преимуществом, обеспечив расширение и обновление за счет постоянного привлечения новых авторов. Немаловажно и то, что в последнее время, особенно в новых медиа, наблюдается размывание границ между цехом профессиональных журналистов и когортой энтузиастов информационной работы. Кроме того, ширятся ряды гражданских журналистов и медиаактивистов. Поэтому совмещение в одном исследовании текстов и подкастов, выполненных как журналистами, так и другими коммуникаторами, вполне в духе философской журналистики, сочетающей усилия всех, кто нацелен на осмысление ценностей и смыслов, а также на распространение результатов рефлексии посредством новых медиа в целях общественного развития.

Результаты и обсуждение

Выделив предварительно пять видов мультимедийного контента (анимация, инфографика, иллюстрации, выносные цитаты, титул/отбивка), мы последовательно рассмотрели 349 материалов (единиц контента) на десяти обозначенных выше ресурсах, затем определили среднее значение в единице контента на каждом ресурсе.

1. Анимация. Отсутствует.

2. Инфографика. Есть: *LS Philosophy*, «Дмитрий Волков. Неискусственный интеллект»

3. Иллюстрации. Есть: *HiSocrates*, *Insolarance Cult*, *LS Philosophy*, «Дмитрий Волков. Неискусственный интеллект», *Elucidations*

4. Выносные цитаты. Есть: *HiSocrates*, *Insolarance Cult*, *LS Philosophy*, «Дмитрий Волков. Неискусственный интеллект»

5. Титул/отбивка. Есть: «Дмитрий Волков. Неискусственный интеллект», *Elucidations*, *The Badlands*, *IPPL*

Больше всего мультимедийных элементов в условной единице контента — 20 — содержит русскоязычный канал *LS Philosophy*. Остальные

данные таковы: «Дмитрий Волков. Неискусственный интеллект» — 10, *Insolance Cult* — 7, *HiSocrates* — 4, *Elucidations* — 2, *IPPL* — 2, *The Badlands* — 1, *The Public Philosopher*, *Andrii Baumeister*, *The Public Philosopher* — 0.

Количественный контент-анализ показывает, что русскоязычные авторы предпочитают насыщенные мультимедийными элементами текстовые и видеоматериалы, а иностранные — более сдержанные в оформлении аудиоподкасты.

На первый взгляд, представленные данные могут свидетельствовать о более высоком технологическом уровне отечественных проектов, на чем фоне иностранные тексты с одной иллюстрацией и аудиоподкасты, половина которых не имеют даже титула и отбивки, выглядят слишком аскетично. Однако объяснение, скорее всего, иное: оно касается специфики самих материалов философской журналистики и подхода к их созданию у зарубежных авторов.

Например, *The Public Philosopher* делается специалистами BBC, и эту корпорацию вряд ли можно заподозрить в отсталости; нельзя также сказать, что материалы этого медиа слабы и не достигают цели. Аналогичным образом дело обстоит с продукцией *IPPL*. Иной путь избрали россияне, многие из которых, особенно обладающие соответствующими техническими и программными средствами, стремятся использовать все имеющиеся мультимедийные возможности и все доступные каналы восприятия. Для разъяснения этого контраста необходимо обратиться к качественному анализу.

Общее и предварительное рассмотрение тем и содержания позволяет заключить, что в подавляющем большинстве статей, лонгридов и подкастов российских ресурсов популяризируются *классические* философские понятия и концепции, а результаты собственных изысканий представляются менее чем в четвертой части выборки. Например, стоицизму посвящен почти часовой подкаст от 29.11.2022 г. (в виде лекции) на канале *LS Philosophy*. Публикация на *HiSocrates* от 21.09.2022 г. — это обзор имеющихся философских представлений о судьбе и свободе. Схожий контент преобладает в других отечественных новых медиа. В подборе тем не просматривается системность и связность, а, скорее, хаотичность и фрагментарность; кажется, что авторы действуют произвольно, не следуют определенной редакционной политике. На это указывает, в частности, то, что почти не привлекаются информационные поводы. Если же обсуждается нечто, находящееся на пике популярности, выпуски только выигрывают. Например, 28.01.2023 г. на видеохостинге в рамках проекта «Дмитрий Волков. Неискусственный интеллект» вышел актуальный видеоподкаст о возможностях искусственных нейросетей «ChatGPT. Мощь и немощь искусственного интеллекта».

Аудитория российских философских новых медиа имеет дело, в основном, с темами, отвлеченными от крупнейших социальных событий и от повседневной жизни, отдается предпочтение материалам, похожим на

учебные. Иными словами, здесь отвлекаются от насущных забот (развлекаются) или обучаются. В таких случаях использование многочисленных и разнообразных мультимедийных элементов оказывается уместным и даже необходимым условием. По российским проектам вряд ли можно составить представление о наиболее актуальных и востребованных российской общественностью философских вопросах и темах, о духе времени, отраженном в отечественной философской мысли. Так называемые материалы на злобу дня единичны: например, текст от 30.03.2023 г., размещенный на *HiSocrates* под названием «Я потерял смысл жизни: ради чего продолжать жить в кризисный период?» и подзаголовком «В трудные времена мы особенно остро нуждаемся в опорах и ориентирах. И чаще всего такой опорой являются наши ценности и смысл». Неясно, как философия реагирует сегодня на наиболее важные проблемы российского общества, какие решения предлагает, как отвечает на запросы аудитории, на информацию философского характера. Видимо, эти обстоятельства являются отражением непростых процессов, происходящих в российской философии и нашей стране в целом.

Заметно отличаются темы и содержание материалов зарубежных философских новых медиа. Более чем в половине случаев их материалы подготовлены как философский ответ и размышление по поводу крупного общественно значимого события и по вопросам актуальной повестки, что хорошо иллюстрирует контент *IPPL* и *The Badlands*. Например, одна из последних публикаций *The Badlands* посвящена философско-правовому осмыслению решения Верховного суда США по делу «Босток против округа Клейтон», в другой статье рассматривается сегодняшняя журналистика и роль в ней философии. Участники программ *IPPL* исследуют идейные причины сопротивления вакцинации в период COVID-19 (24.05.2021); обсуждают стресс, возникающий накануне новогодних отпусков, и предлагают способы самоконтроля (28.12.2021); осмысливают моральные дилеммы СВО на Украине (25.02.2022); ищут философские основания Хеллоуина по случаю этого праздника (31.10.2022); изучают феномен академической свободы в связи с увольнением профессора истории искусств университета Хэмлайн за демонстрацию картины с изображением пророка Мухаммеда (25.01.2023).

На канале *Andrii Baumeister* в 2022 г. увеличилось количество выпусков по актуальным поводам: 6 февраля 2022 г. по мотивам статьи в журнале *Der Spiegel* вышел подкаст, в котором рассматривались негативные тенденции в сфере использования социальных сетей. Русскоязычный канал *Andrii Baumeister* стоит особняком среди зарубежных источников, так как его стиль и манера схожи с подобными российскими проектами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сдержанность иностранных каналов в использовании арсенала мультимедийных средств обусловлена высоким уровнем серьезности и общественной значимости

поднимаемых тем, затрагивающих многих граждан, остротой и злободневностью материала, требующего максимальной сосредоточенности и погружения. И здесь оптимальными являются именно тексты и аудиоподкасты с минимумом мультимедийных элементов, что позволяет избежать рисков рассеянного восприятия, прерывания мыслительной работы. Преимущественный выбор звуковой формы оправдан: функционала вполне достаточно для решения информационно-коммуникационных задач, видео в данном случае кажется избыточным. Возможности выбранного формата реализуются авторами в полной мере посредством коротких реплик в диалогах, расстановке акцентов и динамичного темпоритма монолога. Поэтому кажущийся на первый взгляд большим хронометраж (от 25 до 50 мин) прослушивается вполне комфортно, кроме того, он позволяет развернуто представить философские темы.

Следует отметить, что в большей части материалов выражается установка на независимость суждений и мотивы интеллектуальной оппозиции, противостояния действующей власти. Журналисты и философы осознанно стремятся к всестороннему и комплексному критическому рассмотрению совокупности явлений общественной и государственной жизни и желают внести собственный вклад в позитивные изменения и решение назревших проблем. Видное место занимают элементы исследовательской журналистики, позволяющей раскрыть подоплеку и разоблачить злоупотребления корпораций, лидеров мнений, правительства в аспектах, касающихся социальной справедливости и подотчетности.

Выводы

Оперативное сообщение о фактах, пусть и во всех деталях, далеко не всегда способно завершить дело информирования: для полноты и достоверности в журналистской деятельности необходимо прибегнуть к размышлениям и рассуждениям, что особенно актуально в эпоху постправды и инфодемии. В связи с этим все более востребованной становится философская журналистика на ресурсах новых медиа.

Главные жанры современной философской журналистики — статья (лонгрид), очерк, интервью-беседа. Философская журналистика близка просветительской, нацеленной на совершенствование общественных нравов, в то время как аналитическая журналистика делает ставку на обобщение конкретных явлений, выявление закономерностей в полученной фактуре, их интерпретацию; журналистика социальной ответственности содействует обмену мнениями, достижению консенсуса и общих интересов; гражданская журналистика вовлекает в процесс информирования и решения насущных проблем всех заинтересованных лиц; «медленная» журналистика, создающая доверие, фокусируется на глубине и качестве материала, требует сосредоточенности.

Предметом философской журналистики являются не конкретные события, факты, действия (хотя они могут выступать информационными поводами), а идеи, ценности, смыслы, имеющие большую социальную значимость, связанные с актуальной повесткой дня (желательно, но не обязательно). Философская журналистика не столь ограничена требованием простоты и ясности языка, как просветительская; она не привязана к жизненному стилю, как традиционная журналистика; не соотносится столь прямо с конкретной фактурой, как аналитическая журналистика; не имеет выраженного организующего характера, как гражданская журналистика.

На основе проведенного исследования можно заключить, что философская журналистика является весьма заметным и востребованным направлением в новых медиа Великобритании и США, в которых существует большой сегмент философских новых медиа. Последние характеризуются производством преимущественно звуковых и текстовых жанровых форм (аудио-подкасты и статьи-лонгриды), систематическим применением приемов журналистского мастерства, использованием информационных поводов, устойчивой корреляцией философской оптики с вопросами текущей повестки (пандемия, противостояние России и Украины, академическая свобода и т. д.).

В свою очередь, в России философская журналистика пока не проявила себя в полной мере в новых медиа, что обусловлено недостаточным участием в ней журналистов, самоцензурой, общими социальными проблемами. При этом философские новые медиа активно развиваются. Однако их подъем связан не с качественными характеристиками (глубокая разработка актуальной общественно значимой тематики), а с количественными показателями (рост подписчиков и числа публикаций). В их деятельности прослеживаются такие специфические черты, как ориентация на изложение основ учений и разъяснение концептов, создание, в основном, видео- и текстовых жанровых форм (видео-подкасты и лонгриды), ставка на мультимедийные элементы. Пожалуй, их главной особенностью в сравнении с зарубежными медиа является оторванность от философской журналистики и текущей повестки дня. Поэтому по их содержанию вряд ли возможно составить представление о том, какие основные идеи сейчас наиболее всего будоражат российскую общественность, каким образом отечественные интеллектуалы осмысливают наиболее важные явления социально-политической жизни, какие философские ответы предлагаются на вызовы времени.

В число основных проблем отечественных новых медиа философской направленности входят ориентация на коммерциализацию, установка на самовыражение, отвлеченность от запросов общественности и текущей повестки дня, пренебрежение приемами журналистского мастерства и проверенными методиками производства эфирных программ и создания

текстовых материалов. Решению этих задач может способствовать ориентация гражданских медийных активистов на стандарты качественной журналистики и взаимное сближение философов и профессиональных журналистов.

Дальнейшее направление исследования видится в уточнении понятийно-категориального аппарата, раскрытии содержания этапов развития, определении жанрового своеобразия и специфических приемов философской журналистики в новых медиа.

Список литературы

- Бодрунова С.С. Кумулятивная делиберация: новая нормативность в изучении публичных сфер онлайн // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. № 1. С. 87–122. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2023.87122>
- Быстров В.Ю., Осипов И.Д. Философия и журналистика: пролегмоны к философской концепции события // Конфликтология. 2018. Т. 13. № 3. С. 160–171.
- Быстров В.Ю., Соколов А.М. Философия и журналистика: концепт событийного // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 3. С. 266–274. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.301>
- Водоветов С.В., Махмуд К.Н.М. Трансформация журналистской деятельности в эпоху цифровых технологий // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 6. С. 19–25.
- Волкова И.И., Лазутова Н.М. Экранные массмедиа и экология человека: от зачаровывания к присоединению // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 12 (212). С. 106–111.
- Вырковский А.В., Колесниченко А.В. Новые медиа как площадки для политического дискурса в странах постсоветского пространства // Меди@льманах. 2020. № 1. С. 48–59. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.1.2020.4859>
- Градюшко А.А. Современная журналистика в цифровой экосистеме: теоретические подходы зарубежных медиаисследователей // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. 2022. № 1. С. 22–27.
- Отечественная философская журналистика. История и современность / под ред. И.Д. Осипова. М.: Институт Мира и исследования конфликтов, 2017. 80 с.
- Поляков М.Л. Взаимодействие цифровых платформ и государств: события и явления 2019–2022 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 1. С. 116–120.
- Пэнто Л. Философская журналистика / отв. ред. Н.А. Шматко // Социо-Логос постмодернизма. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 30–56.
- Экосистема медиа: цифровые модификации / под ред. С.Л. Уразовой. Челябинск: Изд. центр Южно-Уральского государственного университета, 2021. 252 с.
- Яковлев М.В. Философская журналистика в цифровом медиапространстве // Материалы международной научно-практической конференции «Журналистика в 2023 году: творчество, профессия, индустрия». М.: МГУ, 2024. С. 35–36.
- Goodman K. Journalism and Philosophy // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1989. T. 63. No. 1. P. 35–40. <https://doi.org/10.2307/3130332>
- Howard P.N. New media campaigns and the managed citizen. New York: Cambridge University Press, 2006. 264 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511615986>
- Philosophical issues in journalism. Cohen E.D. (ed.). New York; Oxford: Oxford University Press, 1992. 288 p.

Villeneuve G. Philosophers in newspapers: about a collaboration between journalists and philosophy professors on the *Libé des philosophes* // French Journal for Media Research. 2015. Vol. 3. <https://frenchjournalformediaresearch.com/lodel-1.0/main/index.php?id=471>

References

- Bodrunova, S.S. (2023). Cumulative deliberation: new normativity in studying of public spheres online. *Bulletin of Moscow University (Series 10. Journalism)*, 1, 87–122. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2023.87122>
- Bystrov, V.Yu., & Osipov, I.D. (2018). Philosophy and journalism: prolegomenon to the philosophical concept of event. *Conflictology*, 13(3), 160–171. (In Russ.)
- Bystrov, V.Yu., & Sokolov, A.M. (2017). Philosophy and journalism: the concept of event. *Bulletin of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflictology*, 33(3), 266–274. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.301>
- Cohen, E.D. (Ed.) (1992). *Philosophical issues in journalism*. New York; Oxford: Oxford University Press.
- Goodman, K. (1989). Journalism and Philosophy. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 63(1), 35–40. <https://doi.org/10.2307/3130332>
- Gradyushko, A.A. (2022). Modern journalism in the digital ecosystem: theoretical approaches of foreign media researchers. *Journal of Belarusian State University (Journalism)*, 1, 22–27. (In Russ.)
- Howard, P.N. (2006). *New media campaigns and the managed citizen*. New York: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511615986>
- Media ecosystem: digital modifications*. (2021). Urazova S.L. (ed.) Chelyabinsk: South Ural State University Publ. (In Russ.)
- Osipov I.D. (ed.). (2017). *National philosophical journalism. History and modernity*. Moscow: Institute for Peace and Conflict Research. (In Russ.)
- Panteau, L. (1996). Philosophical journalism. In: Shmatko N.A. (ed.) *Socio-Logos of Postmodernism. Almanac of the Russian-French Centre for Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*. Moscow: Institute of Experimental Sociology. P. 30–56. (In Russ.)
- Polyakov, M.L (2023). Interaction of digital platforms and states: events and phenomena 2019–2022. *Bulletin of Voronezh State University (“Philology. Journalism” Series)*, 1, 116–120. (In Russ.)
- Villeneuve, G. (2015). Philosophers in newspapers: about a collaboration between journalists and philosophy professors on the *Libé des philosophes*. *French Journal for Media Research*, 3. <https://frenchjournalformediaresearch.com/lodel-1.0/main/index.php?id=471>
- Vodopetov, S.V., & Makhmud, K.N.M. (2022). Transformation of journalistic activity in the digital era. *Successes of the Humanitarian Sciences*, 6, 19–25. (In Russ.)
- Volkova, I.I., & Lazutova, N.M. (2017). Screen mass media and human ecology: from enchantment to joining. *Bulletin of Orenburg State University*, 12(212), 106–111. (In Russ.)
- Vyrkovsky, A.V., & Kolesnichenko, A.V. (2020). New media as platforms for political discourse in the post-Soviet countries. *Medi@lmanakh*, 1, 48–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/mediaalmanakh.1.2020.4859>
- Yakovlev, M.V. (2024). Philosophical journalism in digital media space. In: *Proceedings of the International scientific and practical conference “Journalism in 2023: creativity, profession, industry”*. Moscow: Moscow State University. P. 35–36. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Яковлев Максим Владимирович, доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права, философский факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. ORCID: 0000-0002-0127-5642. E-mail: yakovlevmv@my.msu.ru

Bio note:

Maksim V. Yakovlev, Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0127-5642. E-mail: yakovlevmv@my.msu.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-554-576

EDN: GDPZHM

UDC 001.92

Research article / Научная статья

Opportunities for the use of short videos in science communication: the case of social sciences

Nataliia D. Trishchenko^{1,2} , Valeriya A. Mikhailovskaya¹

¹*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

²*State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation*

 trishchenko.nataliia@yandex.ru

Abstract. As an increasing number of scientists utilize alternative communication platforms such as TikTok to disseminate scientific information, there is a pressing need to investigate their potential for scientific communication, particularly with younger audiences. A content analysis of 163 posts under four hashtags (#researchpaper, #scientificarticle, #socialscience, and #pewresearch) revealed that TikTok is indeed being employed as a medium for sharing scientific content, including research results. It is notable that some publications make direct references to scientific articles and monographs, indicating the potential of the platform to bridge the gap between the academic community and a wider audience. However, short videos on TikTok generate more engagement when authors share experiences and tips rather than research results. While TikTok is becoming an important channel for scientific communication, it is mainly used as an additional means and not a replacement for traditional media such as academic journals or new resources like preprint servers. Additionally, no formats or examples of content were identified that could be considered a replacement for traditional methods of communicating scientific information. Further research is necessary to investigate the impact of TikTok on science communication across different disciplines and age groups.

Keywords: scientific communication, TikTok, short videos, social media

Author's contribution. *Nataliia D. Trishchenko* – development of the research idea, data analysis, manuscript writing and editing. *Valeriya A. Mikhailovskaya* – data collection.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted July 31, 2023; revised June 3, 2024; accepted July 16, 2024.

For citation: Trishchenko, N.D., & Mikhailovskaya, V.A. (2024). Opportunities for the use of short videos in science communication: the case of social sciences. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 564–576. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-564-576>

Возможности использования коротких видео в научной коммуникации: пример социальных наук

Н.Д. Трищенко^{1,2} , В.А. Михайловская¹

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

²Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения
РАН, Новосибирск, Российская Федерация

 trishchenko.nataliia@yandex.ru

Аннотация. Поскольку все больше ученых используют для обмена научной информацией альтернативные коммуникационные платформы, в том числе видеосервисы (например, TikTok), необходимо изучить потенциал подобных ресурсов для научной коммуникации, особенно с молодой аудиторией. Мы провели контент-анализ 163 постов под четырьмя хэштегами: #researchpaper, #scientificarticle, #socialscience, #pewresearch. Выяснилось, что TikTok действительно используется как площадка для обмена научным контентом, в том числе результатами исследований. Некоторые публикации даже содержат прямые ссылки на научные статьи и монографии, что говорит о потенциале платформы для преодоления разрыва между научным сообществом и широкой аудиторией. В то же время, короткие видео в TikTok вызывают больший интерес, когда авторы делятся личным опытом и советами, а не результатами исследований. Форматы и примеры контента, способные претендовать на замену традиционных способов передачи научной информации, в ходе исследования обнаружены не были. Хотя TikTok возможно использовать в качестве средства научной коммуникации, он все же может быть лишь дополнительным каналом, а не заменой традиционных медиа, таких, как академические журналы или новые онлайн-ресурсы (например, серверы препринтов). Необходимы дальнейшие исследования, чтобы изучить влияние TikTok на научную коммуникацию в рамках различных дисциплин и возрастных групп.

Ключевые слова: научная коммуникация, TikTok, короткие видео, социальные медиа

Вклад авторов. Н.Д. Трищенко — разработка идеи исследования, анализ данных, написание и редактирование рукописи. В.А. Михайловская — сбор данных.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 31 июля 2023 г.; отрецензирована 3 июня 2024 г.; принята к публикации 16 июля 2024 г.

Для цитирования: *Trishchenko N.D., Mikhailovskaya V.A. Opportunities for the use of short videos in science communication: the case of social sciences // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 564–576. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-564-576>*

Introduction

The phenomenon of scientists utilizing alternative communication platforms is becoming increasingly prevalent. Researchers quite willingly and actively use Twitter to share information about the latest research results and for discussions; in some countries and communities, social networks are used for the same purposes (Sugimoto et al., 2017). But now the ‘basic unit’ of Internet content is video, so even in the scientific sphere there are many attempts to use the video format to disseminate scientific information – in particular, international publishers are increasingly turning to it (Spicer, 2014).

The utilization of video as a format for scientific content becomes particularly pertinent in the context of engaging younger individuals in research activities, given the prominent role that video platforms play in the lives of the younger generation (Cervi, 2021).

Previous research has addressed the presentation of scientific information in video format, with examples including YouTube (Kousha et al., 2012). However, little attention has been paid to TikTok, which is a platform that has emerged in recent years and has a particular focus on short videos. The objective of this study was to gain insight into the suitability of video platforms, which are particularly popular among young people, for disseminating scientific information and for scientific communication within the research community.

Literature review

It was not the intention of this study to conduct a systematic literature review on the topic. Consequently, the focus will be on the main issues and trends that relate to the use of social media and video formats in scientific communication, with particular reference to the dissemination and discussion phases of research.

It is evident that social media have long been an integral part of the system of scientific communication, and this can be said about both specialized services and well-known platforms. By the mid-2000s, a substantial corpus of literature on the use of social media and altmetrics by scholars had already been published (Sugimoto et al., 2017). Rather than undertaking a comprehensive review, we will merely present the key ideas reflected in the existing literature:

1. Social media are predominantly used for information dissemination and consumption rather than for career building, for example (Grande et al., 2014; Van Noorden, 2014).

2. Researchers from many scientific fields take a rather pessimistic view of social media and see it as a source of occupational hazards, stress, inaccurate

information, and blog posting is assessed as a ‘waste of time’ (Harley et al., 2010).

3. At the same time, academics are increasingly using social media and are increasingly turning to new forms of content (Piwowar, 2013; Viney, 2013; Wilsdon et al., 2015).

In addition to individual researchers, academic journals are also developing social media activity: according to 2018 data, their social media presence ranges from 7 to 14 % depending on the discipline and is constantly growing (Zheng et al., 2019). Moreover, the results of statistical analyses indicate that the value of social media metrics correlates with the impact factor of the journal.

The increased use of audiovisual content on social media is not a direct consequence of the format becoming available; scientists have been using video for decades to present research results at conferences, as part of lectures, as accompanying materials to articles, and so on. Moreover, video is an extremely effective medium for communicating information that is difficult to convey through text, and therefore almost essential for describing complex technical protocols (Pasquali, 2007).

Already at the beginning of the century, researchers were actively writing that the use of video content could greatly enrich scholarly communication. As researchers noted earlier, we now live in a world of ‘visual cultures’, a world of remediation and crossmediation, where content and experiencing it take many forms (Bolter, 2001). One of the main arguments in favour of wider acceptance of video is that this format is much better at conveying information about many practical aspects of scientific research (Löwgren, 2011).

One of the first industrially recognized steps towards audiovisual formats was video annotations, which are now a routine part of the work of major international publishers (Spicer, 2014). In addition, scientific journals are very active in publishing videos as accompanying materials to an article – usually just to convey information that cannot be presented in text format (Pasquali, 2007).

There are now several academic journals that position themselves as video journals (see, for example, *The Video Journal of Education & Pedagogy*). The experience of this type of publication has also been reviewed in academic literature (Canet, 2019).

When it comes to the video format on social media, YouTube is the most popular platform among researchers, not only for dissemination (Thelwall et al., 2012a) and discussion (Thelwall et al., 2012b) of information, but even as a source of citations (Kousha et al., 2012). An analysis of publications indexed in Scopus for the years 2005–2011 within four scientific fields (Sciences, Medicine and Health Sciences, Social Sciences, Arts and Humanities) showed that citations of YouTube videos are most often found in Social Sciences and Humanities publications – 0.2 and 0.3 % respectively. At the same time, in the fields of science, medicine and health sciences, the videos cited were directly scientific (e.g. recordings of laboratory experiments) or educational (recordings of lectures), while in the fields of humanities and social sciences they referred to

cultural, historical, or journalistic content. It can therefore be concluded that there are considerable differences in the use of supplementary services by the representatives of the various disciplines.

The survey results are also consistent with the above findings: more than a half of the UK scientists surveyed said they use video for work at least occasionally. Most respondents use one or more social media for work purposes, but researchers rarely act as content creators and are mainly content consumers. There are some differences in social media usage patterns by age and discipline. Interestingly, researchers who use social media more frequently are also more active consumers of scientific information in traditional form (Tenopir et al., 2013).

TikTok has also already been the focus of research (Cervi, 2021), as this platform has had a significant impact on traditional media systems in different countries (Vázquez-Herrero et al., 2022), and this impact has not passed by the science communication system.

Due to the growing popularity of the social network and its influence on the younger generation, some researchers say that TikTok is the future of scientific communication (Hoić, 2022). Of course, in this case, the video platform cannot be seen as an alternative for scientific journals – TikTok is seen primarily as a replacement for Twitter, which has already become a routine part of the information exchange of many scientists.

There are not many direct studies of the TikTok content of scientific topics, and they focus primarily on popular rather than scientific content (Radin, Light, 2022; Wang et al., 2022). The most comprehensive existing study is dedicated to the analysis of memes in TikTok. The authors examined a total of 1368 videos on scientific topics, which allowed them to identify groups of content creators and the main types of scientific memes in TikTok (Zeng et al., 2020). In addition, a whole body of research focuses on the use of TikTok within specific scientific disciplines – for example, clinical research (Lindsley, 2022) and geosciences (Zawacki et al., 2022). Much of this type of research focuses on questions such as what content might be of most interest to a potential audience of scientists belonging to a particular scientific discipline, what types of content are represented on the platform by a particular discipline, etc.

Research methodology

Within the study we had several questions of interest:

1. Is there content on the TikTok platform that takes the viewer directly to the scientific literature?
2. Who creates this content?
3. What types of content are most appealing to the audience?

The answers to these questions indicate the extent to which the scientific community is interested in using this social network and the suitability of the short video format for scientific communication.

As we have seen from earlier studies (Kousha et al., 2012), the specifics of using a particular platform depend quite strongly on the discipline, so we decided to focus on the example of social sciences: on the one hand, here we will not find videos from the laboratory, and on the other hand, the results of sociological research may be of interest to a wide audience.

TikTok studies are associated with certain methodological and methodological difficulties, which are due to the peculiarities of the platform’s recommendation algorithms and some legal aspects of data collection (Zeng et al., 2021). The most common methodology used in such studies is content analysis to collect the necessary data, which relies on hashtag or keyword searches, or the study of posts in selected accounts (Kanthawala et al., 2022).

Following the example of our colleagues, we also conducted a content analysis of publications using the four hashtags:

- #researchpaper and #scientificarticle – as general scientific hashtags to assess the availability of this type of content on the platform in general;
- #socialscience – for publications dealing with social science in general;
- #pewresearch – as an example of publications associated with a well-known research organization whose results are of interest both within and beyond the scientific community.

The initial plan was to analyze 50 of the most popular publications under each hashtag, but only 13 entries were found for the query #scientificarticle. In total, 163 publications were analyzed. We focused on foreign content in English, because in Russia representatives of the scientific community hardly use this platform, and we hoped to find relatively established practices of working with content.

Results of the study

We first examined publications under the hashtags #researchpaper and #scientificarticle (63 posts in total) to outline the characteristics of videos directly related to scientific texts, to identify their authors, specific topics and format.

Researchers themselves play an active role in creating content for the platform, even though the number of students as authors is significantly higher (Table 1).

Table 1

Publications under the hashtags #researchpaper and #scientificarticle categorized by types of authors

Type of author	Number of videos
Student	43
Researcher	9
University	2
Media	1
N/a	8
Total	63

Source: compiled by the authors.

In addition, university publications were included in our sample, but they were not directly related to scientific information or the presentation of the results of any particular study.

To clarify the specificity of the video, we focused on several parameters: duration (Table 2), type (Table 3), and subject of the video (Table 4).

Table 2

Distribution of likes among publications under the hashtags #researchpaper and #scientificarticle based on the duration of videos

Duration	Number of likes	Number of videos	Average number of likes
15 seconds and less	31	4 407 308	142 171
More than 30 seconds, less than a minute	16	2 380 618	148 789
More than a minute	9	742 935	82 548
16–30 seconds	7	526 761	75 252
Total	63	8 057 622	128 898

Source: compiled by the authors.

Table 3

Distribution of likes among publications under the hashtags #researchpaper and #scientificarticle based on the type of videos

Type	Number of videos	Number of likes	Average number of likes
Meme	31	3 465 117	111 778
Lifhack	25	4 181 940	167 278
Analysis	5	2 465	493
Experience	2	408 100	204 050
Total	63	8 057 622	128 898

Source: compiled by the authors.

Table 4

Distribution of likes and comments among publications under the hashtags #researchpaper and #scientificarticle based on the thematic content of videos

Thematic content	Number of videos	Number of likes	Average number of likes	Number of comments	Average number of comments
Conducting research	31	4 570 200	147 426	27 383	883
Working with sources	2	1 266 600	633 300	1595	798
Writing paper	10	6306	631	103	10
Defence	17	2 212 300	130 135	17 046	1 003
Findings from specific studies	3	2216	739	95	32
Total	63	8 057 622	127 899	46 222	734

Source: compiled by the authors.

The most popular videos, for both authors and viewers, are either the shortest, with a running time of up to 15 seconds, or the more detailed, with a running time of more than 30 seconds, but no longer than one minute: 15 seconds is enough for memes, while the time needed for a quick hack or a description of

one’s own experience is a little longer. However, the audience is not willing to watch a video for too long anyway, so going beyond one minute will have a negative impact on the audience.

The topics of popular videos are mainly related to the process of preparing qualification works (including PhD theses), while almost no one is interested in information about already completed research.

We then analyzed a further 50 publications under the hashtag #socialscience. As we can see in Table 5, the ratio of authors was slightly different.

Table 5

Publications under the hashtag #socialscience categorized by types of authors

Type of author	Number of videos
Researcher	17
Student	3
Teacher	3
Media	1
N/a	26
Total	50

Source: compiled by the authors.

For some videos, the type of author could not be determined because not all users indicate their place of work, university or degree, and some channels are not personalized. At the same time, even from the data we were able to collect, we can see that researchers are quite active on TikTok.

22 % of the publications reviewed were on topics related to sociology, 15 % were on topics related to psychology, and the remainder were on topics related to other disciplines.

In terms of video duration, the situation is slightly different: short videos are much less popular with both authors and viewers, while videos lasting more than a minute on average gather the most likes (Table 6).

Table 6

Distribution of likes among publications under the hashtag #socialscience based on the duration of videos

Duration	Number of likes	Number of videos	Average number of likes
More than 30 sec., less than a minute	1 957 455	25	78 298
More than a minute	1 349 739	9	149 971
16 30 sec.	456 700	8	57 088
15 sec. and less	233 787	8	29 223
Total	3 997 681	50	79 954

Source: compiled by the authors.

In terms of video type (Table 7) and topic (Table 8), we can see the predominance of reviews of specific scientific publications, with these videos gaining the highest number of likes on average. The other categories are

represented by an insignificant number of videos; at the same time, users themselves value videos in which the authors share their personal experiences the most.

Table 7

Distribution of likes and comments among publications under the hashtag #socialscience based on the type of videos

Type	Number of likes	Number of videos	Average number of likes	Number of comments	Average number of comments
Analysis	2 268 753	30	75 625	33 192	1 106
Meme	460 601	7	65 800	4 092	585
Experience	1 036 500	3	345 500	7 138	2 379
Fact	101 400	3	33 800	1 139	380
Quiz	78 400	3	26 133	726	242
Lifhack	44 300	2	22 150	234	117
Other	14 956	2	7478	258	129

Source: compiled by the authors.

Table 8

Distribution of likes and comments among publications under the hashtag #socialscience based on the thematic content of videos

Subject matter	Number of likes	Number of videos	Average number of likes	Number of comments	Average number of comments
Findings from specific studies	3 515 094	39	90 131	41 101	1 054
Teaching	223 001	3	74 334	2 292	764
Study	107 186	2	53 593	907	454
Other	65 600	2	32 800	597	299
Writing paper	51 900	2	25 950	1 509	755
Conducting research	18 400	1	18 400	157	157
Looking for job	16 500	1	16 500	216	216

Source: compiled by the authors.

It should also be noted that four of the videos contain direct links to articles (rather than just a screenshot or a mention), one to a book and another to a tweet. The articles are presented in a variety of ways, ranging from short videos of less than 15 seconds to longer videos of up to a minute. They are mostly of the ‘parsing’ type, but one of the publications is simply a scientific fact with a link to the article.

Finally, we analyzed a group of 50 publications under the hashtag #pewresearch. 46 videos actually refer to publications from the Pew Research Centre. When it comes to the duration of videos, they are much more evenly distributed, with only 15–30 second videos being less common than others. However, the most popular (by an order of magnitude) are videos lasting more than a minute (5.381 likes on average).

Typically, bloggers would display a screenshot of the article in the frame, with the author and title of the publication, as well as specific snippets of material (quotes, infographics). In this way, all the publications reviewed are based on the results of specific studies and belong thematically to this block.

At the same time, not all videos are classified by type (Table 9). In addition, users are more interested in article-based memes than in detailed research narratives.

Table 9

Distribution of likes and comments among publications under the hashtag #pewresearch based on the type of videos

Type	Number of likes	Number of videos	Average number of likes	Number of comments	Average number of comments
Analysis	93 983	40	2 402	6 710	170
Meme	102 543	9	11 394	1 003	111
Fact	125	3	42	7	2
Total	196 651	50	3 849	7 720	154

Source: compiled by the authors.

We see slightly more serious content with longer videos and a strong link to real research published in scientific journals in the case of the latter hashtag.

Conclusion and discussion

TikTok is indeed used to disseminate scientific content, including research results, and such publications sometimes even contain direct links to scientific articles and monographs. It can also be concluded that a variety of actors connected in one way or another with research activities, including universities interested in expanding their audience, are trying to build communication with the audience on the platform. The main creators of scientific content on the platform are students and researchers.

Although scientific content is present on the platform, such videos are quite few and not particularly popular. As we can see from the example of publications under different hashtags, content in which authors share their experiences and various tips and tricks in the field of research generates a much more active response than a story about research results, even if they are relevant and of high quality.

On the one hand, this is because TikTok’s audience is mainly young people who really need help and guidance, and for whom such a live exchange of experiences is invaluable. On the other hand, the results of previous research and data show that the video format is most often poorly suited for communicating information directly about the research results – it is more of an auxiliary tool for presenting accompanying data, demonstrating the work process, etc.

We can see that social media and video platforms are becoming increasingly important in the system of scientific communication, but so far they play the role

of additional channels, including sometimes replacing face-to-face communication between researchers. We could not find formats and examples of content that could claim to replace traditional ways of communicating scientific information. At the same time, the scientific content on the platform generates a lot of interest and a very active response from the audience, as shown by the number of likes and comments. Thus, although short video platforms are not an optimal means of communicating with scientists who are already part of the scientific community, they can be an effective tool for engaging young people in science.

References

- Bolter, J.D. (2001). *Writing space: Computers, hypertext, and the remediation of print*. New York; Abingdon: Routledge.
- Canet, F. (2019). Changing times for scholarly communication: The case of the academic research video and the online video journal. *El profesional de la información*, 28(4). <https://doi.org/10.3145/epi.2019.jul.06>
- Cervi, L. (2021). Tik Tok and generation Z. *Theatre, dance and performance training*, 12(2), 198–204. <https://doi.org/10.1080/19443927.2021.1915617>
- Grande, D., Gollust, S.E., Pany, M., Seymour, J., Goss, A., Kilaru, A., & Meisel, Z. (2014). Translating research for health policy: researchers' perceptions and use of social media. *Health Affairs*, 33(7), 1278–1285. <https://doi.org/10.1377/hlthaff.2014.0300>
- Harley, D., Acord, S.K., Earl-Novell, S., Lawrence, S., & King, C.J. (2010). *Assessing the future landscape of scholarly communication: An exploration of faculty values and needs in seven disciplines*. Berkeley: University of California.
- Hoić, M. (2022). Using TikTok as a platform for science communication: the latest challenges and opportunities. *Book of abstracts of the 9th Conference on Scholarly Communication in the Context of Open Science (PUBMET 2022)*. Zadar: Morepress. P. 62. <https://doi.org/10.15291/pubmet.3946>
- Kanthawala, S., Cotter, K., Foyle, K., & DeCook, J.R. (2022). It's the methodology for me: A systematic review of early approaches to studying TikTok. In: *Proceedings of the 55th Hawaii International Conference on System Sciences*. IEEE Computer Society. P. 3105–3121.
- Kousha, K., Thelwall, M., & Abdoli, M. (2012). The role of online videos in research communication: A content analysis of YouTube videos cited in academic publications. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 63(9), 1710–1727. <https://doi.org/10.1002/asi.22717>
- Lindsley, M. (2022). *Addressing diversity challenges in clinical research through digital communication: TikTok as an inclusive recruitment strategy*. (Master thesis). University of North Carolina, Chapel Hill. <https://doi.org/10.17615/27mz-8y34>
- Löwgren, J. (2011). The need for video in scientific communication. *Interactions*, 18(1), 22–25. <https://doi.org/10.1145/1897239.1897246>
- Pasquali, M. (2007). Video in science: Protocol videos: The implications for research and society. *EMBO reports*, 8(8), 712–716. <https://doi.org/10.1038/sj.embor.7401037>
- Piowar, H. (2013). Value all research products. *Nature*, 493(159). <https://doi.org/10.1038/493159a>
- Radin, A.G., & Light, C.J. (2022). TikTok: An emergent opportunity for teaching and learning science communication online. *Journal of Microbiology & Biology Education*, 23(1). <https://doi.org/10.1128/jmbe.00236-21>

- Spicer, S. (2014). Exploring video abstracts in science journals: An overview and case study. *Journal of Librarianship and Scholarly Communication*, 2(2). <https://doi.org/10.7710/2162-3309.1110>
- Sugimoto, C.R., Work, S., Larivière, V., & Haustein, S. (2017). Scholarly use of social media and altmetrics: A review of the literature. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 68(9), 2037–2062.
- Tenopir, C., Volentine, R., & King, D.W. (2013). Social media and scholarly reading. *Online Information Review*, 37(2), 193–216. <https://doi.org/10.1108/OIR-04-2012-0062>
- Thelwall, M., Kousha, K., Weller, K., & Puschmann, C. (2012a). Chapter 9. Assessing the impact of online academic videos. In: Widén G., Holmberg K. (eds.) *Social information research (Library and Information Science. Vol. 5)*. Leeds: Emerald Group Publ. Ltd. P. 195–213. [https://doi.org/10.1108/S1876-0562\(2012\)0000005011](https://doi.org/10.1108/S1876-0562(2012)0000005011)
- Thelwall, M., Sud, P., & Vis, F. (2012b). Commenting on YouTube videos: From Guatemalan rock to el big bang. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 63(3), 616–629. <https://doi.org/10.1002/asi.21679>
- Van Noorden, R. (2014). Online collaboration: Scientists and the social network. *Nature News*, 512(126). <https://doi.org/10.1038/512126a>
- Vázquez-Herrero, J., Negreira-Rey, M.C., & López-García, X. (2022). Let's dance the news! How the news media are adapting to the logic of TikTok. *Journalism*, 23(8), 1717–1735. <https://doi.org/10.1177/1464884920969092>
- Viney, I. (2013). Altmetrics: research council responses. *Nature*, 494(176). <https://doi.org/10.1038/494176c>
- Wang, P., Yu, M., & Liu, Y. (2022). Assessing the content topics of the educational videos on TikTok for science communication. In: *Proceedings of the 2022 6th International Seminar on Education, Management and Social Sciences*. Atlantis Press. P. 1792–1801. https://doi.org/10.2991/978-2-494069-31-2_210
- Wilsdon, J., et al. (2015). *The metric tide: Independent review of the role of metrics in research assessment and management*. <https://doi.org/10.13140/RG.2.1.4929.1363>
- Zawacki, E.E., Bohon, W., Johnson, S., & Charlevoix, D.J. (2022). Exploring TikTok as an effective platform for geoscience communication. *EGUsphere*. <https://doi.org/10.5194/egusphere-2022-494>
- Zeng, J., Abidin, C., & Schäfer, M.S. (2021). Research perspectives on TikTok and its legacy apps: introduction. *International Journal of Communication*, 15, 3161–3172. <https://doi.org/10.5167/uzh-205427>
- Zeng, J., Schäfer, M.S., & Allgaier, J. (2020). Reposting “till Albert Einstein is TikTok famous”: The memetic construction of science on TikTok. *International Journal of Communication*, 15, 3216–3247.
- Zheng, H., Aung, H.H., Erdt, M., Peng, T.Q., Sesagiri Raamkumar, A., & Theng, Y.L. (2019). Social media presence of scholarly journals. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 70(3), 256–270. <https://doi.org/10.1002/asi.24124>

Bio notes:

Nataliia D. Trishchenko, Candidate of Philology, Senior Researcher at the Department of New Media and Communication Theory, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation; Senior Researcher, State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 15 Voskhod St, Novosibirsk, 630102, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-6834-6206. E-mail: trishchenko.nataliia@yandex.ru

Valeriya A. Mikhailovskaya, Student at the Department of Television and Radio Broadcasting, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0009-0008-8836-5958. E-mail: mihailovskaya.lera@yandex.ru

Сведения об авторах:

Трищенко Наталья Дмитриевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры новых медиа и теории коммуникации, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, Моховая ул., д. 9, стр. 1; старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН, Российская Федерация, 630102, Новосибирск, ул. Восход, д. 15. ORCID: 0000-0002-6834-6206. E-mail: trishchenko.nataliia@yandex.ru

Михайловская Валерия Андреевна, студентка кафедры телевидения и радиовещания, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, Моховая ул., д. 9, стр. 1. ORCID: 0009-0008-8836-5958. E-mail: mihailovskaya.lera@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-577-592

EDN: GFGHBY

УДК 070.1

Научная статья / Research article

Информационная повестка региональных медиа в контексте экологии: тематический и атрибутивный уровни

Л.К. Лободенко^{id}✉, А.Б. Череднякова^{id},
Л.Н. Корнилова^{id}, А.Р. Марфицына^{id}

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация
✉lobodenkolk@susu.ru

Аннотация. Представлены результаты анализа информационной повестки дня региональных СМИ и социальных медиа по экологии. Теоретические координаты исследования заданы теорией «формирования повестки дня» на двух уровнях — тематическом и атрибутивном. Цель авторов состоит в выявлении проблематики информационной повестки СМИ и социальных медиа региона по экологии, категоризация ее атрибутов, а также айтрекинг-анализ внимания молодежной аудитории к выделенным категориям атрибутов. В качестве материалов исследования выступили медиатексты 13 сетевых СМИ и 6 городских сетевых сообществ сети «ВКонтакте» (за 2022 г.) шести промышленных городов Челябинской области. Впервые представлены результаты теоретического и эмпирического изучения темы с позиций когнитивно-матричного анализа категорий и атрибутов информационной повестки, применения айтрекинговых технологий при исследовании реакции молодежной аудитории. Полученные результаты позволили выделить десять категорий атрибутов информационной повестки по экологии. Как показало исследование, наиболее часто в количественном языковом выражении в медиатекстах представлены атрибуты категории «экологические проблемы».

Ключевые слова: информационная повестка дня, экология, СМИ, социальные медиа, тематический и атрибутивный уровни, айтрекинг-анализ

Вклад авторов. Л.К. Лободенко — разработка концепции исследования, написание и редактирование текста. А.Б. Череднякова — разработка программы исследования, написание текста. Л.Н. Корнилова — сбор и анализ материалов. А.Р. Марфицына — сбор и анализ материалов.

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-20090, <https://rscf.ru/project/23-18-20090/>.

© Лободенко Л.К., Череднякова А.Б., Корнилова Л.Н., Марфицына А.Р., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 14 мая 2024 г.; отрецензирована 3 июня 2024 г.; принята к публикации 19 июня 2024 г.

Для цитирования: Лободенко Л.К., Череднякова А.Б., Корнилова Л.Н., Марфицына А.Р. Информационная повестка региональных медиа в контексте экологии: тематический и атрибутивный уровни // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 577–592. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-577-592>

Environmental agenda setting in local media: thematic and attributive levels

Lidia K. Lobodenko[✉], Anna B. Cherednyakova^{id},
Larisa N. Kornilova^{id}, Arina R. Marfitsina^{id}

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

[✉lobodenkolk@susu.ru](mailto:lobodenkolk@susu.ru)

Abstract. The article presents the results of analysis of information agenda of regional media and social media on ecology. The theoretical coordinates of the study are set by the theory of “agenda formation” at two levels – thematic and attributive. The authors’ goal is to identify the problems of the information agenda of the regional media and social media on ecology, categorize its attributes, as well as an eye tracking analysis of the attention of the youth audience to the identified categories of attributes. The research materials were media texts of 13 online media and 6 urban online communities of the VKontakte network (for 2022) of six industrial cities of the Chelyabinsk region. For the first time, the results of a theoretical and empirical study of the topic from the standpoint of a cognitive-matrix analysis of categories and attributes of the information agenda, the use of eye tracking technologies in studying the reaction of the youth audience are presented. The results obtained made it possible to identify 10 categories of attributes of the information agenda on ecology. As the study showed, the attributes of the category “environmental problems” are most often presented in quantitative linguistic expression in media texts.

Keywords: agenda setting, ecology, mass media, social media, thematic and attributive levels, eye tracking analysis

Author’s contribution. Lidia K. Lobodenko – development of the research concept, text writing and editing. Anna B. Cheredniakova – development of the research program, text writing. Larisa N. Kornilova – collection and analysis of the material. Arina R. Marfitsina – collection and analysis of the material.

Acknowledgements and Funding. The study has been supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-18-20090, <https://rscf.ru/project/23-18-20090/>.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 14, 2024; revised June 3, 2024; accepted June 19, 2024.

For citation: Lobodenko, L.K., Cherednyakova, A.B., Kornilova, L.N., & Marfitsina, A.R. (2024). Environmental agenda setting in local media: Thematic and attributive levels. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 577–592. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-577-592>

Введение

Имидж региона представляет нематериальный фактор социально-экономического развития территории и «набор убеждений и ощущений людей, которые возникают по поводу природно-климатических, исторических, этнографических, социально-экономических, политических и других особенностей данной территории» (Важенина, 2006, с. 52). Отдельным направлением в изучении имиджа промышленных территорий является экологическая составляющая. В условиях развития цифрового медиапространства экологический имидж связан с тем, какая информация о территории попадает в СМИ, в социальные медиа и какие события они «высвечивают». Известно, что новостные СМИ являются центральной «интерпретационной системой» современного общества. Исследователи подчеркивают, что общественность черпает большую часть своих знаний о проблеме из медиа. При этом исследования по установлению повестки дня медиа сегодня более актуальны, чем когда-либо (Geiß, 2022). Поскольку глобальное изменение экологии лежит за пределами жизненного пространства большинства людей, знания о ней распространяются в основном через медиапространство.

Активную роль в формировании экологического имиджа территории играют СМИ и социальные медиа, так как они отражают наиболее актуальные вопросы информационной повестки на тематическом и атрибутивном уровнях. Экологические проблемы остро звучат в медиапространстве, однако отсутствует анализ информационной повестки по экологии на тематическом и атрибутивном уровнях в контексте формирования имиджа региона и изучения ее воздействия на молодежную аудиторию. Цель исследования – выявление проблематики информационной повестки СМИ и социальных медиа региона по экологии, категоризация ее атрибутов, а также айтрекинг-анализ внимания молодежной аудитории к выделенным категориям атрибутов. Это исследование реализуется на базе научно-образовательного центра нейромаркетинговых технологий и является продолжением проекта по анализу воздействия материалов СМИ и социальных медиа по экологии на молодежную аудиторию территории региона экологического риска (Lobodenko et al., 2022).

Теоретическое обоснование

Современные исследования показывают, что СМИ и социальные медиа играют важную роль в информировании общества об экологических проблемах, осуществляя их репрезентацию в информационной повестке дня (Östman, 2014). Учеными была установлена корреляция между повесткой дня СМИ и общественной повесткой (McCombs, Shaw, 1972; Rodríguez-Díaz, McCombs, 2023). Е. Роджерс и Дж. Диринг предложили

модель повестки дня, включающую три компонента: повестка дня СМИ, общественная повестка дня, политическая повестка дня (Rogers, Dearing, 1988) (рис. 1).

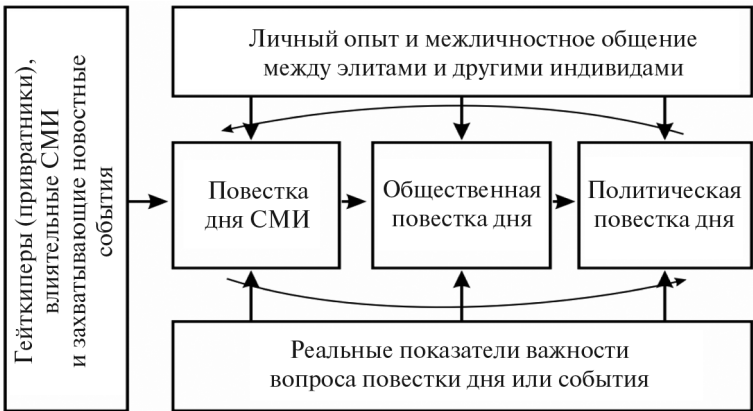

Рис. 1. Три основных компонента процесса формирования повестки дня: повестка дня СМИ, повестка дня общества и повестка дня политики

Источник: Rogers E.M, Dearing J.W. Agenda-setting research: Where has it been, where is it going? // *Annals of the International Communication Association*. 1988. Vol. 11. Issue 1: *Communication Yearbook* 11. P. 557.

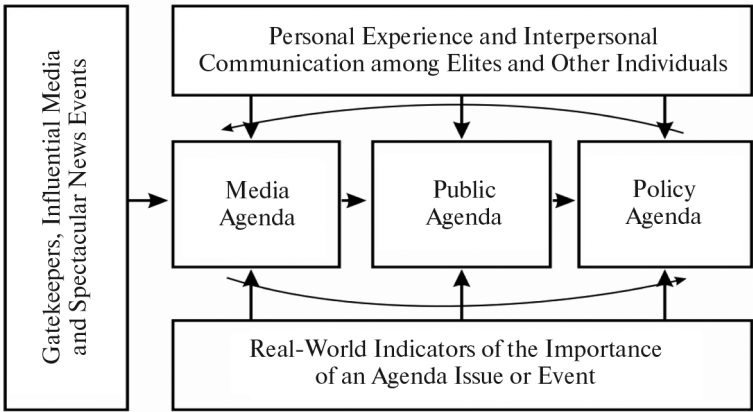

Figure 1. Three main components of the agenda-setting process: media agenda, public agenda, and policy agenda

Source: Rogers, E.M., & Dearing, J.W. (1988). Agenda-setting research: Where has it been, where is it going? *Annals of the International Communication Association*, 11 (Issue 1: *Communication Yearbook* 11), 557.

Каждая из этих повесток представляет вопросы, отражающие интересы конкретного заинтересованного лица, а взаимосвязь между этими компонентами составляет ядро теории установления повестки дня (Kosicki, 1993). Как следует из модели, формирование повестки дня относится к решениям медиа о том, какие вопросы транслировать на своих ресурсах.

М.В. Мамонов под термином «повестка дня» подразумевает совокупность актуальных проблем и сюжетов, имеющих ряд самостоятельных характеристик (Мамонов, 2008, с. 97). В свою очередь, другие исследователи

подчеркивают, что повестка дня — это то, как медиа-организации определяют и обнародуют основные вопросы и события для общественного обсуждения (Minooie et al., 2023). Традиционное определение повестки дня связано с передачей значимости проблемы от медиа к общественности (Kim et al., 2012; Nao, 2022).

Сегодня большое внимание исследователей уделяется анализу содержательных компонентов повестки дня (Каминченко, 2020). Процесс установления информационной повестки дня включает два уровня: первый — проблемный/объектный или тематический; второй — атрибутивный (Son, Weaver, 2005; Weaver, 2007; Каминченко, 2019). Если на первом уровне речь идет о том, что медиа определяют значимость вопроса, то второй уровень подразумевает наличие определенных атрибутов и аспектов проблемы в описании новостной темы, освещаемой в СМИ, которые оказывают воздействие на то, как именно аудитория будет воспринимать эту тему (Alkazemi, Wanta, 2018, p. 233; Yousaf et al., 2023).

Атрибутивное формирование повестки дня связано с привлечением внимания к атрибутам проблемы. В широком понимании атрибуты — это свойства, характеристики или аспекты объекта, которые могут быть использованы для оценки или размышления о том же объекте (McCombs, Evatt, 1995). Предполагается, что акцент в СМИ на определенных атрибутах при осмыслении вопроса играет важную роль в формировании повестки дня. СМИ могут повысить значимость определенных атрибутов для общественности путем их более активного освещения в новостях (Kim et al., 2012; Su, Xiao, 2024): определенные атрибуты, акцентируемые в медиа, становятся заметными в сознании людей и основными в представлениях общества о проблеме. Как подчеркивает D.A. Scheufele, формирование повестки дня — это в значительной степени аргумент, сводящийся к вопросу о том, насколько часто проблема или ее атрибут освещаются в СМИ (Scheufele, 2000). В основе этого аргумента лежит количественный подход, предполагающий, что более частое освещение проблемы или атрибута повышает вероятность того, что они будут использованы аудиторией. При этом операционализация атрибутивной значимости повестки осуществляется путем подсчета того, как часто атрибут упоминается в СМИ (Golan, Wanta, 2001; King, 1997). Выделение двух уровней содержания информационной повестки особенно целесообразно при изучении воздействия на аудиторию (Каминченко, 2019).

Специфика осмысления и систематизации атрибутов медиаповестки дня связана с использованием когнитивно-матричного анализа. Результатом данного анализа является когнитивная матрица, под которой понимается «система взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта» (Болдырев, 2009, с. 40). С позиции когнитивно-матричного подхода и на основе контент-анализа атрибутов информационной повестки по экологии региональных СМИ и соцмедиа авторами исследования была разработана когнитивная матрица, включа-

ющая категории и подразделы атрибутов, круг лексических единиц — вербальных маркеров, отражающих различные аспекты представления экологии. Категория рассматривалась как концептуальное объединение атрибутов (лексических единиц) на основе общего концепта.

Ключевая проблема исследования воздействия медиаповестки — это скрывание истинных реакций аудитории. В этой связи актуальным для изучения воздействия атрибутов информационной повестки становится применение технологии айтрекинга, которая позволяет фиксировать движения взгляда человека. Области интереса — атрибуты информационной повестки, изучаемые в данном исследовании, — выделяются на основе тепловых карт, которые демонстрируют, с помощью наложения цветового градиента на представленное изображение, статическое и динамическое объединение всех точек взгляда респондента. Они показывают, какие элементы стимула привлекли наибольшее внимание: теплые красные области соответствуют наибольшему интересу, желтые и зеленые области соответствуют низкому уровню интереса.

Выборка и методы

Достоверность данного исследования обеспечивается использованием комплекса методов (контент-анализ, когнитивно-матричный анализ, айтрекинг-анализ). Особое внимание было уделено применению айтрекинг-технологий, которые позволяют с помощью видеофиксации и тепловых карт осуществлять регистрацию движения глаз и определять степень концентрации внимания. Целью исследования стало изучение тематического и атрибутивного уровней информационной повестки, а также айтрекинг-анализ внимания молодежной аудитории к атрибутам.

Эмпирической базой исследования стали 13 сетевых СМИ и 6 городских сетевых сообществ (ГСС) сети «ВКонтакте» промышленных городов Челябинской области (Челябинск, Магнитогорск, Сатка, Озерск, Карабаш, Коркино). На основе сплошной выборки за 2022 г. было отобрано 715 материалов по экологии в следующих медиа:

1) сетевые издания: 74.ru, Комсомольская правда — Челябинск, 1obl.ru, АН «Доступ», Магнитогорский рабочий, Мгорск.ру, Вечерний Магнитогорск, Magcity74.ru, Новости Магнитогорска, Новости Озерска, Саткинский рабочий, Горняцкая правда, Карабашский рабочий;

2) ГСС: Наш Челябинск, Магнитка-Онлайн, Озерск каждый день, Говорит Сатка, Коркино и коркинцы, КАРАБАШ.

Данные медиатексты были систематизированы по 18 рубрикам и зарегистрированы в виде базы данных¹. Выборку респондентов составила

¹ МЭР: Медиатексты по экологии региона / Лободенко Л.К., Демченко А.И., Артюхин Е.В., Шестеркина Л.П., Матвеева И.Ю., Марфицына А.Р., Чуйдук А.А., Харитоновна О.Ю., Цырикова Н.П., Загоскин Е.С. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024620918, 28.02.2024. Заявка от 16.02.2024. <https://elibrary.ru/item.asp?id=64585116>

молодежная аудитория (102 человека 2003–2006 гг. р.)². Настоящее исследование можно обозначить как пилотное.

Результаты и обсуждение

В соответствии с поставленной целью исследования осуществлялся анализ информационной повестки СМИ и социальных медиа по экологии на двух уровнях (тематическом и атрибутивном), а далее проводился анализ внимания молодежной аудитории к атрибутам медиаповестки с использованием айтрекинговых технологий.

На первом этапе работы был осуществлен тематический анализ 715 медиатекстов по экологии СМИ и социальных медиа региона за 2022 г. Они были распределены по 18 рубрикам следующим образом: общие вопросы охраны окружающей среды – 228 ед. (21,47 %); теория и методы изучения охраны окружающей среды – 66 ед. (6,21 %); международное сотрудничество – 2 ед. (0,19 %); загрязнение окружающей среды – 146 ед. (13,75 %); загрязнение и охрана атмосферы – 139 ед. (13,09 %); загрязнение и охрана водных объектов – 113 ед. (10,64 %); охрана почв – 12 ед. (1,13 %); охрана недр – 1 ед. (0,09 %); экологические основы жизнедеятельности человека – 18 ед. (1,69 %); воздействие антропологических изменений окружающей среды на здоровье – 11 ед. (1,04 %); воздействие загрязнения окружающей среды на состояние природных экосистем, популяций и организмов растительного и животного мира – 11 ед. (1,04 %); охрана растительного и животного мира – 82 ед. (7,72 %); антропогенное воздействие на ландшафт – 37 ед. (3,48 %); заповедное дело – 14 ед. (1,32 %); стихийные бедствия и катастрофы антропогенного происхождения – 36 ед. (3,39 %); рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов – 6 ед. (0,56 %); управление отходами – 137 ед. (12,9 %); защита от шума, электрических и магнитных полей и излучений – 3 ед. (0,28 %).

Анализ информационной повестки показал, что наибольшее отражение (>50 %) нашли следующие проблемы: управление отходами, проблемы загрязнения атмосферы, загрязнения окружающей среды и водных объектов.

На втором этапе в ходе когнитивно-матричного анализа медиатекстов по экологии были выявлены 10 категорий атрибутов: 1) географические объекты, 2) среда обитания, 3) флора и фауна, 4) экологические проблемы, 5) способы решения экологических проблем, 6) экологические проекты, программы, мероприятия, гранты, 7) субъекты экологического процесса, 8) финансирование экологических проектов, 9) экологический

² Данная исследовательская аудитория относится к категории «цифровой», которая отличается по алгоритмам восприятия от аудитории «аналоговых взрослых» (см., напр.: Дунас, Варганов, 2020; Алгави и др., 2021; Медиапоколения цифровой цивилизации..., 2020; Волкова, Лазутова, 2013).

рейтинг/антирейтинг, 10) юридическая ответственность в области экологии. Каждая категория имеет вербальное оформление, представляющее ее атрибуты конкретными лексическими единицами и количественной репрезентацией (частота употребления атрибутов, ед.).

Выделение атрибутов осуществлялось на основе контент-анализа заголовков и лид-абзацев медиатекстов СМИ и соцмедиа региона. При этом операционализация атрибутивной значимости повестки осуществлялась путем выделения ключевых аспектов и подсчета частоты упоминаемости атрибутов (лексических единиц) с определенной частотой употребления (не менее трех раз). Рассмотрим особенности каждой категории, выделенных подразделов и атрибутов.

1. Категория «географические объекты». В системе атрибутивного уровня экоповестки она занимает центральное место, так как протекание экологических процессов связано с определенным локусом, с условиями конкретного пространства. Данная категория представлена 4 подразделами (40 атрибутов, 918 ед.): населенные пункты (*Магнитогорск, село Муслюмово*), административные единицы (*Челябинская область, Южный Урал*), искусственные сооружения и урбанистические объекты (*Шершневское водохранилище, парк им. Гагарина*), природные объекты (*река Миасс, озеро Тургояк*). Наиболее представленными оказались категория «населенные пункты» (332 ед.) и категория «административные единицы» (277 ед.).

Главным способом вербализации категории «географические объекты» представляется использование региональных топонимов (609 ед.). На долю лексемы *Челябинск* и *Челябинская область* приходится самое большое количество употреблений — 355 ед.

2. Категория «среда обитания». Это те условия, в которых рассматривается любой локус. В когнитивно-матричной структуре среды обитания выделяются 4 подраздела (11 атрибутов, 358 ед.): общее понятие (*экология, окружающая среда*), водная среда (*озеро, река, вода*), воздушная среда (*атмосфера, воздух*), почва (*земля*). По языковой представленности в контексте информационных материалов категории «общее понятие», «водная среда» значительно преобладают над категориями «воздушная среда», «почва».

3. Категория «флора и фауна». Растения и животные присутствуют в локусе, в среде обитания и включены в экологический процесс, являясь важным элементом содержания информационной повестки. Когнитивная матрица названного атрибута включает 2 подраздела (10 атрибутов, 187 ед.): растительный мир (*деревья, лес, трава* — 108 ед.), животный мир (*рыба, животные* — 58 ед.). В текстовом материале матрицу атрибута чаще репрезентируют лексемы, называющие представителей флоры. Стоит отметить лексическую ограниченность языковых единиц, представляющих оба подраздела. В тексте используются лексемы с самой широкой семантикой: *деревья, трава, животные, рыбы*.

4. Категория «экологические проблемы». Когнитивная матрица атрибута содержит 8 подразделов (50 атрибутов, 1 158 ед. употреблений): загрязнение атмосферы (*неблагоприятные метеорологические условия (НМУ), выбросы, смог, дым* и др. — 541 ед.); отходы (*мусор, отходы, свалка* и др. — 214 ед.); загрязнение водных объектов (*загрязнение воды, зеленые стоки* и др. — 69 ед.); стихийные бедствия; негативное воздействие на животный и растительный мир (*пожар, вырубка* и др. — 126 ед.); шум; радиация; загрязнение почвы.

Наиболее репрезентативной в количественном отношении является категория «загрязнение атмосферы», которая отражает экологические проблемы, связанные с загрязнением атмосферы предприятиями. Аббревиатура НМУ используется 158 раз из 541 упоминания языковых единиц.

Опираясь на языковую представленность категории «экологические проблемы», отмечаем частое обращение СМИ к проблемам экологии, подробное описание этих проблем, указание причин их возникновения.

5. Категория «способы решения экологической проблемы». Констатация и описание проблемы требуют ее решения, поэтому атрибут «способы решения экологической проблемы» — тоже важная составляющая атрибутивного уровня медиаповестки. Категория представлена 5 подразделами (32 атрибута, 287 ед.): охрана водных объектов (*очистка воды, обеззараживание воды*); охрана растительного мира (*субботник, озеленение*); охрана животного мира (*лесничество, вакцинация*); управление отходами (*раздельный сбор мусора, рекультивация свалки*); охрана атмосферы (*снижение выбросов, мониторинг воздуха*). По частотности использования языковых единиц все подразделы практически равнозначны.

6. Категория «экологические проекты, программы, мероприятия, гранты». В решении экологических проблем используют еще один механизм — это проекты, рассчитанные на устранение негативных проявлений экологических проблем и их предупреждение. Данная категория включает 4 подраздела (16 атрибутов, 88 ед.): национальные проекты, программы (*нацпроекты «Чистый воздух», «Чистая вода»*); региональные проекты, программы (*конкурс экологических проектов*); научные и образовательные проекты (*волонтерство, экологическая культура*); проекты предприятий, организаций (*модернизация производства*); форумы, фестивали (*экологический форум, фестиваль*). Рассмотренная категория атрибутов не имеет высокого частотного представления в текстах.

7. Категория «субъекты экологического процесса». Эту категорию можно рассматривать как обязательный элемент экологического процесса, влияющий на его протекание. Она находится на третьем месте по частотности вербальной маркировки. Категория «субъекты экологического процесса» содержит 2 подраздела (32 атрибута, 428 ед.): физические лица (*жители, челябинцы, ученые, эксперты*); юридические лица (правительственные структуры: *Минэкологии РФ, прокуратура*; предприятия: *ЧМК, ЧТПЗ*; организации: *Всемирный фонд дикой природы*). Статистические

данные говорят о том, что обозначение субъекта в региональных СМИ чаще происходит за счет использования наименований юридических лиц – всего 210 ед. употреблений. Можно отметить, что ответственность за протекание экологического процесса региональные медиа делят поровну между субъектами.

8. Категория «финансирование экологических проектов». Когнитивная матрица содержит 5 атрибутов (23 ед.), которые уточняют характер источника и объемы финансирования. Названные категории реализуются языковыми единицами *строительство станции, рекультивация, субсидия*.

9. Категория «экологический рейтинг/антирейтинг». Названный атрибут в структуре когнитивной матрицы содержит категории международного или национального рейтинга/антирейтинга. Языковое выражение категорий атрибута в тексте малочисленно – всего 13 употреблений.

10. Категория «юридическая ответственность в области экологии». Названный атрибут в матрице включает 2 подраздела (8 атрибутов, 51 ед.): административная ответственность, уголовная ответственность. В медиатекстах категория представлена языковыми единицами *штраф, задержали, осудили* и др.

Всего в СМИ и социальных медиа региона проанализировано по 10 категориям 3 511 ед. употреблений атрибутов. Когнитивно-матричный анализ показал, что наибольшее количество подразделов и употреблений получила категория «Экологические проблемы», что составляет 33 %.

На третьем этапе в ходе айтрекингового исследования и анализа областей интереса молодежи к медиатекстам на основе тепловых карт по категориям были определены атрибуты, привлечшие наибольшее внимание респондентов, среди них:

1) географические объекты: *населенные пункты (Челябинск, Магнитогорск, село Муслумово); административные единицы (Челябинская область, Южный Урал)* и др.

2) среда обитания: *экология; экология города* и др.

3) флора и фауна: *деревья; птицы; насекомые* и др.

4) экологические проблемы: *НМУ; смог; неприятный запах; мусор* и т.п.

5) способы решения проблемы: *высадка деревьев; утилизация отходов; рекультивация свалок* и т.п.

6) экологические проекты, программы: *нацпроект «Экология»; ЧМК проводит акцию* и др.

7) субъекты экологического процесса: *должности (глава Роспотребнадзора, министр Минэкологии); ФИО представителей власти; официальные названия организаций, надзорных органов (Минэкологии, Минприроды и т.п.); волонтеры* и др.

8) финансирование экологических проектов: *на рекультивацию направят три млрд руб.* и др.

9) экологические рейтинг/антирейтинги: *аутсайдер экорейтинга; 80-е место из 85* и др.

10) юридическая ответственность в области экологии: *ущерб 107 млн руб.; задержали браконьеров; возбуждено уголовное дело* и др.

Как показал анализ тепловых карт, аудитория достаточно активно концентрирует внимание на выделенных атрибутах в заголовках и лиде-абзацах, что представлено на рис. 2–5.

Рис. 2. Тепловая карта статьи 1 (1obl.ru, 28.01.2022)
Figure 2. Heat map of article 1 (1obl.ru, 28.01.2022)

Рис. 3. Тепловая карта статьи 2 (74.ru, 21.01.2022)
Figure 3. Heat map of article 2 (74.ru, 21.01.2022)

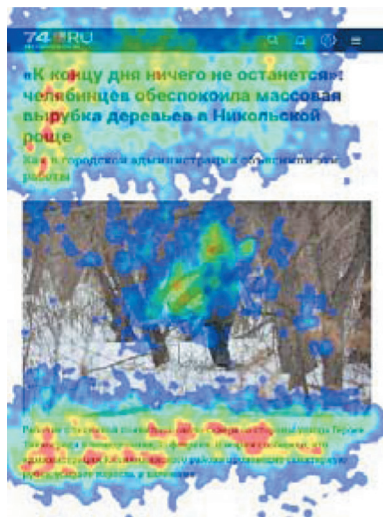

Рис. 4. Тепловая карта статьи 4 (74.ru, 23.01.2022)
Figure 4. Heat map of article 4 (74.ru, 23.01.2022)

Рис. 5. Тепловая карта статьи 3 (Областное телевидение, 13.07.2022)
Figure 5. Heat map of article 3 (obltv.ru, 13.07.2022)

Анализ информационной повестки СМИ и социальных медиа по экологии региона на двух уровнях (тематическом и атрибутивном), а также айтрекинг-анализ внимания молодежной аудитории к атрибутам медиа-

повестки позволил выделить наиболее освещаемые проблемы и категории атрибутов. В свою очередь, тепловые карты айттрекинг-анализа медиатекстов показали, что выделенные категории атрибутов попадают в области интереса молодежной аудитории.

Заключение

В условиях развития цифрового медиапространства экологический имидж региона во многом зависит от того, какая информация представляется СМИ и социальными медиа в информационной повестке дня на тематическом и атрибутивном уровнях. Анализ тематики информационной повестки по экологии, представленной в материалах региональных медиа (715 ед.), с применением контент-анализа показал, что наибольшее отражение (>50 %) нашли следующие проблемы: управление отходами, проблемы загрязнения атмосферы, загрязнения окружающей среды и водных объектов. Минимально представлена информация об успешных экологических практиках. В свою очередь, когнитивно-матричный анализ атрибутивного уровня экологической информационной повестки позволил выделить 10 категорий, среди которых атрибуты, называющие место действия, среду обитания, растительный и животный мир, характеризующие экологические проблемы, способы решения этих проблем, определяющие субъектов экологического процесса, особенности финансирования экологических проектов, экологический рейтинг и юридическую ответственность в области экологии. Каждая категория медиаповестки имеет свою когнитивно-матричную структуру и набор наиболее часто употребляемых атрибутов. Самой частотной в количественном языковом выражении стала категория «экологические проблемы», что негативно отражается на экологическом имидже региона. Признание экологической проблематики одним из приоритетов информационной повестки, повышение качества ее освещения в СМИ будет способствовать формированию адекватного экологического имиджа региона и политики в данной сфере, вовлечению граждан в процессы принятия экологически значимых решений.

Список литературы

- Алгави Л.О., Волкова И.И., Кадырова Ш.Н., Расторгуева Н.Е. Сетевое литературное творчество молодежи как ключ к пониманию поколения Z // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 3. С. 3–21. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2021.321>
- Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка / ред. серии Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. IV: Концептуализация мира в языке. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 25–78.
- Важенина И.С. Имидж и репутация территории как основа продвижения в конкурентной среде // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 6. С. 49–57.

- Волкова И.И., Лазутова Н.М. Этическое и игровое в установках коммуникаторов разных поколений // Европейский журнал социальных наук. 2013. № 11-1 (38). С. 285–290.
- Дунас Д.В., Вартанов С.А. Молодежный сегмент аудитории СМИ: теоретические подходы отечественных медиаисследователей // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 1. С. 106–122. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9\(1\).106-122](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(1).106-122)
- Каминченко Д.И. Взаимодействие средств массовой информации и общества: анализ информационных повесток дня // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. Т. 39. № 4. С. 533–544. <https://doi.org/10.18413/2712-7451-2020-39-4-533-544>
- Каминченко Д.И. Сравнительный анализ информационной повестки дня средств массовой информации и современных социальных медиа // Медиаскоп. 2019. № 4. <https://doi.org/10.30547/mediascope.4.2019.3>
- Мамонов М.В. Роль политических субъектов в формировании приоритетов межличностной «повестки дня» россиян // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4. № 3. С. 97–105.
- Медиапоколения цифровой цивилизации: медиахронотоп, архетипы и ценностные доминанты / под ред. Л.П. Шестеркиной, Л.К. Лободенко // Медиакоммуникации и интернет-маркетинг в условиях цифровой цивилизации. Челябинск: Изд. центр Южно-Уральского государственного университета, 2020. С. 55–80.
- Alkazemi M.F., Wanta W. The effect of oil prices on the media agenda: A model of agenda building // Newspaper Research Journal. 2018. Vol. 39. No. 2. P. 232–244. <https://doi.org/10.1177/0739532918775655>
- Geiß S. A matter of perspective? The impact of analysis configurations on testing the agenda-setting hypothesis // Media and Communication. 2022. Vol. 10. No. 3. P. 118–132. <https://doi.org/10.17645/mac.v10i3.5375>
- Golan G., Wanta W. Second-level agenda setting in the New Hampshire primary: A comparison of coverage in three newspapers and public perceptions of candidates // Journalism and Mass Communication Quarterly. 2001. No. 78. P. 247–259.
- Hao X. Analysis of the characteristics of agenda setting theory in the new media era // Journal of Humanities and Social Sciences Studies. 2022. Vol. 4. No. 3. P. 213–216. <https://doi.org/10.32996/jhss.2022.4.3.21>
- Kim S.-H., Han M., Choi D.-H., Kim J.-N. Attribute agenda setting, priming and the media's influence on how to think about a controversial issue // International Communication Gazette. 2012. Vol. 74. Issue 1. P. 43–59. <https://doi.org/10.1177/1748048511426991>
- King P. The press, candidate images, and voter perceptions / McCombs M.E., Shaw D.L., Weaver D.H. (eds.) // Communication and Democracy: Exploring the intellectual frontiers in agenda-setting theory. New York: Routledge, 1997. P. 29–40.
- Kosicki G. Problems and opportunities in agenda-setting research // Journal of Communication. 1993. Vol. 43. Issue 2. P. 100–127. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01265.x>
- Lobodenko L., Shesterkina L., Cheredniakova A., Perevozova O., Kharitonova O. Perception of environmental information materials by youth audiences: Results of a neuromarketing study // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2022. No. 3. P. 5–44. <https://doi.org/10.30547/worldofmedia.3.2022.1>
- McCombs M., Evatt D. Los temas y los aspectos: Explorando una nueva dimension de la agenda setting // Comunicacion y Sociedad. 1995. Vol. 8. No. 1. P. 7–32.
- McCombs M.E., Shaw D.L. The agenda-setting function of the mass media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. Issue 2. P. 176–187. <https://doi.org/10.1086/267990>
- Minooie M., Taylor J., Vargo C.J. Agendamelding and COVID-19: the dance of horizontal and vertical media in a pandemic // Frontiers in Political Science. 2023. Vol. 5. <https://doi.org/10.3389/fpos.2023.1021855>

- Östman J. The influence of media use on environmental engagement: A political socialization approach // *Environmental communication*. 2014. Vol. 8. Issue 1. P. 92–109. <https://doi.org/10.1080/17524032.2013.846271>
- Rodríguez-Díaz R., McCombs M. Personal agenda-public agenda congruency: A contingent condition for agenda-setting effects // *Communication & Society*. 2023. Vol. 36. No. 4. P. 191–212. <https://doi.org/10.15581/003.36.4.191-212>
- Rogers E.M., Dearing J.W. Agenda-setting research: Where has it been, where is it going? // *Annals of the International Communication Association*. 1988. Vol. 11. Issue 1: *Communication Yearbook* 11. P. 555–594.
- Scheufele D.A. Agenda-setting, priming, and framing revisited: Another look at cognitive effects of political communication // *Mass Communication and Society*. 2000. Vol. 3. Issue 2–3. P. 297–316.
- Son Y.J., Weaver D.H. Another look at what moves public opinion: Media agenda setting and polls in the 2000 U.S. election // *International Journal of Public Opinion Research*. 2005. Vol. 18. Issue 2. P. 174–197.
- Su Y., Xiao, X. Intermedia attribute agenda setting between the U.S. mainstream newspapers and Twitter: A two-study analysis of the paradigm and driving forces of the agenda flow // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2024. Vol. 101. Issue 2. P. 451–476. <https://doi.org/10.1177/10776990231221150>
- Weaver D.H. Thoughts on agenda setting, framing, and priming // *Journal of Communication*. 2007. Vol. 57. Issue 1. P. 142–147.
- Yousaf M., Hu Z., Raza S.H. News media exposure and community consensus on terrorism in a developing country: First and second level agenda-setting effects // *Media Watch*. 2023. Vol. 14. Issue 1. P. 33–57. <https://doi.org/10.1177/09760911221130818>

References

- Algavi, L.O., Volkova, I.I., Kadyrova, Sh.N., & Rastorgueva, N.E. (2021). Youth literary networks as a key to understanding generation Z. *Bulletin of Moscow University (Series 10. Journalism)*, 3, 3–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2021.321>
- Alkazemi, M.F., & Wanta, W. (2018). The effect of oil prices on the media agenda: A model of agenda building. *Newspaper Research Journal*, 39(2), 232–244. <https://doi.org/10.1177/0739532918775655>
- Boldyrev, N.N. (2009). Conceptual basis of language. In: Kubryakova E.S. (ed.) *Cognitive studies of language*. Vol. 4: Conceptualization of the world in language. Tambov: Derzhavin Tambov State University Publ. House. P. 25–78. (In Russ.)
- Dunas, D.V., & Vartanov, S.A. (2020). Youth as media audience: theoretical approaches in Russian media studies. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 9(1), 106–122. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9\(1\).106-122](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(1).106-122)
- Geiß, S. (2022). A matter of perspective? The impact of analysis configurations on testing the agenda-setting hypothesis. *Media and Communication*, 10(3), 118–132. <https://doi.org/10.17645/mac.v10i3.5375>
- Golan, G., & Wanta, W. (2001). Second-level agenda setting in the New Hampshire primary: A comparison of coverage in three newspapers and public perceptions of candidates. *Journalism and Mass Communication Quarterly*, 78, 247–259.
- Hao, X. (2022). Analysis of the characteristics of agenda setting theory in the new media era. *Journal of Humanities and Social Sciences Studies*, 4(3), 213–216. <https://doi.org/10.32996/jhss.2022.4.3.21>
- Kaminchenko, D.I. (2019). Comparative analysis of the information agenda of the mass media and modern social media. *Mediascope*, 4. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/mediascope.4.2019.3>

- Kaminchenko, D.I. (2020). Interaction of mass media and society: agenda analysis. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 39(4), 533–544. (In Russ.) <https://doi.org/10.18413/2712-7451-2020-39-4-533-544>
- Kim, S.-H., Han, M., Choi, D.-H., & Kim, J.-N. (2012). Attribute agenda setting, priming and the media's influence on how to think about a controversial issue. *International Communication Gazette*, 74(1), 43–59. <https://doi.org/10.1177/1748048511426991>
- King, P. (1997). The press, candidate images, and voter perceptions. In: McCombs M.E., Shaw D.L., Weaver D.H. (eds.) *Communication and Democracy: Exploring the intellectual frontiers in agenda-setting theory*. New York: Routledge. P. 29–40.
- Kosicki, G. (1993). Problems and opportunities in agenda-setting research. *Journal of Communication*, 43(2), 100–127. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01265.x>
- Lobodenko, L., Shesterkina, L., Cheredniakova, A., Perevozova, O., & Kharitonova, O. (2022). Perception of environmental information materials by youth audiences: Results of a neuromarketing study. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 3, 5–44. <https://doi.org/10.30547/worldofmedia.3.2022.1>
- Mamonov, M.V. (2008). The role of political actors in shaping the priorities of the interpersonal “agenda” of Russians. *Political expertise: POLITEX*, 4(3), 97–105. (In Russ.)
- McCombs, M., & Evatt, D. (1995). Los temas y los aspectos: Explorando una nueva dimension de la agenda setting. *Comunicacion y Sociedad*, 8(1). P. 7–32.
- McCombs, M.E., & Shaw, D.L. (1972). The agenda-setting function of the mass media. *Public Opinion Quarterly*, 36(2), 176–187. <https://doi.org/10.1086/267990>
- Media generations of digital civilization: mediachronotop, archetypes and value dominants. (2020). In: Shesterkina L.P., Lobodenko L.K. (eds.) *Media communications and internet marketing in the conditions of the digital civilization*. Chelyabinsk: South Ural State University. P. 55–80. (In Russ.)
- Minooie, M., Taylor, J., & Vargo, C.J. (2023). Agendamelding and COVID-19: the dance of horizontal and vertical media in a pandemic. *Frontiers in Political Science*, 5. <https://doi.org/10.3389/fpos.2023.1021855>
- Östman, J. (2014). The influence of media use on environmental engagement: A political socialization approach. *Environmental Communication*, 8(1), 92–109. <https://doi.org/10.1080/17524032.2013.846271>
- Rodríguez-Díaz, R., & McCombs, M. (2023). Personal agenda-public agenda congruency: A contingent condition for agenda-setting effects. *Communication & Society*, 36(4), 191–212. <https://doi.org/10.15581/003.36.4.191-212>
- Rogers, E.M., & Dearing, J.W. (1988). Agenda-setting research: Where has it been, where is it going? *Annals of the International Communication Association*, 11 (Issue 1: Communication Yearbook 11), 555–594. <https://doi.org/10.1080/23808985.1988.11678708>
- Scheufele, D.A. (2000). Agenda-setting, priming, and framing revisited: Another look at cognitive effects of political communication. *Mass Communication and Society*, 3(2), 297–316. https://doi.org/10.1207/S15327825MCS0323_07
- Son, Y.J., & Weaver, D.H. (2005). Another look at what moves public opinion: Media agenda setting and polls in the 2000 U.S. election. *International Journal of Public Opinion Research*, 18(2), 174–197. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edh090>
- Su, Y., & Xiao, X. (2024). Intermedia attribute agenda setting between the U.S. mainstream newspapers and Twitter: A two-study analysis of the paradigm and driving forces of the agenda flow. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 101(2), 451–476. <https://doi.org/10.1177/10776990231221150>
- Vazhenina, I.S. (2006). Image and reputation of the territory as a basis for promotion in a competitive environment. *Marketing in Russia and Abroad*, 6, 49–57. (In Russ.)
- Volkova, I.I., & Lazutova, N.M. (2013). Ethical and playful in the attitudes of communicators of different generations. *European Journal of Social Sciences*, 11-1(38), 285–290. (In Russ.)

- Weaver, D.H. (2007). Thoughts on agenda setting, framing, and priming. *Journal of Communication*, 57(1), 142–147. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2006.00333.x>
- Yousaf, M., Hu, Z., & Raza, S.H. (2023). News media exposure and community consensus on terrorism in a developing country: First and second level agenda-setting effects. *Media Watch*, 14(1), 33–57. <https://doi.org/10.1177/09760911221130818>

Сведения об авторах:

Лободенко Лидия Камиловна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный университет, Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76. ORCID: 0000-0002-0809-1686. E-mail: lobodenkolk@susu.ru

Череднякова Анна Борисовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный университет, Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76. ORCID: 0000-0002-5681-8800. E-mail: cheredniakovaab@susu.ru

Корнилова Лариса Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный университет, Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76. ORCID: 0000-0002-0316-5965. E-mail: kornilovaln@susu.ru

Марфицына Арина Родионовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный университет, Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76. ORCID: 0000-0002-7174-1442. E-mail: marfitycynaar@susu.ru

Bio notes:

Lidia K. Lobodenko, Doctor of Philology, Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Institute of Media, Social Sciences and Humanities, South Ural State University, 76 Lenina Prospect, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0809-1686. E-mail: lobodenkolk@susu.ru

Anna B. Cherednyakova, Doctor of Pedagogy, Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Institute of Media, Social Sciences and Humanities, South Ural State University, 76 Lenina Prospect, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5681-8800. E-mail: cheredniakovaab@susu.ru

Larisa N. Kornilova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Institute of Media, Social Sciences and Humanities, South Ural State University, 76 Lenina Prospect, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0316-5965. E-mail: kornilovaln@susu.ru

Arina R. Marfitycyna, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Institute of Media, Social Sciences and Humanities, South Ural State University, 76 Lenina Prospect, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7174-1442. E-mail: marfitycynaar@susu.ru

МЕДИАПОЛИТИКА

MEDIA POLICY

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-593-611

EDN: GICACA

УДК 327

Научная статья / Research article

Анализ текстов о спорном статусе Тайваня, созданных языковой моделью ChatGPT

А.Ю. Петухов^{1,2}, Д.И. Каминченко^{2,3}✉

¹Московский государственный университет имени им. М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

²Университет «Неймарк», Нижний Новгород, Российская Федерация

³Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний
Новгород, Российская Федерация

✉dmitkam@inbox.ru

Аннотация. Технологии искусственного интеллекта становятся все более распространенными в современном обществе. Не остается в стороне и сфера политики, где также рассматриваются и начинают применяться указанные технологии. Цель авторов – выявить особенности презентации текстов, генерируемых одним из наиболее популярных онлайн-сервисов, нейросетью ChatGPT, по конкретным ключевым текстовым запросам. Запросы связаны с двумя подходами к проблематике политического статуса Тайваня: как части Китайской Народной Республики или как независимого и суверенного территориального образования. В качестве базовых методов использованы контент-анализ количественного типа и фрейм-анализ. Информационный массив данных составили результаты, полученные по итогам двух текстовых запросов: «Taiwan as an independent entity in...» и «Taiwan as part of China in...» по четырем временным точкам (2010, 2015, 2020 и 2023 гг.), выбранным на основании принципа равной удаленности и периода проведения исследования (2023 г.). Общее количество слов для анализа – 1402. В результате исследования установлено, что по текстовому запросу, напрямую связанному с независимым и суверенным политическим статусом Тайваня, искусственный интеллект генерирует тексты большего объема, чем по текстовому запросу, относящемуся к утверждению о его территориальной принадлежности КНР. С точки зрения символических слов/выражений-маркеров, свидетельствующих о том или ином подходе к указанной политической проблематике, в генерируемом искусственным интеллектом контенте выявлено два момента. Первый – абсолютное преимущество слов/выражений-маркеров,

© Петухов А.Ю., Каминченко Д.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

символически отражающих идею о независимом и суверенном политическом статусе Тайваня, второй – минимизация слов/выражений-маркеров, отражающих территориальную принадлежности Тайваня КНР. Обозначены возможные причины подобного распределения частоты появления в информационном массиве указанных слов/выражений-маркеров. Установлено наличие во всем информационном массиве как минимум трех распространенных фреймов, которые обозначены следующим образом: «Independent entity», «The part of China», «Tensions and confrontation».

Ключевые слова: ChatGPT, языковые модели, нейронные сети, искусственный интеллект, Тайвань, контент-анализ, Китайская Народная Республика

Вклад авторов. *А.Ю. Петухов* – разработка идеи исследования, анализ данных, написание и редактирование рукописи. *Д.И. Каминченко* – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18 июня 2024 г.; отрецензирована 1 июля 2024 г.; принята к публикации 12 июля 2024 г.

Для цитирования: *Петухов А.Ю., Каминченко Д.И.* Анализ текстов о спорном статусе Тайваня, созданных языковой моделью ChatGPT // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 593–611. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-593-611>

Analysis of ChatGPT-generated texts on Taiwan's disputed status

Aleksandr Yu. Petukhov^{1,2}, Dmitriy I. Kaminchenko^{2,3}

¹*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

²*Neimark University, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

³*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

 dmitkam@inbox.ru

Abstract. Artificial intelligence technologies are gradually becoming more common in modern society. The political sphere is not left aside, where these technologies are also being considered and are beginning to be applied. The purpose of this research is to identify the features of the presentation of texts generated by one of the most popular online services, neural network ChatGPT, for key text queries associated with two approaches to the issue of the political status of Taiwan: considering Taiwan as part of the Chinese People's Republic or as an independent and sovereign territorial entity. Quantitative content analysis and frame analysis are used as basic methods. The information array of data consists of the results obtained from two text queries: "Taiwan as an independent entity in..." and "Taiwan as part of China in..." for four time points (2010, 2015, 2020 and 2023), selected based on the principle of equal distance and the period of the study (2023). The total number of words for analysis was 1402. The study found that for a text query directly related to the independent and sovereign political status of Taiwan, artificial intelligence generates larger texts than for a text query related to the statement of its territorial affiliation with the PRC. From the point

of view of symbolic words/expressions-markers, indicating a particular approach to the specified political issues, the content generated by artificial intelligence revealed the absolute advantage of words/expressions-markers, symbolically reflecting the idea of the independent and sovereign political status of Taiwan, and not its territorial affiliation with the PRC. Possible reasons for such a distribution of the frequency of occurrence of the specified words/expressions of markers in the information array are indicated. The presence of at least three common frames in the entire information array has been established, which are designated as follows: “Independent entity”, “The part of China” and “Tensions and confrontation”.

Key words: ChatGPT, language models, neural networks, artificial intelligence, Taiwan, content analysis, People’s Republic of China

Author’s contribution. *Aleksandr Yu. Petukhov* – development of the research idea, data analysis, manuscript writing and editing. *Dmitry I. Kaminchenko* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 18, 2024; revised July 1, 2024; accepted July 12, 2024.

For citation: Petukhov, A.Yu., & Kaminchenko, D.I. (2024). Analysis of ChatGPT-generated texts on Taiwan’s disputed status. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 593–611. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-593-611>

Введение

Технологии искусственного интеллекта активно внедряются в различные сферы общественного функционирования. Инструменты, генерирующие из огромного массива данных тексты и фотоизображения, становятся крайне популярными среди разных представителей общества. Один из наиболее известных из них – ChatGPT. Однако параллельно стали появляться и множественные аналоги, в том числе российские, например, YandexGPT, встроенный в голосовой помощник «Алиса», GigaChat – российский аналог ChatGPT от «Сбера» и другие.

Появление подобных инструментов, во многом обусловленное развитием технологий и алгоритмов, основанных на нейронных сетях, инициировало большое количество вопросов. Действительно, языковые модели могут существенно облегчить решение ряда задач, но при этом и создать характерные проблемы, в том числе – непредвзятости информации, выдаваемой с помощью подобных алгоритмов (Одноконный, Рогач, 2023; Baum, Villasenor, 2023). Ведь данные инструменты используются не только для относительно нейтральных запросов, например, поиска информации о конкретном животном или географическом объекте, но также и о куда более субъективных вещах¹.

Для большинства людей такой вопрос может показаться странным, так как сбор и обработку данных осуществляет алгоритм, не обладающий

¹ ChatGPT breaks its own rules on political messages // The Washington Post. August 28, 2023. <https://www.washingtonpost.com/technology/2023/08/28/ai-2024-election-campaigns-disinformation-ads/>

(чего напрасно опасаются некоторые группы граждан) собственным самосознанием и мнением (Беляков, Максименко, 2023). Однако, очевидно, что содержание текстов будет зависеть от двух основных факторов:

- специфика алгоритма и его настройка, на которой основан инструмент (т. е. придает ли он бóльшее значение тем или иным источникам, отдельным маркерам, словам, позициям и т. д.);

- массив текста, используемый для обработки и обучения (насколько он широк, включает ли в себя достаточное количество источников с различными позициями и т. д.).

Очевидно, что даже без специализированной подстройки алгоритмов, если использовать в качестве массива данных исключительно, допустим, западноевропейские источники информации (СМИ, базы данных, государственные сайты), то результат запроса на их основе будет кардинально отличаться от результата при преимущественном использовании ресурсов Китая, России или стран арабского мира. Это связано с разной интерпретацией фактов, трактовок, элементов пропаганды, культурных различий и многого другого (Subbotkin, 2017; Lidgren, 2019; Петухов и др., 2023).

Результаты генерации подобных инструментов уже используются при написании статей в СМИ, анализе исторических данных, в том числе исследователями, а не только рядовыми пользователями. Скорее всего, частота использования будет расти, а, следовательно, с помощью обозначенных инструментов возрастет и масштаб влияния со стороны различных субъектов политики на политические взгляды индивидов, их культурную и национальную идентичность и т. д.

Кроме того, ввиду общей специфики и архитектуры алгоритмов, ChatGPT, по сути, должен являться неким общим «сумматором» накопленных массивов данных в сети Интернет по запрошенной тематике, т. е. по результатам генерации текстов можно также делать осторожный вывод об общих тенденциях в мировых СМИ, базах данных, некоторых социальных сетях.

Указанные аспекты на данный момент не были проанализированы в достаточной мере: на момент написания статьи в международных базах цитирования практически отсутствуют исследования, посвященные выбранной тематике. Безусловно, это в большей степени связано с крайне быстрым развитием технологий и специфическими задержками с публикацией исследований и их проведением.

Данная работа направлена на изучение специфики генерируемых текстов по конкретной проблематике (политический статус Тайваня в современном мире) одним из подобных ресурсов — ChatGPT. Вопрос политического статуса выбран не случайно: это весьма значимая геополитическая проблема, которая характеризуется наличием двух непримиримых сторон, возможностью перерастания в военный конфликт, а также высокой значимостью всех сторон для мировой экономики и политики (Chou,

2018). Актуальность данной темы отражается и в сохраняющемся в последние годы интересе к ее рассмотрению в научном сообществе (Конуров, 2020; Дикарев, Лукин, 2021; Гудев, Мишин, 2022; Пузыня, 2022; Фадеева, 2023).

Цель исследования заключается в выявлении особенностей презентации соответствующих текстов по ключевым текстовым запросам, связанным с двумя подходами к проблематике работы: рассмотрению Тайваня как части Китайской Народной Республики или как независимого и суверенного территориального образования.

Методы и материалы

Подбор исследовательских методов и порядок их применения обусловлены основной целью работы. В качестве базовых методов используются контент-анализ количественного типа и фрейм-анализ. Количественный контент-анализ «может быть представлен как систематизированное изучение содержания письменного или устного текста с фиксацией наиболее часто повторяющихся в нем словосочетаний или сюжетов» (Боришполец, 2012, с. 62). Такой анализ позволит выявить наличие/отсутствие ключевых слов-маркеров, содержащих в себе символическую коннотацию применительно к выбранной проблематике и частоту их использования. В данном случае целесообразно прибегнуть к ненаправленному контент-анализу, который позволит выявить подобные слова-маркеры непосредственно в ходе проведения самого текстового анализа.

Особое внимание должно быть уделено сбору и формированию информационного массива данных, так как необходимо подобрать поисковый текстовый запрос, релевантный двум подходам к проблематике политического статуса Тайваня. В состав текстового запроса должны быть включены как минимум две части: содержательно-смысловая и временная.

Первая будет по характерным маркерам определять позицию, доминирующую в конкретном текстовом результате информационного запроса (содержащую позиционирование Тайваня как независимого государства (Жук, 2023) или нет). Вторая часть, временная, будет включать конкретный год, чтобы можно было отследить динамику результата и минимизировать шанс ошибки за счет выборки (например, если случайным образом в какой-то период времени одна из точек зрения аномально превалировала).

В результате, после проверки различных вариантов, были сформулированы два шаблона текстовых запросов:

- «Taiwan as an independent entity in...»;
- «Taiwan as part of China in...».

За основу были взяты четыре временных точки: 2010, 2015, 2020 и 2023 гг. Итоговые текстовые запросы выглядели следующим образом: «Taiwan as an independent entity in 2010», «Taiwan as part of China in 2010»

и т. п. Временные точки выбраны на основе принципа равноудаленности: они включают в себя одинаковые интервалы, за исключением 2023 г. (год проведения исследования). По ходу работы выяснилось, что алгоритмы инструмента позволяют генерировать тексты за период до 2021 г. В случае текстов, датированных более поздними годами, ситуация сложнее. Они представляют собой некие прогнозы, формируемые искусственным интеллектом. Возможно, это результат смещения годов исследований, т. е. алгоритмы могут выбрать текст 2022 г. для анализа по 2010 г. (так как в нем писалось о ситуации в 2010 г.) или же текст 2010 г. для анализа по 2022 г. (так как в нем содержался прогноз на 2022 г.). Конечно, это несколько размывает временные границы и точность динамики, но, поскольку основная цель исследования иная, данные искажения не снижают релевантности выводов.

Проведение контент-анализа позволит установить количество слов-маркеров, представленных в генерируемых ИИ текстах, а сравнительный анализ по разным годам даст возможность отследить динамику изменения представленности конкретных слов и специфики выражаемого с их помощью смысла.

Важную роль в проведении текущего исследования играет и применение метода фрейм-анализа. Термин «фрейм», как пишет В.С. Вахштайн², является собирательным обозначением контекста» (Вахштайн³, 2011, с.41). В научных исследованиях встречаются разнообразные примеры взаимодействия указанного метода. В частности, Н. Раушер и М. Шефер в одной из своих недавних работ на примере анализа избирательной кампании Э. Уоррен, участницы праймериз Демократической партии США 2019–2020 гг., рассматривают вопрос о том, какие нарративы о неравенстве используются в (прогрессивном) политическом дискурсе в Соединенных Штатах («(progressiven) politischen Diskurs der Vereinigten Staaten») и как они передаются и оцениваются с использованием фреймов (Rauscher, Schäfer, 2022).

Применение фрейм-анализа в текущей работе позволит выделить конкретные символическо-смысловые/тематические единицы-фреймы и определить их популярность в текстах, полученных по различным запросам. Естественно, часть установленных фреймов будет в некоторой степени перекликаться со сформированными текстовыми запросами для ChatGPT, но их выделение является крайне важным с точки зрения популярности и наличия/отсутствия преобладания одного из двух подходов к обозначенной проблематике. В свою очередь, информация о выявленных фреймах будет дополнена конкретными словами, словосочетаниями и выражениями, подкрепляющих тот или иной фрейм.

² Внесен Министерством юстиции РФ в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

³ Внесен Министерством юстиции РФ в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

Результаты и обсуждение

Информационный массив данных составил шесть сгенерированных искусственным интеллектом текстов по обозначенным текстовым запросам, общее количество слов для анализа – 1402. Распределение общего объема слов по годам и разным текстовым запросам отображено на рис. 1.

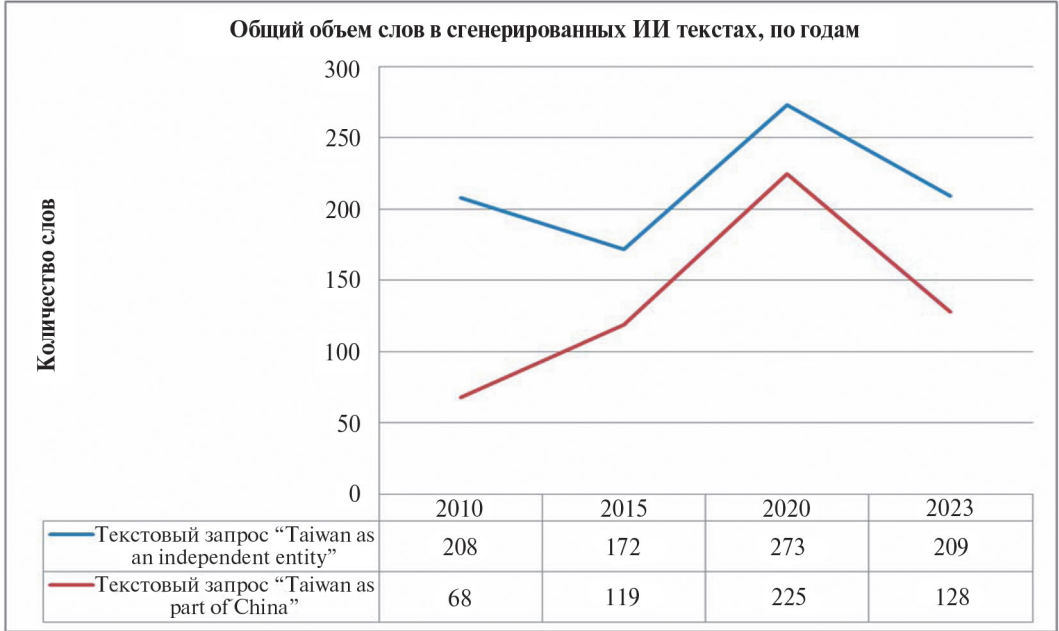

Рис. 1. Общий объем слов в сгенерированных ИИ текстах, по годам

Источник: составлено авторами на основе данных ChatGPT

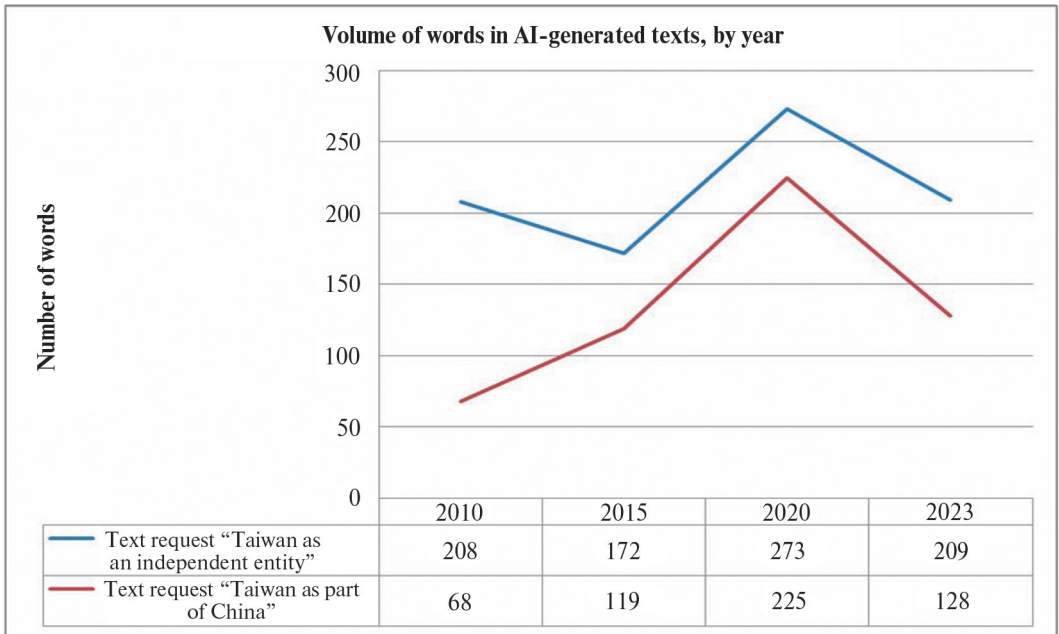

Figure 1. Volume of words in AI-generated texts, by year

Source: compiled by the authors based on ChatGPT data.

Уточним, что формулировки текстовых запросов различаются в зависимости от года своей временной составляющей, например, за 2010 г. использовался такой запрос, как «Taiwan as part of China in 2010», а за 2015 — «Taiwan as part of China in 2015» и т. п. Согласно данным таблицы, по запросу «Taiwan as an independent entity» ИИ генерирует тексты большего объема, чем по запросу «Taiwan as part of China».

Максимальный по объему текст по запросу «Taiwan as an independent entity» генерируется ИИ в 2020 г., минимальный — в 2015 г. Максимальный по объему текст по запросу «Taiwan as part of China» генерируется ИИ также в 2020 г., а минимальный — в 2010 г.

Линии тренда практически параллельны в случае двух текстовых запросов в два периода: с 2015 по 2020 г. и с 2020 по 2023 г. В период с 2010 по 2015 г. наблюдается обратное изменение обеих линий (изменение объема слов сгенерированных текстов).

Проводя контент-анализ, мы выделили слова-маркеры, использование которых в представленном в информационном массиве контексте говорит либо о независимости и суверенитете Тайваня как территориальной единицы, либо как о части КНР (Сунь, 2018; Шаров, 2018). В первом случае речь идет о следующих словах/выражениях-маркерах: «independent», «own», «international», «state», «diplomatic», «separate», «country», «nation», «foreign», «Republic of China», «sovereign», «Chinese Teipei», «WTO», «UN». Всего в сгенерированных текстах по обоим типам запросов и во все годы (в соответствующем смысловом контексте) данные слова использовались ИИ 88 раз. Во втором случае речь идет о таких словах/выражениях-маркерах, как: «part/province of its/China territory», «sovereignty», «control», «One China Policy», «representative of China». Всего в сгенерированных текстах по обоим типам запросов и во все годы (в соответствующем смысловом контексте) данные слова использовались ИИ 18 раз. Распределение частоты слов/выражений-маркеров по обоим типам запросов по разным годам представлено на рис. 2.

Как видно из диаграммы и таблицы, ИИ намного чаще генерирует слова/выражения-маркеры, которые говорят о независимом и суверенном статусе Тайваня как территориальной единицы, чем как о части КНР, причем наблюдается нелинейная динамика изменения по годам с пиковым значением в 2020 г. и с минимальным значением в 2023 г. Частота встречаемости слов/выражений-маркеров, отражающих территориальную принадлежность Китаю, оказалась одинаковой на протяжении сразу трех временных промежутков, и только в 2023 г. обозначенные слова используются значительно меньшее количество раз. Распределение конкретных слов/выражений-маркеров по обозначенным текстовым запросам по годам представлено на рис. 3.

В случае со словами/выражениями-маркерами, отражающими независимый и суверенный статус Тайваня, наблюдается более активное их генерирование в текстах по запросам «Taiwan as an independent entity», чем

Рис. 2. Общее количество слов/выражений-маркеров в сгенерированных ИИ текстах по запросам обоих типов, по годам

Источник: составлено авторами на основе данных ChatGPT.

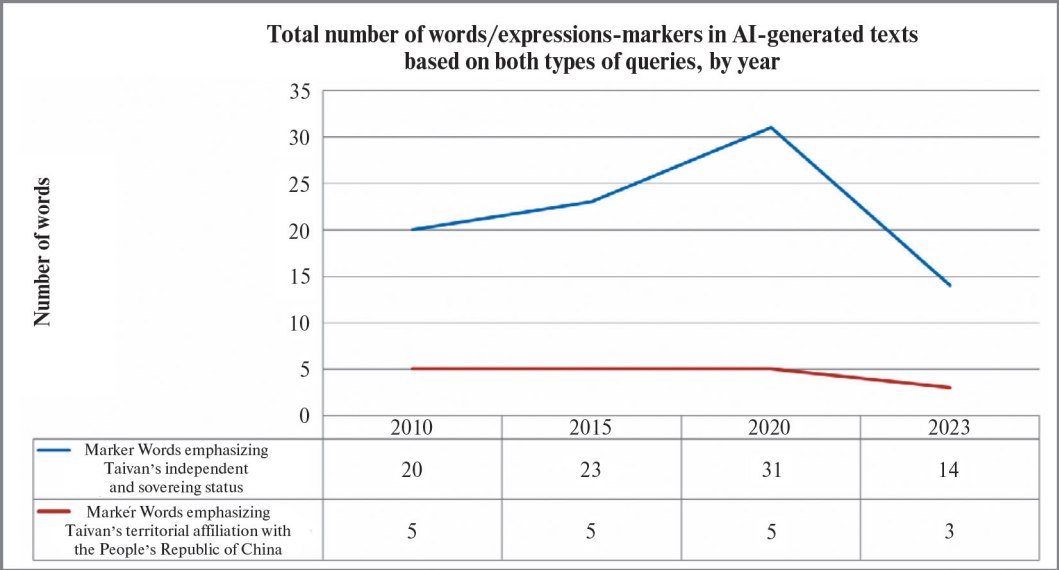

Figure 2. Total number of words/expressions-markers in AI-generated texts based on both types of queries, by year

Source: compiled by the authors based on ChatGPT data.

по запросам «Taiwan as part of China», что вполне объяснимо, причем наблюдается и схожая динамика изменений в два временных периода, с 2015 по 2020 г. и с 2020 по 2023 г. Относительно слов/выражений-маркеров, отражающих территориальную принадлежность Тайваня КНР, ситуация несколько иная: общая частота генерирования подобных слов по обоим текстовым запросам одинаковая (по 9 раз) с некоторыми расхождениями по

разным годам наблюдений. Впрочем, необходимо обратить внимание на небольшую частоту генерирования данных слов в целом по разным годам.

По результатам проведения фрейм-анализа установлено наличие во всем информационном массиве как минимум трех распространенных фреймов, которые условно можно обозначить следующим образом: «Independent entity», «The part of China» и «Tensions and confrontation». О наличии выделенных фреймов свидетельствуют слова и выражения, представленные в сгенерированных текстах. В частности, фрейм «Independent entity» составляют следующие лексемы, словосочетания и выражения: «Republic of China» («ROC»), «considers itself a sovereign state», «own government», «own military», «its de facto independence», «own constitution», «has own political system» и др.

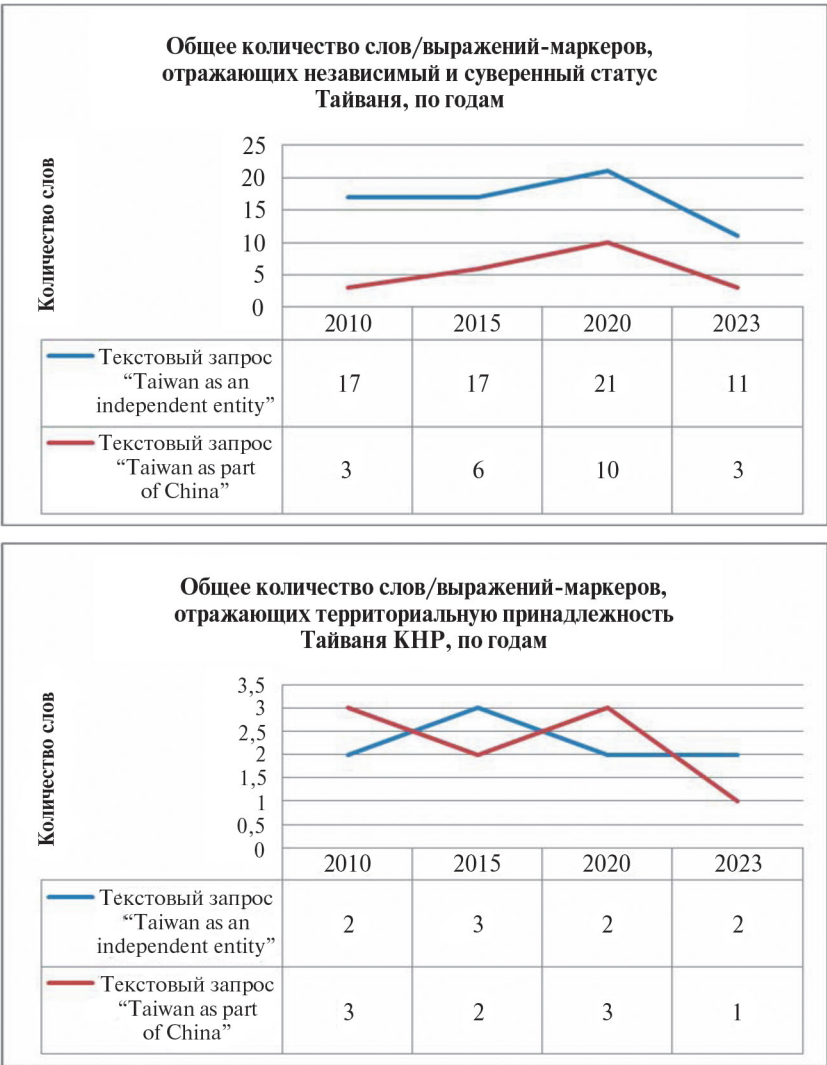

Рис. 3. Общее количество слов/выражений-маркеров двух тематических направлений в сгенерированных ИИ текстах по запросам обоих типов, по годам

Источник: составлено авторами на основе данных ChatGPT.

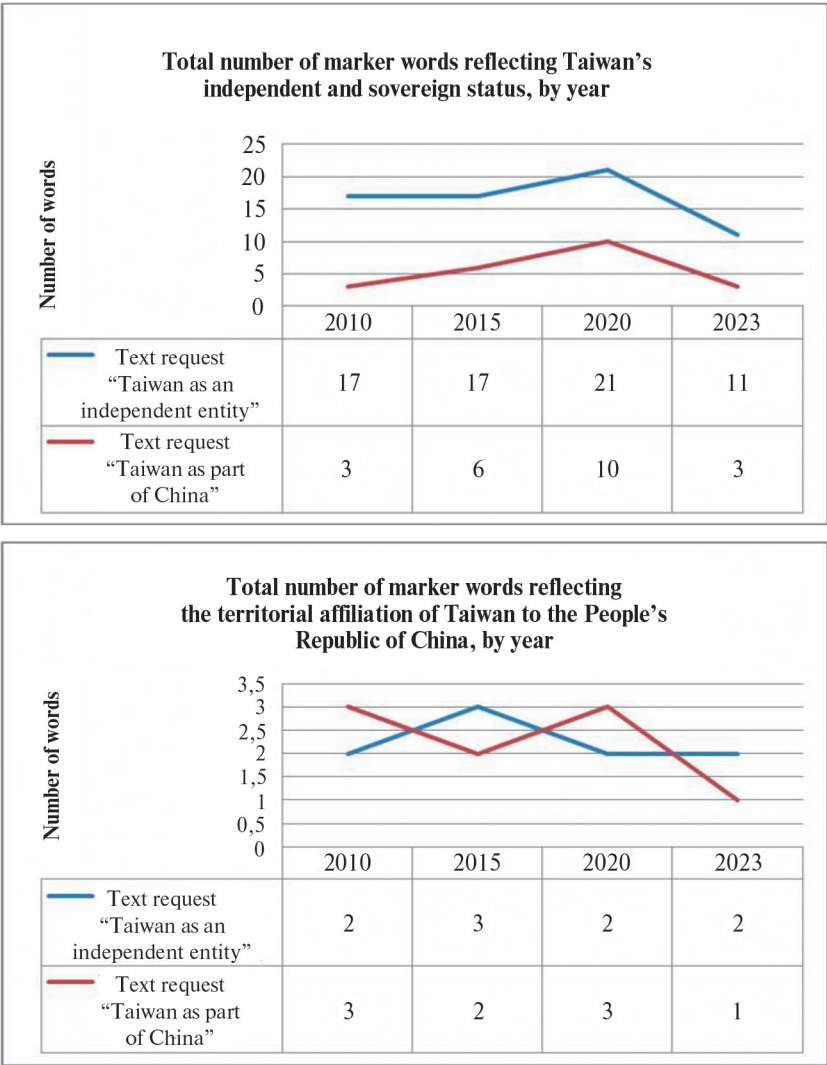

Figure 3. Total number of marker words of two thematic areas in AI-generated texts based on queries of both types, by year

Source: compiled by the authors based on ChatGPT data.

Содержание фрейма «Part of China» составляют следующие языковые единицы: «not recognized as an independent entity», «to be a part of its territory», «not as a fully recognized independent state», «not recognized by the United Nations as an independent country», «the People's Republic of China (PRC) considers Taiwan to be a part of its territory» и др.

Наличие фрейма «Tensions and confrontation» подтверждается следующими сгенерированными словами и выражениями: «has not renounced the use of force to bring it under its control», «ongoing tensions between Taiwan and China», «pressure from China», «China tries to isolate Taiwan diplomatically», «China tries to limit its international recognition», «the People's Republic of China (PRC) strongly opposes any moves toward Taiwanese independence», «ongoing pressure from the PRC to reintegrate with the mainland» и др.

На основании подсчета количества слов и выражений, составляющих тот или иной фрейм, можно определить степень популярности фреймов по отношению друг к другу по годам. Данная статистика приведена на рис. 4.

Рис. 4. Популярность фреймов в сгенерированных ИИ текстах, по годам

Источник: составлено авторами на основе данных ChatGPT.

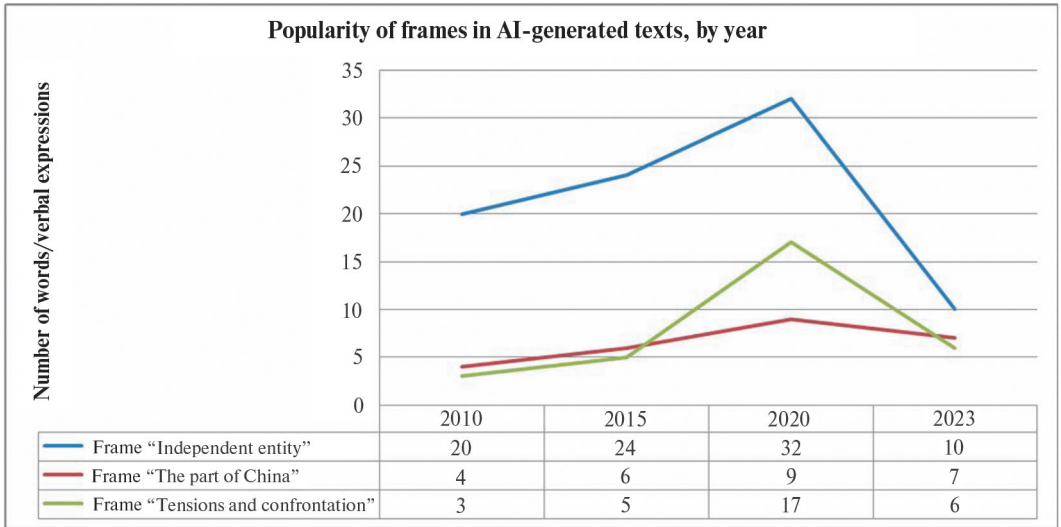

Figure 4. Popularity of frames in AI-generated texts, by year

Source: compiled by the authors based on ChatGPT data.

Наиболее распространенным стал фрейм «Independent entity», причем показатели его встречаемости в генерируемых текстах оказались ощутимо выше аналогичных показателей других фреймов. Исключением стали показатели 2023 г., где «преимущество» обозначенного фрейма не столь велико. Любопытно, что сгенерированный текст по 2023 г. – это прогнозный текст, когда искусственный интеллект пытается спрогнозировать

ответ на оба используемых текстовых запроса («Taiwan as an independent entity in 2023» и «Taiwan as part of China in 2023»). Если минимальный уровень частоты встречаемости фрейма «Independent entity» приходится на 2023 г., то максимальный уровень — на 2020 г.

Отметим схожую структуру изменений показателей распространенности всех трех выявленных фреймов по разным годам, но с различной амплитудой изменений: в частности, обращает на себя внимание серьезное снижение частоты встречаемости фрейма «Independent entity» в «прогножном» 2023 г. (по сравнению с 2020 г.), значительное увеличение популярности фрейма «Tensions and confrontation» в 2020 г. (по сравнению с 2015 г.) и практически аналогичное ему снижение популярности указанного фрейма в 2023 г. В целом, подчеркнем, что самым распространенным оказался фрейм «Independent entity» (общее количество знаково-символических единиц анализа равно 86), за ним следуют «Tensions and confrontation» (31 знаково-символическая единица анализа) и «The part of China» (с показателем знаково-символических единиц, равным 26).

Такое отличие и падение количества маркеров в 2023 г. можно объяснить попыткой алгоритмов сделать прогноз, а не использовать исключительно уже созданные массивы текста на данный год. Недостаток текущих данных и несовершенство алгоритмов с точки зрения описания возможных сценариев приводит к изменению характерной картины маркеров и увеличению количества малосодержательных общих фраз в тексте, что подробнее проанализируем в следующей части статьи.

Выводы

Во-первых, по текстовому запросу, напрямую связанному с независимым и суверенным политическим статусом Тайваня, искусственный интеллект генерирует тексты большего объема, чем по текстовому запросу, относящемуся к утверждению о его территориальной принадлежности Китайской Народной Республике. Это может свидетельствовать о том, что в англоязычной литературе доминирует рассмотрение вопроса о территориальном статусе Тайваня как независимого, суверенного субъекта. Подчеркнем, в содержании текстовых запросов использованы максимально упрощенные и, на наш взгляд, наиболее релевантные формулировки.

Во-вторых, выявив с учетом используемого контекста слова/выражения-маркеры, поддерживающие один из двух противоположных подходов к пониманию территориального статуса Тайваня, и подсчитав частоту их встречаемости во всех сгенерированных текстах, можно отметить абсолютное преимущество по данному показателю слов/выражений-маркеров, символически отражающих идею о независимом и суверенном политическом статусе Тайваня, а не о его территориальной принадлежности КНР. Разумеется, слова/выражения-маркеры, передающие идею о независимом и суверенном политическом статусе Тайваня, встречаются пре-

имущественно в текстах, сгенерированных по соответствующему запросу. Впрочем, и в текстах, сгенерированных ИИ по обратному смысловому варианту, нередко встречаются подобные семиотические единицы-маркеры. Слова-маркеры могут быть нацелены, прежде всего, на усиление психологической реакции индивида при описании какого-либо процесса или события, способствующего формированию в его сознании определенного ассоциативного ряда. Зачастую, чем больше объем информации, тем выше вероятность использования в ней подобных знаковых единиц (хотя такая закономерность, вероятно, наблюдается далеко не всегда). Подобные слова и выражения можно поделить на типы, причем различные знаковые единицы-маркеры обладают и разным потенциалом влияния на сознание индивида, а в дальнейшем — на его поведение как ответную реакцию на информационное воздействие.

Выявленные слова/выражения-маркеры, отражающие идею о независимом и суверенном политическом статусе Тайваня, можно разделить как минимум на те из них, которые (1) фиксируют непосредственно статус территориальной единицы («state», «country», «nation» и др.) и (2) характеризуют его (и его действия) по отношению к КНР и другим странам («independent», «separate», «international», «diplomatic» и др.). В свою очередь, установленные слова/выражения-маркеры, передающие идею о территориальной принадлежности Тайваня КНР, можно разделить как минимум на те из них, которые также (1) определяют статус территории («part/province of its/China territory», «representative of China» и др.) и (2) описывают действия Китая по отношению к Тайваню («control», «One China Policy» и др.).

Точную причину такого явления определить достаточно сложно, поскольку она может быть следствием как одного фактора, так и нескольких, в том числе намеренных, спровоцированных с целью сформировать конкретную политическую повестку, и ненамеренных, полученных в результате технических ограничений, несовершенства алгоритмов и ограниченности массивов данных.

В-третьих, наибольший объем текста по запросу о независимом и суверенном политическом статусе Тайваня и наибольшее количество соответствующих слов/выражений-маркеров представлено в сгенерированном ИИ тексте 2020 г. Интересно, что наибольший объем текста и по другому запросу, содержащему идею о территориальной принадлежности Тайваня КНР, сгенерирован ИИ также в 2020 г., но соответствующих содержанию запроса знаковых единиц-маркеров в тексте 2020 г. представлено столько же, сколько и в предыдущие годы.

Особенности генерирования ИИ текстов по указанным запросам могут обуславливаться частотой обсуждения указанной темы в интернет-пространстве, что, в свою очередь, вызвано определенным событийным рядом, в частности, победой Демократической прогрессивной партии на парламентских выборах в январе 2020 г., а также уверенной победой ее лидера Цай Инвэнь на президентских выборах того же года,

выступающих за самостоятельность острова⁴, визитом на Тайвань спикера чешского Сената Милоша Выстрчила в августе того же года и реакцией на это событие со стороны КНР⁵, проведением военных учений КНР в Южно-Китайском море в июле⁶ и последующими учениями США в этом же районе⁷. Возможно и наличие других причин подобного генерирования текстов искусственным интеллектом, например, технологического свойства (вызванных спецификой обучения и работы нейронной сети и т. д.) или особенностями текстового запроса (подчеркнем, для поиска информационного массива использовались максимально упрощенные варианты формулировок текстовых запросов).

В-четвертых, говоря о выявленных фреймах и их популярности в проанализированных текстовых данных, отмечаем наибольшую частоту использования именно фрейма «Independent entity», что согласуется с другими результатами, описанными выше. Причем, всплеск популярности обозначенного фрейма также приходится именно на 2020 г. Интересно, что в «прогножном» тексте, генерируемом ИИ на период 2023 г., указанный фрейм хотя и продолжает оставаться самым распространенным, но частота его использования серьезно уменьшается и не так преобладает над показателями популярности двух других фреймов, как в более ранние периоды. Это может быть вызвано в целом снижением объема текстов, генерируемых ИИ по 2023 г. по сравнению с 2020 г. (хотя по показателю объема слов они находятся на втором месте среди всех четырех временных отрезков), а, возможно, — «стремлением» искусственного интеллекта сделать в будущем генерируемые тексты по данной проблематике более нейтральными по своей тональности, что перекликается и со снижением количества слов/выражений-маркеров, отражающих оба подхода к проблеме политического статуса Тайваня, в обоих текстах, сформированных ИИ по запросам двух типов по 2023 г. Кроме того, причина может заключаться в несовершенстве технической стороны для прогнозирования, что является более сложной математической задачей, нежели классическая обработка данных. Не забываем и о возможном наличии факторов технического свойства, повлиявших на результаты генерирования ИИ «прогнозного» текста 2023 г.

Отдельно отметим, что вторым по популярности стал фрейм «Tensions and confrontation», а не другой фрейм (созвучный содержанию одного из текстовых запросов) — «The part of China». Особую роль в этом сыграла

⁴ Китай, уходи! На Тайване взяли власть сепаратисты. У США и Китая появился еще один повод для конфликта // Lenta.ru. 13 января 2020. <https://lenta.ru/articles/2020/01/13/taiwan/>

⁵ В КНР обвинили спикера чешского Сената в нарушении суверенитета республики // Tass.ru. 30 августа 2020. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9323479>

⁶ Китай назвал цель маневров в Южно-Китайском море // Газета.ru. 9 июля 2020. <https://www.gazeta.ru/army/news/2020/07/09/14650015.shtml?updated>

⁷ Вслед за КНР: авианосцы США вошли в Южно-Китайское море // Газета.ru. 6 июля 2020. <https://www.gazeta.ru/army/2020/07/06/13142863.shtml?updated>

степень распространенности обозначенного фрейма именно в тексте 2020 г., а причиной подобной популярности может быть названа специфика событийного ряда, который представлен в одном из пунктов выше.

В целом наблюдается схожая динамика изменения популярности всех выявленных фреймов: рост показателей распространенности с 2010 по 2020 г. со снижением (в двух случаях из трех — со значительным уровнем снижения) к «прогнозному» для ИИ 2023 г.

В ходе выполнения фрейм-анализа была предпринята попытка поиска других фреймов, в частности, «Cooperation», но найти знаковые единицы, отражающие такой фрейм применительно к идее взаимодействия КНР и Тайваня, не удалось. Отчасти подобный фрейм проявляется в представленной в одном из текстов идее о членстве Тайваня во Всемирной торговой организации: «...Taiwan is an active participant in international organizations and events under the name “Chinese Taipei”. It is a member of the World Trade Organization under this designation and participates in some other international forums and events, but not as a fully recognized independent state» («Тайвань является активным участником международных организаций и мероприятий под названием «Китайский Тайбэй». Под этим названием он является членом Всемирной торговой организации и участвует в некоторых других международных форумах и мероприятиях, но не как полностью признанное независимое государство»).

Практически никак не представлен в сгенерированном ИИ информационном массиве и фрейм, связанный с гражданской (национальной) идентичностью, не считая отдельных редких упоминаний данной темы («The majority of Taiwanese people identify themselves as Taiwanese rather than Chinese...» («Большинство тайваньцев идентифицируют себя как тайваньцы, а не китайцы...») и т. д.).

Заключение

В данной работе был проанализирован массив текстов, сгенерированных ChatGPT по заданной тематике, и выявлены характерные закономерности, которые могут получить различную интерпретацию и объяснения. В результате исследования обнаружено, что маркеры позиционирования статуса Тайваня как «независимого государства» имеют существенное количественное преимущество по различным временным точкам, нежели маркеры, связанные с позиционированием Тайваня как части Китайской Народной Республики.

Чтобы сделать более определенные выводы о специфике и механизмах работы алгоритмов инструмента, необходимы дальнейшие глубокие и массовые исследования с применением методов математического анализа и моделирования (Petukhov et al., 2018; Petukhov et al., 2020), а также сравнительных исследований, с учетом того, что сам инструмент параллельно будет дорабатываться и изменяться.

Список литературы

- Беляков М.В., Максименко О.И. Диалоговые системы: история развития и чат-боты GPT как новая лингвосемиотическая реальность // Военно-гуманитарный альманах: материалы XVII Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод». М.: Военный университет Министерства обороны РФ, 2023. С. 477–485.
- Боришполец К.П. Методы политических исследований. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2010. 230 с.
- Вахштайн В.С.⁸ Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 334 с.
- Гудев П.А., Мишин И.О. Американо-китайские противоречия вокруг Тайваньского пролива (Часть I. Суть терминологического спора) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 3. № 3 (56). С. 60–76.
- Дикарев А.Д., Лукин А.В. «Тайваньская нация»: от мифа к реальности? // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 1. С. 118–133. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10009>
- Жук А.Р. Правовое положение Тайваня // Российское право онлайн. 2023. № 1. С. 75–81. <https://doi.org/10.17803/2542-2472.2023.25.1.076-081>
- Конуров А.И. Современное состояние и перспективы разрешения проблемы политического статуса Тайваня в свете эволюции позиции США // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 3 (840). С. 83–97.
- Одноконный Г.А., Рогач С.И. Влияние чата GPT на развитие современного общества и бизнеса // Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы современного социума глазами молодых исследователей». Волгоград: Университетская книга, 2023. С. 363–364.
- Петухов А.Ю., Полевая С.А., Каминченко Д.И. Влияние современных СМИ на политические ценности индивида на примере «RT» и «BBC» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 253–271. <https://doi.org/10.17223/1998863X/72/22>
- Пузыня Н.Н. Китайско-американские отношения и проблема Тайваня // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2022. Т. 40. С. 56–63. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.40.56>
- Субботкин В.Д. Глобальные СМИ и их влияние на мировую политику (по материалам CNN и BBC) / под общ. ред. М.Э. Вильчинской-Бутенко // Труды института бизнес-коммуникаций. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2017. С. 49–54.
- Сунь Ц. Дипломатический статус Тайваня (2016–2018 гг.) // Белорусско-российские отношения на современном этапе: состояние и перспективы развития: материалы круглых столов. Минск: БГУ, 2018. С. 54–55.
- Фадеева И.А. Особенности взаимоотношений Китая и Тайваня: История вопроса и современные традиции (экономический аспект) // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6 (182). С. 192–197.
- Шаров К.С. Политический статус-кво КНР и Тайваня в 2010-х: сдвиг в сторону националистической идеологии // Социология. 2018. № 2. С. 220–224.
- Baum J., Villasenor J. The politics of AI: ChatGPT and political bias // Brookings.edu. May 8. 2023. <https://www.brookings.edu/articles/the-politics-of-ai-chatgpt-and-political-bias/>
- Chou Ch.-Ch. Contending notions of the cross-strait status quo in Taiwan and across the strait: Impacts on U.S.-Taiwan relations // China Review. 2018. Vol. 18. № 3. P. 121–148.

⁸ Внесен Министерством юстиции РФ в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

- Lidgren S. Movement mobilization in the age of hashtag activism: examining the challenge of noise, hate, and disengagement in the #MeToo Campaign // *Policy & Internet*. 2019. Vol. 11. Issue 4. P. 418–438. <https://doi.org/10.1002/poi3.212>
- Petukhov A.Yu., Malkhanov A.O., Sandalov V.M., Petukhov Yu.V. Mathematical modeling ethno-social conflicts with the introduction of the control function // *Simulation*. 2020. Vol. 96. Issue 3. P. 337–346. <https://doi.org/10.1177/0037549719884629>
- Petukhov A.Yu., Malkhanov A.O., Sandalov V.M., Petukhov Yu.V. Modeling conflict in a social system using diffusion equations // *Simulation*. 2018. Vol. 94. Issue 12. P. 1–9. <https://doi.org/10.1177/0037549718761573>
- Rauscher N., Schäfer M. Leveling the playing field – Kommunikationsstrategien und Ungleichheitsnarrative des linken Diskurses im Umfeld der Demokratischen Partei der USA // *Zeitschrift für Politikwissenschaft*. 2022. Vol. 32. Nr. 1. P. 221–249. <https://doi.org/10.1007/s41358-021-00275-2>

References

- Baum, J., & Villasenor, J. (2023). The politics of AI: ChatGPT and political bias. *Brookings.edu*, May 8. <https://www.brookings.edu/articles/the-politics-of-ai-chatgpt-and-political-bias/>
- Belyakov, M.V., & Maksimenko, O.I. (2023). Dialogue systems: history of development and GPT chatbots as a new linguosemiotic reality. *Military and Humanitarian Almanac: Proceedings of the XVII International scientific conference on current problems of language and communication "Language. Communication. Translation"*. Moscow: Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation Publ. P. 477–485. (In Russ)
- Borishpolets, K.P. (2012). *Methods of political research*. 2nd ed. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
- Chou, Ch.-Ch. (2018). Contending notions of the cross-strait status quo in Taiwan and across the strait: Impacts on U.S.-Taiwan relations. *China Review*, 18(3), 121–148.
- Dikarev, A.D., & Lukin, A.V. "Taiwan nation": from myth to reality? *Comparative Politics Russia*, 12(1), 118–133. (In Russ.)
- Fadeeva, I.A. (2023). Peculiarities of relations between China and Taiwan: history of the issue and modern traditions (economic aspect). *Theory and Practice of Social Development*, 6(182), 192–197. (In Russ.)
- Gudev, P.A., & Mishin, I.O. (2022). American-Chinese controversies around the Taiwan strait (Part I. Essence of the terminological dispute). *Southeast Asia: Actual Problems of Development*, 3(3), 60–76. (In Russ.)
- Konurov, A.I. (2020). Political status of Taiwan problem: current state and prospects of solution in the wake of evolving us stance. *Vestnik of Moscow State Linguistic University (Social sciences)*, 3(840), 83–97. (In Russ.)
- Lidgren, S. (2019). Movement mobilization in the age of hashtag activism: examining the challenge of noise, hate, and disengagement in the #MeToo Campaign. *Policy & Internet*, 11(4), 418–438. <https://doi.org/10.1002/poi3.212>
- Odnokonny, G.A., & Rogach, S.I. (2023). The influence of ChatGPT on the development of modern society and business. *Proceedings of the XV Russian scientific and practical conference "Problems of modern society through the eyes of young researchers"*. Volgograd: Universitetskaya kniga. P. 363–364. (In Russ.)
- Petukhov, A.Yu., Malkhanov, A.O., Sandalov, V.M., & Petukhov, Yu.V. (2018). Modeling conflict in a social system using diffusion equations. *Simulation*, 94(12), 1–9. <https://doi.org/10.1177/0037549718761573>
- Petukhov, A.Yu., Malkhanov, A.O., Sandalov, V.M., & Petukhov, Yu.V. (2020). Mathematical modeling ethno-social conflicts with the introduction of the control function. *Simulation*, 96(3), 337–346. <https://doi.org/10.1177/0037549719884629>

- Petukhov, A.Yu., Plevaya, S.A., & Kaminchenko, D.I. (2023). The influence of modern media on the political values of the individual: on the example of RT and BBC. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 72, 253–271. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/1998863X/72/22>
- Puzynya, N.N. (2022). Chinese-American relations and problem of Taiwan. *Bulletin of Irkutsk State University ("Political Science and Religion Studies" Series)*, 40, 56–63. (In Russ.)
- Rauscher, N., & Schäfer, M. (2022). Leveling the playing field – progressive communication strategies and current narratives on inequality in the Democratic Party in the U. S. *Zeitschrift für Politikwissenschaft*, 32(1), 221–249.
- Sharov, K.S. (2018). People's Republic of China and Taiwan political status quo in the 2010s: a shift towards nationalist ideology. *Sociology*, 2, 220–224. (In Russ.)
- Subbotkin, V.D. (2017). Global media and their influence on international policy (based on CNN and BBC). In: Vilchinskaya-Butenko M.E. (ed.) *Scientific papers of the Institute of Business Communications*. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. P. 49–54. (In Russ.)
- Sun' Ts. (2018). Taiwan's diplomatic status (2016–2018). *Belarusian-Russian relations at the present stage: state and development prospects: materials of round table conferences*. Minsk: Belarusian State University. P. 54–55. (In Russ.)
- Vakhshayn, V.S.⁹ (2011). *Sociology of everyday life and frame theory*. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
- Zhuk, A.R. (2023). The legal status of Taiwan. *Russian Law Online*, 1, 75–81. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Петухов Александр Юрьевич, кандидат политических наук, доцент, заведующий лабораторией математических методов политического анализа и прогнозирования, Московский государственный университет имени им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1; заведующий лабораторией когнитивной безопасности, Университет «Неймарк», Российская Федерация, 603057, Нижний Новгород, ул. Нартова, д. 6. ORCID: 0000-0002-7412-5397. E-mail: lectorr@yandex.ru

Каминченко Дмитрий Игоревич, кандидат политических наук, доцент Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603022, Нижний Новгород, проспект Гагарина, д. 23; старший научный сотрудник лаборатории когнитивной безопасности, Университет «Неймарк», Российская Федерация, 603057, Нижний Новгород, ул. Нартова, д. 6. ORCID: 0000-0002-3193-3423. E-mail: dmitkam@inbox.ru

Bio notes:

Aleksandr Yu. Petukhov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of Mathematical Methods of Political Analysis and Forecasting, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; Head of the Cognitive Security Lab, Neimark University, 6 Nartova St, Nizhny Novgorod, 603057, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7412-5397. E-mail: lectorr@yandex.ru

Dmitriy I. Kaminchenko, Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Political Science, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarina Prospect, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation; Senior Researcher of the Cognitive Security Lab, Neimark University, 6 Nartova St, Nizhny Novgorod, 603057, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-3193-3423. E-mail: dmitkam@inbox.ru

⁹ Внесен Министерством юстиции РФ в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-612-625

EDN: GIOPUW

UDC 659.3:659.4

Research article / Научная статья

**How TV journalists perceive public relations:
The case of Kazakhstan****Milen Filipov** *KIMEP University, Almaty, Kazakhstan*✉ mfilipov@kimep.kz

Abstract. How do Kazakhstani TV journalists perceive public relations (the profession and the PR specialists) in Kazakhstan? The problem was studied in Western European, North American, and South Asian contexts but not in the Central Asian reality. Globally, public relations (PR) suffer from a tainted reputation and is perceived with a heavy negative connotation. This perception often leads journalists to hold PR specialists in contempt and view the profession as serving particular private interests rather than the public good. This phenomenological research interviewed a purposive sample of 14 Kazakhstani TV journalists. Data saturation was reached at the eleventh interview. The findings illuminated the auxiliary status of PR compared to journalism, which enjoyed a higher status than PR. However, press officers enjoyed higher esteem compared to PR specialists. Press officers, often former journalists, were valued for their efficiency, literacy, honesty, openness, accessibility, and ease of communication. Being humane, non-arrogant, and open to professional relationships were also essential qualities. Many PR specialists in Kazakhstan were considered poorly qualified. The lack of journalistic experience among them hindered TV journalists from effectively working with them, as they often did not understand the rules and routines of media practice and how to adapt to media logic. Additionally, PR specialists focused on profit whereas press officers focused on the public interest.

Keywords: public relations, TV journalism, press officers, Kazakhstani journalists, public communication

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted July 2, 2024; revised July 27, 2024; accepted July 31, 2024.

For citation: Filipov, M. (2024). How TV journalists perceive public relations: The case of Kazakhstan. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 612–625. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-612-625>

© Filipov M., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Как тележурналисты воспринимают связи с общественностью: казахстанский кейс

М. Филипов

Университет КИМЭП, Алматы, Казахстан

✉ mfilipov@kimep.kz

Аннотация. Тема взаимоотношений журналистов и специалистов по связям с общественностью (PR) активно изучалась в контексте Западной Европы, Северной Америки и Южной Азии. Автор предлагает другой регион – Центральную Азию, а именно Казахстан. Связи с общественностью страдают от испорченной репутации и воспринимаются с негативным оттенком. Такое восприятие часто заставляет журналистов относиться к PR-специалистам с неуважением и считать, что эта профессия служит конкретным частным интересам, а не общественному благу. В ходе феноменологического исследования автором проведены интервью с 14 казахстанскими тележурналистками. Насыщенность данных была достигнута на одиннадцатом интервью. Результаты свидетельствуют о вспомогательном статусе PR по сравнению с журналистикой, которая имеет более высокий статус. При этом оказалось, что сотрудники пресс-служб пользуются большим уважением, чем PR-специалисты. Сотрудники пресс-служб, часто бывшие журналисты, ценятся за эффективность, грамотность, честность, открытость, доступность и легкость в общении. Также была отмечена важность таких качеств, как гуманность, отсутствие высокомерия и открытость к профессиональным отношениям. Многие специалисты по связям с общественностью в Казахстане считаются недостаточно квалифицированными. Отсутствие у них журналистского опыта препятствует эффективному сотрудничеству, поскольку они зачастую не понимают правил и распорядка работы СМИ, не могут адаптироваться к медийной логике. Кроме того, как показало исследование, считается, что специалисты по связям с общественностью ориентируются на прибыль, в то время как сотрудники пресс-служб – на общественные интересы.

Ключевые слова: связи с общественностью, телевизионная журналистика, пресс-службы, казахстанские тележурналисты, общественные коммуникации

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 2 июля 2024 г.; отрецензирована 27 июля 2024 г.; принята к публикации 31 июля 2024 г.

Для цитирования: *Filipov M.* How TV journalists perceive public relations: the case of Kazakhstan // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 612–625. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-612-625>

Introduction

Globally, public relations (PR) suffer from a tainted reputation as a “dark art” (Macnamara, 2014), characterized by “half-truths and obscuring of information” (Thummes, Seiffert-Brockmann, 2019), and perceived with a heavy negative connotation (Moloney, McGrath, 2020). This perception often leads journalists to hold PR specialists in contempt and view the profession as

serving particular private interests rather than the public good (Obermaier et al., 2015, p. 1032). Despite these negative perceptions, journalists and PR professionals share a professional bond, playing pivotal roles as societal guides in decision-making processes.

However, do these negative perceptions accurately apply to PR (both the profession and its specialists) in Kazakhstan? Existing research predominantly examines journalists' perceptions of PR in developed Western and Asian countries, leaving a significant gap in understanding within the contemporary socio-economic, political, and cultural context of Central Asia, including Kazakhstan. Therefore, exploring journalists' perceptions of PR as a profession and its practitioners in Kazakhstan presents a compelling opportunity. This study aimed to explore Kazakhstani TV journalists' perceptions of PR (the profession and its specialists) based on their experiences. While extensive research has focused on journalists' views of PR in Western and Asian contexts, understanding perceptions in Central Asia, particularly Kazakhstan, remains underexplored.

Several factors contribute to this exploration. Firstly, Kazakhstan, like other former Soviet Union countries, continues to grapple with the legacy of the Communist Party, which heavily influenced media and communication spheres. During this era, public communication faced strict control, suppression, and ideological manipulation (Postoutenko, 2022). The media operated under a regime that crafted stylized, internally consistent public narratives serving state interests (Brooks, 2001, p. 247), with hierarchical and compartmentalized official communication structures.

In Kazakhstan, PR began to take shape with its public affairs function in 1990, coinciding with the establishment of PR departments in governmental institutions. Rooted in political origins, PR in Kazakhstan initially focused on fostering economic interests rather than public service, facilitating relationships between government entities and Kazakh society (Bekbolatuly, Karaulova, 2019). Secondly, the misunderstanding of the PR profession in Kazakhstan can be largely attributed to the Soviet-era system of public communication and the role of mass media. Wolfe argued that the mass media operated not as an independent entity but as part of the party's propaganda apparatus (Wolfe, 2005).

Kazakhstan boasts a robust mainstream media landscape, with more than 5000 registered media outlets as of 2022¹. The television sector, in particular, has grown significantly, comprising 165 officially registered Kazakh TV channels (24 national and 141 regional) and 247 foreign TV channels (Sakhariyanov, 2020).

Television coverage surpasses internet penetration, reaching 92.43 % of the population via digital terrestrial broadcasting in 2022², while internet penetration

¹ Over 5,000 media sources registered in Kazakhstan. "Kazinform" International News Agency. June 28, 2022. https://en.inform.kz/news/over-5-000-media-sources-registered-in-kazakhstan_a3949028/

² In Kazakhstan, 92.43 % of population covered by digital terrestrial television and radio broadcasting – Umarov. *Official Information Source of the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan*. June 28, 2022. <https://primeminister.kz/en/news/kazakhstan-halkynyn-9243-y-cifrlyk-efirlik-teleradio-habarlaryn-taratumen-kamtylgan-a-omarov-2852315>

stood at 90.9 % in 2023 (Kemp, 2023). Kazakhstani journalists heavily rely on press releases as a primary source of information, followed by websites and news conferences, underscoring their role as fact-checking resources (Turdubaeva, 2018, p. 7).

These dynamics occur against the backdrop of two main industry bodies: the Kazakhstan National Public Relations Association, established in 2001 to develop and strengthen the PR industry, and the Kazakh PR Specialists Club, formed in 2002 to elevate industry standards and the prestige of PR specialists.

Literature review

Government public relations vs business public relations

Public relations encompass managed communication activities aimed at building mutually beneficial relationships (Ströh, 2007). K. Moloney and C. McGrath argue that PR is an integral part of contemporary promotional culture, highlighting fundamental differences between public relations in corporate (for-profit) and public (not-for-profit) contexts (Moloney, McGrath, 2020). In for-profit organizations, PR is viewed as contributing to profitability by influencing reputation, which in turn impacts sales (Van Ruler, 2007, p. 124). Moreover, PR and marketing are increasingly integrating their efforts to deliver higher return on investment (ROI) (Elrod, Fortenberry, 2020). PR in the public sector differs significantly from its corporate counterpart. Local or national governments are viewed as obligated to provide public goods and facilitate citizens in fulfilling their democratic responsibilities (Canel, Sanders, 2013, p. 10). The public sector employed distinct communication practices compared to corporate communication management. C. Valentini identified four constraints that public information officers face daily: a complex and unstable environment, additional legal and formal restrictions, rigid procedures, and diverse objectives (Valentini, 2013, p. 97). It can be concluded that concerns such as sales or ROI are not primary in this domain.

Journalists' perception of public relations in individualistic cultures

Professional perceptions of journalists in developed individualistic (low-context) cultures in Western Europe, North American countries, and Australia often regard PR as synonymous with secrecy and publicity (Cronin, 2023), sponsored content (Ikonen et al., 2016), hidden agendas (Macnamara, 2014), and a social technology serving only corporate and private interests (Obermaier et al., 2015). PR practitioners are perceived as unethical, deceptive, client-serving, and controlling (DeLorme, Fedler, 2003). They are often seen as lacking an understanding of news values and journalistic work, and as gatekeepers who impede journalists' access to information sources within their organizations. However, some journalists have begun to recognize the value of PR specialists as professionals possessing beneficial skills and knowledge (Hanusch et al., 2019, p. 15).

This skepticism persists on social media. Journalists on Twitter continue to express their disbelief that PR specialists work toward mutually beneficial relationships with their stakeholders and the media. J.-W. Yoo and S. Jo found in their content analysis that “journalists largely understood PR to be about image-building and persuasion. In their tweets, they were likely to refer to publicity, image, persuasion campaigns, and marketing efforts geared to promoting an organization’s position” (Yoo, Jo, 2014, p. 1179). Another perspective on journalists’ intense opinions of PR specialists is professional envy. A. Tkalac Verčič, D. Lalič and D. Vujičić discovered that journalists believed PR specialists enjoyed better working conditions, higher salaries, and less stress (Tkalac Verčič et al., 2017). Additionally, journalists in the study held PR specialists in low professional esteem.

Journalists’ perception of public relations in collectivistic cultures

Contrary to individualistic cultures, journalists in Asian collectivistic developed and developing countries tend to have more positive perceptions of public relations. For example, South Korean journalists who frequently interact with PR specialists often hold more positive attitudes fostered by “cheong”, a naturally developed connection through common experiences. Consequently, Korean journalists are “less critical, more appreciative, and mellower toward public relations” (Yun, Yoon, 2011, p. 306).

In Japan, personal relationships between PR managers and journalists are crucial, based on the *kisha kurabu* (press club) system (Cooper-Chen, Tanaka, 2007). “For public relations professionals in Japan, one of the most important tasks is to build close relationships with media reporters” (Kitami, 2019, p. 120).

V. Loan, studying public relations in Vietnam, concludes that the local culture strongly influences personal relationships, encouraging journalists and PR specialists to support each other (Loan, 2014). Similarly, M. Filipov and A. Dybysova found that PR specialists and journalists in Mongolia shared warm relationships based on valuable news information and personal connections, with the latter often taking precedence (Filipov, Dybysova, 2022, p. 5217).

Informed by the literature review the researcher asked the following questions:

What perceptions do Kazakhstani TV journalists hold of public relations (the profession and the professionals) based on their experiences/interactions in the country?

What differences do Kazakhstani TV journalists point out between public communication professionals (PCPs) – press officers (working in the public sector), and PR specialists (working in the private sector) in Kazakhstan?

Methodology

This descriptive phenomenological research used semi-structured interviews for collecting data of lived experiences of Kazakhstani TV journalists with public communication professionals in Kazakhstan. Therefore, descriptive

phenomenology was considered as the most productive approach to “describe participant experiences, focusing on the ‘lifeworld’ of the individual” (Sinfield et al., 2022, p. 3). Semi-structured interview was the method to gather in-depth and detailed data (Morehouse, 2023). It allowed for deep conversational engagement, flexibility for interviewers, and uncovering (Wilson, 2014) Kazakhstani TV journalists’ perceptions, attitudes, and beliefs on that engaged in their experiences with Kazakhstani public communication professionals. This study employed purposive sampling of Kazakhstani TV journalists. The interviewees were selected based on the following criteria: (1) being a TV reporter, (2) having a minimum of five consecutive years in TV journalism, and (3) working at a TV channel in Kazakhstan.

Participants

14 female TV journalists participated in the interviews out of 38 who were approached. Among them, four were editors-in-chief with extensive prior TV reporter experience, seven worked as reporters, one was solely an anchor, and two worked as both reporters and anchors. The average work experience of the interviewees was 12.9 years. Eleven interviewees worked for private TV channels and three for public ones. Geographically, six informants were based in the capital, Nur-Sultan, five in Almaty, and three in Aktobe. Data saturation, defined by the method of G. Guest, A. Bunce and L. Johnson (Guest et al., 2006), was reached at the eleventh interview, as the subsequent three interviews yielded no new information. This level of data saturation aligns with the typical range observed in other studies, which generally include six to twelve interviews (Picariello et al., 2017). To ensure the anonymity of the interviewees, their job positions were uniformly categorized as TV journalists in Table 1.

Table 1

Profile of interviewees						
Interviewee	Gender	Position	Work ex- perience	TV channel	Type of media	Region
Interviewee 1	Female	TV journalist	19	KTK	private	Nur-Sultan
Interviewee 2	Female	TV journalist	18	Channel 1 Eurasia	private	Aktobe
Interviewee 3	Female	TV journalist	17	Rika TV	private	Aktobe
Interviewee 4	Female	TV journalist	15	Khabar TV	public	Almaty
Interviewee 5	Female	TV journalist	5	InformBuro31	private	Almaty
Interviewee 6	Female	TV journalist	7	Channel 7	private	Nur-Sultan
Interviewee 7	Female	TV journalist	6	Almaty TV	public	Almaty

Table 1, ending

Interviewee	Gender	Position	Work ex- perience	TV channel	Type of media	Region
Interviewee 8	Female	TV journalist	6	Aktobe TV	public	Aktobe
Interviewee 9	Female	TV journalist	25	Hit TV	private	Almaty
Interviewee 10	Female	TV journalist	8	Almaty TV	private	Almaty
Interviewee 11	Female	TV journalist	20	KTK	private	Nur-Sultan
Interviewee 12	Female	TV journalist	7	Channel 7	private	Nur-Sultan
Interviewee 13	Female	TV journalist	10	KTK	private	Nur-Sultan
Interviewee 14	Female	TV journalist	18	KTK	private	Nur-Sultan

Source: compiled by the author.

Interview questions

The interview consisted of eight open-ended questions, each followed by a clarifying prompt. The questions focused on three main areas: (1) the importance of PR for society and the media's daily work, (2) the level of professionalism and ethics of PR specialists in Kazakhstan, and (3) the challenges of working with governmental PR specialists (press officers) and PR specialists working for business organizations. The interview questions were piloted with two Kazakh editors-in-chief, each with three years of experience at the time of the study. One worked for a radio station, and the other for a magazine.

Results and discussion

Two themes emerged from the analysis of the interviews.

Theme 1: TV journalists' perception of the public relations profession and its professionals in the Kazakh society

Most interviewees emphasized the critical importance of public relations in their daily work for verifying and clarifying information. Nearly 90 % believed that PR professionals served as a vital link between organizations and their stakeholders, providing TV journalists and the public access to essential information, expert opinions (talking heads), and senior management perspectives. One interviewee underscored the correlation between a media outlet's reputation and the competence of public communication professionals (PCPs) – both PR specialists and press officers.

The majority of interviewees highlighted that the PR profession has established itself as a reliable source of timely and credible information, presented

in formats conducive to immediate consumption. According to Interviewee 9, “The quality of information and its delivery rests solely on the PR specialist”. PR also functioned as a crucial outlet during crises, acting as the authoritative voice for organizations in rapid exchanges with stakeholders. Two-thirds of interviewees attributed this capability to PCPs’ access to a wide array of specific information sources and their involvement in long-term strategic initiatives, whether socially or business-oriented.

From an economic and business standpoint, interviewees acknowledged the pivotal role of the PR profession, noting that “every product, organization, and industry exists because of public relations” (Interviewee 5). They also observed that top management behavior significantly influenced PR practices within Kazakhstani organizations, shaping organizational communication styles and tones.

Nevertheless, all interviewees indicated that their ease or difficulty in interacting with PCPs shaped their perceptions of both the PCP and the organization. Several interviewees stressed that PR professionals, particularly through their role in public communication, were expected to promptly address direct and tense interactions with audiences on social media. Failures to respond promptly or adequately could lead to negative repercussions for individual top managers or the organization.

A prevailing view among interviewees was that while journalism wielded significant influence, the impact of the PR profession on society was comparatively limited. This perceived power disparity underscored a clear framework where journalists occupied a leading position. Many interviewees also expressed concerns about the generally inadequate training and education among public communication professionals, including press officers and PR specialists.

Although interviewees acknowledged progress in the PR profession in Kazakhstan over the past five to seven years, they unanimously agreed on the need for further improvements in professionalism. Interviewee 14 encapsulated this sentiment: “There are those who do their job well and those who do it poorly”. Interestingly, most interviewees regarded press officers as more professional than PR specialists, noting disparities in commitment and performance across public and private sectors.

Efficiency, transparency, honesty, proficiency, and communication skills were identified as essential attributes that facilitated effective collaboration between PCPs and TV journalists, according to ten interviewees. They emphasized that PCPs in Kazakhstan played a crucial role in helping journalists navigate the complex landscape of governmental and business information and events. However, Interviewee 11 cautioned that such assistance was contingent upon PR specialists and press secretaries promptly and clearly providing information.

Unfortunately, interviewees unanimously lamented the scarcity of highly qualified public communication professionals in Kazakhstan. Interviewee 3 bluntly stated, “There is a critical shortage of real professionals in our country”, highlighting significant opportunities for growth and development within the PR industry. A notable challenge cited by interviewees was the inadequate knowledge

among PR specialists regarding media interactions, reflecting a limited understanding of journalists' work and the operational processes of TV channels.

Interviewees also pointed out several unprofessional practices prevalent among public communication professionals in Kazakhstan, including ghosting (ignoring), being impertinent, spinning situations positively, withholding information, and exhibiting a fear of making mistakes. Interviewee 4 succinctly advised, "PR people, don't lie to people and journalists", stressing the inevitability of concealed information surfacing in an information-driven society. Interviewee 1 echoed this sentiment, advocating for grammatical and factual accuracy in communication to project professionalism and expertise.

Half of the interviewees expressed optimism regarding the younger generation's potential to infuse social issues into PR practices and advance the sector beyond mere advertising, business, and product promotion. Ethical conduct was highlighted as a crucial aspect of professionalism in PR. While seven interviewees refrained from commenting directly on ethics, they emphasized the importance of honesty, transparency, accessibility, and a humane approach in interactions with journalists. Two interviewees viewed public communication professionals in Kazakhstan as generally ethical, linking ethical behavior to amicable relationships with journalists.

Conversely, five interviewees described PR specialists as unethical, citing practices such as disseminating false information, displaying arrogance, fabricating events, lying, and manipulating facts. They observed a frequent disconnect between the information provided and the actual reality of situations, with PR departments sometimes opting for silence during crises in hopes that issues would fade from media attention and public memory. Interviewee 12 reflected on this ethical spectrum, rating PR specialists' ethics at an average level.

In conclusion, interviewees unanimously agreed that personal characteristics significantly influenced the ethical conduct of public communication professionals and their relationships with TV journalists.

*Theme 2: Work relationships between TV journalists, press officers,
and PR specialists in Kazakhstan*

Public communication professionals (PCPs) in Kazakhstan, specifically press officers and PR specialists were distinctly perceived by interviewees, with press officers often held in higher regard. They were viewed as reliable sources of information for TV journalists, especially those with prior journalistic experience who understood media operations and terminology. This familiarity facilitated smoother interactions compared to PR specialists lacking such backgrounds, who frequently needed detailed explanations and preparatory questions from journalists.

Press officers were recognized for their role in meeting journalists' informational needs by clarifying decisions, policy changes, and organizational activities. They were seen as pivotal in keeping society informed about governmental affairs, albeit with challenges such as bureaucratic communication

styles and occasional lapses in preparing experts effectively for media appearances. Issues like the dissemination of canned news during the COVID-19 pandemic underscored areas needing improvement, particularly in adapting communications to journalistic expectations and enhancing media relations across local governments.

Conversely, PR specialists were often viewed through a lens of profit-driven motives and superficial engagement, primarily focusing on enhancing corporate brands, social media metrics, and sales. Their perceived professionalism, compared unfavorably with press officers, was critiqued for lacking an in-depth understanding of journalistic processes and often necessitating extensive guidance from journalists. Despite understanding the importance of corporate image and reputation management, PR specialists faced skepticism regarding the newsworthiness of their communications, often categorized as paid advertisements rather than legitimate news.

Challenges persisted within the PR industry, notably a regional disparity in PR specialist qualifications and a tendency for PR efforts to align closely with marketing agendas, thereby limiting broader societal engagement. This operational divide contributed to a perception among journalists that PR specialists were less adept at navigating media environments and establishing meaningful journalistic collaborations compared to press officers.

In terms of cooperation frequency, TV journalists reported more frequent interactions with press officers, who proactively supplied information aligned with news cycles. In contrast, PR specialists were less proactive and often redirected journalists to marketing departments, citing concerns over news versus advertising distinctions. This discrepancy highlighted PR specialists' relative unfamiliarity with media relations and their reliance on structured, departmentalized approaches to media engagement.

The quality of relationships between TV journalists and PCPs hinged on the timely provision of factual information and the preparedness of spokespersons for media engagements. Positive relationships were noted when mutual understanding and shared professional goals were present, although conflicts occasionally arose due to perceived PR overprotectiveness or PR specialists' perceived neglect of journalistic needs. Overall, the perceived effectiveness of PR in enhancing organizational reputation and media interactions varied widely based on the professionalism and adaptability of individual PCPs, particularly their ability to align with journalistic norms and operational realities.

The survey results revealed that interviewees valued press officers over PR specialists. TV journalists seem to perceive press officers as communication facilitators who serve as mediators between public institutions and the media. This boundary-spanning role places the practitioner in collaborative relationships with both management (Broom, Dozier, 1986, p. 39) and TV journalists. This finding aligns with L'Etang's (2008, p. 109) description of public affairs practitioners who perform higher-status strategic work. The core strengths of press officers are their journalistic background and their work in organizations

serving the public good. Their journalistic experience helps them communicate effectively and beneficially with journalists, who value their public service role more highly than the corporate profit motives of PR specialists. This is consistent with Terry's finding that public relations in Kazakhstan is more about fostering economic interests than serving the public good (2005, p. 34).

The second contribution is the higher esteem in which interviewees held press officers compared to PR specialists. Press officers, often former journalists, were valued for their efficiency, literacy, honesty, openness, accessibility, and ease of communication. Being humane, non-arrogant, and open to professional relationships were also essential qualities. This result aligns with Pang's (2010) Media Mediating Model, which posits that public communication professionals must understand journalists' mindsets, routines, and newsroom practices.

Unfortunately, many PR specialists in Kazakhstan are not well-qualified. The lack of journalistic experience among PR specialists hinders TV journalists from effectively working with them, as they often do not understand the rules and routines of media practice and how to adapt to media logic (Tench, Yeomans, 2017, p. 29). This finding aligns with research on PR specialists in neighboring Kyrgyzstan, where public relations is a developing field with practitioners still gaining experience (Turdubaeva, 2018).

Despite the differing value placed on press officers and PR specialists, and their varying levels of professionalism, interviewed TV journalists regarded public relations as an auxiliary profession to journalism in Kazakhstan. Macnamara (2014) reached a similar conclusion, noting that journalists generally consider themselves superior to PR practitioners (p. 8). This perception is likely due to the long and well-established history of journalism in Kazakhstan, dating back to 1870 with the publication of *Turkestanskije Vedomosti* (1870-1917) in Central Asia (Sandugash, 2018).

Conclusion

Public Relations is an essential profession in Kazakhstan where TV journalists perceive PR specialists as communication technicians who write, edit, work with mainstream and social media, and hold non-managerial positions. Consequently, journalists rely on PR specialists for statistical data, spokespersons, or official information confirmations.

The study examined the perception of Kazakhstani TV journalists of public relations (professions and professionals) in the country. This study is the first in Kazakhstan, in which examines the views of TV journalists on public relations and public communications specialists. The research contributes to the study of TV journalists' ideas about PR as a profession and its practices, especially in the little-studied context of Kazakhstan.

It was found that the interviewed journalists value exactly press attaches more than public relations specialists. TV journalists perceive press attaches as intermediaries in communication between government agencies and the media

(the professional aspect). The identified factor is the higher respect with which respondents treat employees of press services in comparison with public relations specialists (the moral aspect).

References

- Bekbolatuly, Zh., & Karaulova, A. (2019). Public relations in Kazakhstan: history and modernity. In: Akhmetova L.S. (comp., ed.) *Public relations and mass media in Kazakhstan: collection of academic papers*. Issue 17. P. 17–25. Almaty: Kazakh University. (In Russ.) Бекболатулы Ж., Караулова А. Связи с общественностью в Казахстане: история и современность / сост. и гл. ред. Л.С. Ахметова // PR и СМИ в Казахстане: сборник научных трудов. Алматы: Казахский университет, 2019. С. 17–25.
- Brooks, J. (2001). Epilogue: renewal, stagnation, and collapse. In: Brooks J. *Thank you, comrade Stalin! Soviet public culture from revolution to Cold War*. New Jersey: Princeton University Press. P. 234–247.
- Broom, G.M., & Dozier, D.M. (1986). Advancement for public relations role models. *Public Relations Review*, 12(1), 37–56. [https://doi.org/10.1016/s0363-8111\(86\)80039-x](https://doi.org/10.1016/s0363-8111(86)80039-x)
- Canel, M.J., & Sanders, K. (2013). Introduction: Mapping the field of government communication. In: Sanders K., Canel M.J. (eds.) *Government communication: cases and challenges*. New York; London: Bloomsbury. P. 1–26.
- Cooper-Chen, A., & Tanaka, M. (2007). Public relations in Japan: The cultural roots of Kouhou. *Journal of Public Relations Research*, 20(1), 94–114. <https://doi.org/10.1080/10627260701727036>
- Cronin, A.M. (2023). *Secrecy in public relations, mediation and news cultures: The shadow world of the media sphere*. London; New York: Routledge.
- DeLorme, D.E., & Fedler, F. (2003). Journalists' hostility toward public relations: a historical analysis. *Public Relations Review*, 29(2), 99–124. [https://doi.org/10.1016/s0363-8111\(03\)00019-5](https://doi.org/10.1016/s0363-8111(03)00019-5)
- Elrod, J.K., & Fortenberry, J.L. (2020). Public relations in health and medicine: Using publicity and other unpaid promotional methods to engage audiences. *BMC Health Services Research*, 20(S1), 831. <https://doi.org/10.1186/s12913-020-05602-x>
- Filipov, M., & Dybysova, A. (2022). Public relations in Mongolia: The missing part on the global public relations map. *International Journal of Communication*, 16(22), 5204–5225. <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/19471/3940>
- Guest, G., Bunce, A., & Johnson, L. (2006). How many interviews are enough? An experiment with data saturation and variability. *Field Methods*, 18(1), 59–82. <https://doi.org/10.1177/1525822x05279903>
- Hanusch, F., Banjac, S., & Maares, P. (2019). The power of commercial influences: How lifestyle journalists experience pressure from advertising and public relations. *Journalism Practice*, 14(9), 1029–1046. <https://doi.org/10.1080/17512786.2019.1682942>
- Ikonen, P., Luoma-aho, V., & Bowen, S.A. (2016). Transparency for sponsored content: Analysing codes of ethics in public relations, marketing, advertising and journalism. *International Journal of Strategic Communication*, 11(2), 165–178. <https://doi.org/10.1080/1553118x.2016.1252917>
- Kemp, S. (2023). Digital 2023: Kazakhstan. *DataReportal*. February 13. <https://datareportal.com/reports/digital-2023-kazakhstan>
- Kitami, K. (2019). The current situation of corporate public relations in Japan: an attempt to assess comprehensive public relations activities from eight aspects. In: Kunieda T., Yamamura K., Miyabe J. (eds.) *Public relations in Japan: Evolution of communication management in a culture of lifetime employment*. London: Routledge. P. 116–129.

- L'Etang, J. (2008). *Public relations: concepts, practice and critique*. London: Sage Publ.
- Loan, V. (2014). The nature of public relations in Vietnam. *Ho Chi Minh City Open University Journal of Science (Economics and Business Administration)*, 4(2), 54–66. <https://doi.org/10.46223/hcmcoujs.econ.en.4.2.97.2014>
- Macnamara, J. (2014). Journalism – PR relations revisited: The good news, the bad news, and insights into tomorrow's news. *Public Relations Review*, 40(5), 739–750. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2014.07.002>
- Moloney, K., & McGrath, C. (2020). *Rethinking public relations: persuasion, democracy and society*. 3rd ed. New York: Routledge.
- Morehouse, J. (2023). Beyond dyadic organization – public relationships: Proposing the devotional-promotional relational engagement model. *Journal of Public Relations Research*, 36(3), 180–209. <https://doi.org/10.1080/1062726x.2023.2261576>
- Obermaier, M., Koch, T., & Riesmeyer, C. (2015). Deep impact? How journalists perceive the influence of public relations on their news coverage and which variables determine this impact. *Communication Research*, 45(7), 1031–1053. <https://doi.org/10.1177/0093650215617505>
- Pang, A. (2010). Mediating the media: A journalist – centric media relations model. *Corporate Communications: An International Journal*, 15(2), 192–204. <https://doi.org/10.1108/13563281011037955>
- Picariello, F., Ali, S., Foubister, C., & Chalder, T. (2017). 'It feels sometimes like my house has burnt down, but I can see the sky': A qualitative study exploring patients' views of cognitive behavioural therapy for chronic fatigue syndrome. *British Journal of Health Psychology*, 22(3), 383–413. <https://doi.org/10.1111/bjhp.12235>
- Postoutenko, K. (2022). Soviet communication and Soviet society (1917–1953): alignments and tensions. In: Postoutenko K., Tikhomirov A., Zakharine D. (eds.) *Media and communication in the Soviet Union (1917–1953): General perspectives*. New York, London: Palgrave Macmillan. P. 1–18.
- Sakhariyanov, K. (2020). Television industry in Kazakhstan: An entity for foreign investment. *Integración de las ciencias fundamentales y aplicadas en el paradigma de la sociedad post-industrial: Colección de documentos científicos AIOFOS con actas de la Conferencia Internacional Científica y Práctica*. Vol. 1. Barcelona: Plataforma Europea de la Ciencia. P. 33–39.
- Sandugash, S. (2018). The Newspaper “Turkestanskije Vedomosti” and the beginning of the development of the history of the press in Central Asia. *Bilig*, 84, 1–21. <https://dergi-park.org.tr/tr/pub/bilig/issue/42610/519007>
- Sinfield, G., Goldspink, S., & Wilson, C. (2023). Waiting in the wings: The enactment of a descriptive phenomenology study. *International Journal of Qualitative Methods*, 22, 1–11. <https://doi.org/10.1177/16094069231207012>
- Ströh, U. (2008). The conundrum of public relations versus marketing: clarifying the differences in terms of relationship management. *Prism*, 5(1). https://praxis.massey.ac.nz/prism_online_journ.html
- Tench, R., & Yeomans, L. (eds.). (2017). *Exploring public relations: Global strategic communication*. 4th ed. New York: Pearson.
- Terry, V. (2005). Postcard from the Steppes: a snapshot of public relations and culture in Kazakhstan. *Public Relations Review*, 31(1), 31–36. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2004.11.003>
- Thummes, K., & Seiffert-Brockmann, J. (2019). Smart, friendly, biased liars? Exploring motivated reasoning and ethical decision-making in public relations. *Journal of Communication Management*, 23(4), 412–426. <https://doi.org/10.1108/jcom-01-2019-0010>

- Tkalac Verčič, A., Lalić, D., & Vujičić, D. (2017). Journalists and public relations practitioners: Comparing two countries. *Public Relations Review*, 43(3), 527–536. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2017.04.006>
- Turdubaeva, E. (2018). *The status of media and the role of social media in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan*. Bishkek: Institute for War and Peace Reporting.
- Valentini, C. (2013). Public relations in the public sector. The role of strategic communication in the Italian public administration. *Sinergie, Rivista di studi e ricerche*, 92, 93–113. <https://doi.org/10.7433/s92.2013.06>
- Van Ruler, B. (2007). Communication in public relations: The achilles heel of quality public relations. *Sphera Publica, Revista de Ciencias Sociales y de la Comunicación*, 7, 111–139.
- Wilson, C. (2014). *Interview techniques for UX practitioners*. Massachusetts: Morgan Kaufmann.
- Wolfe, T.C. (2005). *Governing Soviet journalism: The press and the socialist person after Stalin*. Bloomington: Indiana University Press.
- Yoo, J.-W., & Jo, S. (2014). How do journalists express their perceptions of public relations on Twitter? *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 42(7), 1175–1182. <https://doi.org/10.2224/sbp.2014.42.7.1175>
- Yun, S.-H., & Yoon, H. (2011). Are ‘journalists’ own problems’ aggravating their hostility toward public relations? A study of Korean journalists. *Public Relations Review*, 37(3), 305–313. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2011.03.004>

Bio note:

Milen Filipov, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Media and Communications, College of Social Sciences, KIMEP University, 4 Abay Prospect, Almaty, 050010, Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-1230-1930. E-mail: mfilipov@kimep.kz

Сведения об авторе:

Филипов Милен, доктор философии, доцент, заведующий кафедрой медиа и коммуникаций, Колледж социальных наук, Университет КИМЭП, Казахстан, 050010, Алматы, проспект Абая, д. 4. ORCID: 0000-0002-1230-1930. E-mail: mfilipov@kimep.kz

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ

MEDIA EDUCATION

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-626-641

EDN: GIUQSW

УДК 070:378.004:37.02

Научная статья / Research article

«Цифровой интеллект журналиста»: к содержанию понятия

В.В. Гаврилов¹ , В.А. Зорина²

¹Сургутский государственный педагогический университет, Сургут,
Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
victorg12@mail.ru

Аннотация. Понятие «цифровой интеллект журналиста» (ЦИЖ), его объем и содержание – результат собственной рефлексии авторов с опорой на труды П. Бурдье (теория о социальном капитале личности) и П. Юхен (стандарты цифрового интеллекта личности). Авторы статьи исследуют ЦИЖ применительно к личности журналиста, тестируют в контексте журналистской деятельности; при этом ЦИЖ актуализируется инструментально – применительно к медиаобразованию. В процессе самоидентификации начинающий журналист оказывается погруженным не только в медиапространство, но и в пространство цифровое. От того, насколько грамотно он сможет использовать преимущества, которые дает цифровизация, и от того, насколько будет устойчив к ее угрозам, зависит успешность его профессионализации и социальной адаптации. Авторы предлагают изменить критерии оценки качества вузовской подготовки журналистов с поправкой на ЦИЖ, с учетом новейших трансформаций СМИ. Результаты пилотного опроса 375 респондентов показали, что к уже имеющимся характеристикам цифрового интеллекта необходимо добавить те, которые нужны именно медиаспециалисту (соответствующие ЦИЖ): цифровая грамотность, творческие способности, критическое мышление, рефлексия, мотивация. Их совокупность отразит индивидуальный портрет цифровой личности, позволит оценить уровень готовности индивида к вхождению в медиапространство в роли субъекта журналистской деятельности.

Ключевые слова: медиаобразование, цифровая грамотность, творческие способности, критическое мышление, рефлексия, мотивация

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Гаврилов В.В., Зорина В.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 1 февраля 2024 г.; отрецензирована 28 февраля 2024 г.; принята к публикации 12 июня 2024 г.

Для цитирования: Гаврилов В.В., Зорина В.А. «Цифровой интеллект журналиста»: к содержанию понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 626–641. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-626-641>

“Digital intelligence of a journalist”: to the content of the concept

Viktor V. Gavrilov¹ , Violetta A. Zorina²

¹*Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation*

²*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

victorg12@mail.ru

Abstract. The concept of “Journalist Digital Intelligence” (JDI), its scope and content are the result of the authors’ own reflections based on the works of P. Bourdieu (theory of the individual’s social capital) and P. Yuhyun (norms of the individual’s digital intelligence). The authors of the article study JDI in relation to a journalist’s personality and test it in the context of journalistic activity, while the JDI is updated instrumentally – in relation to media education. In the process of self-identification, a budding journalist is immersed not only in the media space, but also in the digital space. The success of his or her professionalization and social adaptation depends on how well he or she is able to use the advantages of digitalization and how resistant he or she is to its threats. The authors propose to modify the criteria for assessing the quality of university journalism training, adapted to the JDI and taking into account the latest media transformations. The results of a pilot survey of 375 respondents show that it is necessary to add to the existing characteristics of digital intelligence those necessary for a media specialist (in line with the JDI): digital literacy, creative skills, critical thinking, reflection and motivation. Their sum will reflect an individual portrait of a digital personality and will make it possible to assess the level of readiness of a person to enter the media space as a subject of journalistic activity.

Keywords: media education, digital literacy, creativity, critical thinking, reflection, motivation

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 1, 2024; revised February 28, 2024; accepted June 12, 2024.

For citation: Gavrilov, V.V., & Zorina, V.A. (2024). “Digital intelligence of a journalist”: To the content of the concept. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 626–641. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-626-641>

Введение

Современное общество стремительно переходит из аналогового пространства в цифровое: способы получения информации, алгоритмы ее восприятия и возможности переработки кардинально изменились и продолжают меняться (Загидуллина, 2012; Уразова, 2013; Алгави, Аль-Ханаки, 2014; Градюшко, 2020 и др.). Цифровое информационное пространство объеди-

няет на глобальном уровне участников массовых информационных процессов, но только тех, кто обладает необходимыми технологиями и компетенциями. При этом цифровая среда требует социальной вовлеченности, люди должны быть мотивированы, открыты к культурным практикам в новых условиях. Безусловно, это необходимо медийным профессионалам, современным журналистам, ведь цифровое медиапространство является важнейшей частью информационного (Евдокимов, 2018).

Субъекту цифрового медиапространства (профессиональному или гражданскому журналисту) даются неограниченные возможности социальной и профессиональной самореализации. Возникает, с одной стороны, ряд угроз (фейки, лавинообразный объем информации, манипулирование сознанием и многое другое), требующих умения им противостоять; с другой — цифровизация СМИ предоставляет большое количество возможностей для профессиональной и творческой самореализации, успешной самоидентификации. Развитие *цифровых компетенций*¹ журналиста является одной из ведущих целей медиаобразования. Однако, во-первых, необходимо четко определиться, что включают в себя цифровые компетенции, во-вторых, следует понять, какие методы необходимо использовать при их формировании. Важно, чтобы цифровые компетенции не вытесняли или не отодвигали на второй план креативность журналиста как ведущее профессиональное качество, а сопровождали его, помогая эффективной реализации.

В настоящее время взгляды на характеристики массмедийной личности расходятся, их перечень разнится. Портрет цифрового поколения складывается из таких качеств, как креативность, инновационность (отказ от традиционных устоявшихся форм), информированность, благодаря постоянной включенности в поисковую деятельность, многозадачность. Исследователи определяют главную проблемную зону — информационную перегруженность. В результате снижается способность формировать знания (систематизировать информацию, последовательно ее осваивать, выстраивать логические связи, структурировать материал), возникает интернет-зависимость. При этом возможны контакты со злоумышленниками, доступ к «опасному» контенту, трансформация личного пространства. В то же время, важнейшую роль играют навыки работы с искусственным интеллектом (ИИ). В течение трех — пяти лет использование инструментов на основе ИИ может стать обязательным при приеме на работу².

Активное использование новых технологий демонстрирует, что роботы могут выполнять большую часть рутинной работы журналистов, потенциально высвобождая человеческие ресурсы для выполнения более креативных задач. Например, журналисты используют голосовые помощники при подготовке материала с диктофона, применяют текстовые расшифровщики аудиозаписей и автоматические переводчики тек-

¹ Здесь и далее курсив наш. — В.Г., В.З.

² Эксперт прогнозирует обязательное владение нейросетями при приеме на работу // РИА Новости. 2 февраля 2024. <https://ria.ru/20240201/neyroset-1924705442.html>

ста, делают выжимку главной информации из больших по объему текстов и осуществляют поиск актуальных бэкграундов с помощью специальных алгоритмов, пользуются программами для генерации иллюстраций к новостям, проверки информации на достоверность и аналитики текстов (Иляхина, Деева, 2024). Таким образом, понимание особенностей работы ИИ в журналистской сфере и умение работать с существующими инструментами является неотъемлемой составляющей образа современного журналиста (Dinçer, 2024, p. 70).

Материалы и методы

Вопрос о том, какими ключевыми компетенциями должен обладать выпускник вуза, начинающий журналист, остается дискуссионным. В свое время одним из авторов данной статьи, В.В. Гавриловым, были выделены следующие характеристики медиаличности, необходимые для успешной профессионализации и самоидентификации активного субъекта медиапространства: умение анализировать информацию и креативно ее перерабатывать; способность к рефлексии и саморефлексии; знание концептосферы родного края, владение культурным кодом, принципами культуросообразности; ясная гражданская позиция с опорой на социокультурную норму; стремление к самообразованию, саморазвитию; стремление к социальной адаптации и профессионализации; умение анализировать общественное мнение, понимание текущей политической ситуации; знание медиарынка, его трендов; владение информационными технологиями; опыт медиапроектирования, умение создавать оригинальные журналистские тексты в различных знаковых системах. При этом следует отметить, что именно владение цифровыми технологиями является для журналиста ключевым моментом в условиях новейших социокультурных трансформаций. Однако далеко не всегда сами журналисты и преподаватели выделяют цифровизацию СМИ как системообразующий процесс, а владение цифровыми технологиями — как важнейшую компетенцию журналистики.

Цель исследования — обобщение, структурирование данных о понятии «цифровой интеллект», введение в научный оборот понятия «цифровой интеллект журналиста» (ЦИЖ), а также уточнение его составляющих. В ходе исследования использованы следующие методы: анализ теоретических и эмпирических данных, сравнительно-сопоставительный метод, моделирование и анкетирование.

Педагогическая работа со студентами-журналистами Сургутского государственного педагогического университета и Российского университета дружбы народов помогла авторам выявить наиболее острые проблемы профессионализации. Материалом для количественного анализа стали данные, полученные в результате анкетирования 375 респондентов. Было задействовано три категории опрошенных: студенты и преподаватели вузов, а также журналисты из Уральского Федерального округа в возрасте от 18 до 60 лет. Хронологические рамки исследования — 2023/2024 учебный год.

Результаты

Один из вопросов анкеты был сформулирован так: «Назовите характеристики, отличительные черты, личностные качества журналиста-профессионала (не менее 5)». В данном случае мы стремились, на основе мнений респондентов, получить образ «идеального журналиста», то есть, в нашем случае, образ выпускника вуза, который должно формировать современное отечественное медиаобразование с учетом социального запроса и глобальных социокультурных изменений. Представим перечень этих качеств в виде диаграммы (рис. 1).

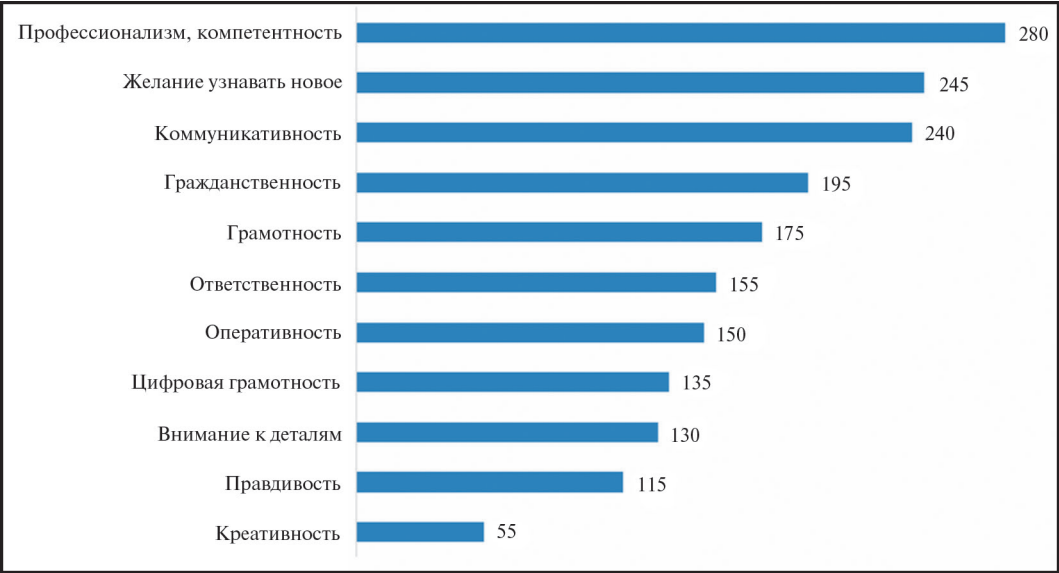

Рис. 1. Основные характеристики личности журналиста, выпускника вуза
Source: compiled by the author.

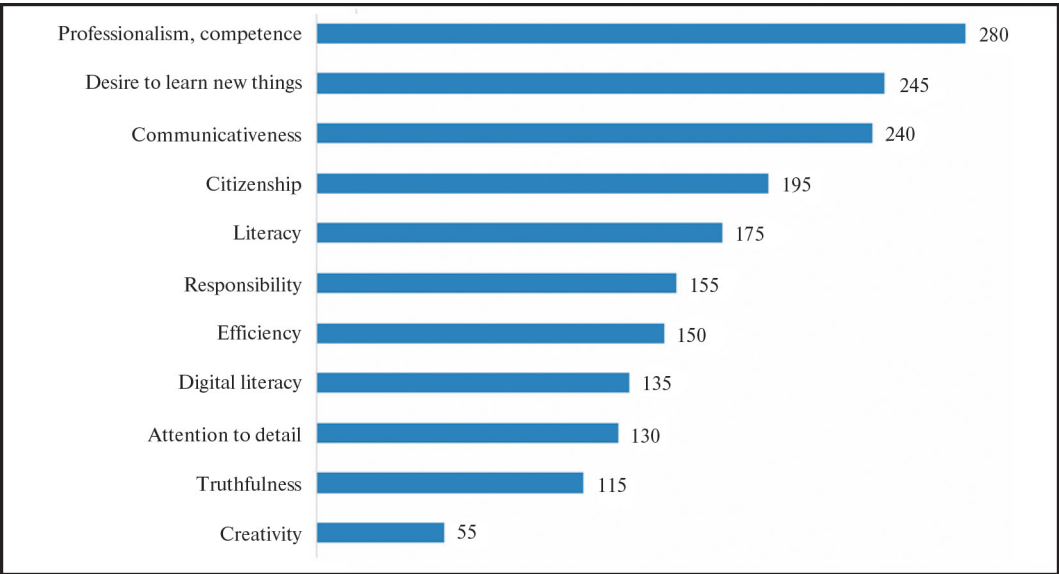

Figure 1. Main characteristics of journalist's or university graduate's personality
Source: compiled by the author.

Нет ничего удивительного в том, что такие качества, как *коммуникативная компетентность, грамотность, любознательность, оперативность* отмечены чаще всего, они являются перманентно необходимыми для журналиста качествами; подобные результаты были вполне релевантны и полвека назад. Однако актуальные в настоящее время — *цифровая грамотность и креативность* — неожиданно оказались в конце списка.

Похожие результаты мы получили при анализе ответов на вопрос «Каким аспектам современной журналистики следует уделить внимание медиапедагогам и преподавателям журфаков?» (рис. 2).

Рис. 2. Ключевые аспекты медиаобразования (по мнению респондентов)
Source: compiled by the author.

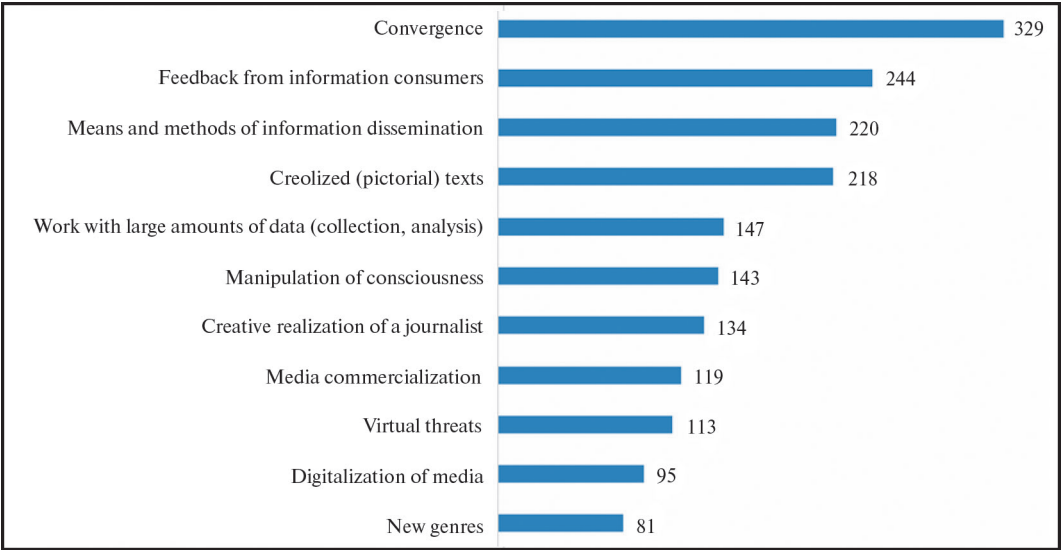

Figure 2. Key aspects of media education (according to the respondents)
Source: compiled by the author.

Современный журналист, как и прежде, должен уметь находить информацию, творчески перерабатывать большие объемы данных, работать в различных знаковых системах, рефлексировать по поводу обратной связи. При этом *виртуальные угрозы и цифровизация СМИ* оказались на последних местах.

Очевидно, что респонденты не видят угроз, которые несет цифровизация медиа, а также не придают большого значения тем преимуществам, которые обеспечивают цифровые инструменты при обработке больших объемов информации, при создании оригинальных медиапродуктов и их трансляции.

Обсуждение

Более десяти лет назад уже были сформулированы компетенции, которые сегодня следует формировать именно на базе *цифровой грамотности*. Например, «умение использовать рабочие ссылки, писать совместные с поисковиками заголовки, пользоваться и управлять семантическими указателями и/или категориями в системе медиатекста, работать в различных системах управления (Joomla, Wordpress, Drupal), JavaScript (язык сценариев) и др. Кроме того, базовым умением для студентов должен быть навык съемки, записи и редактирования фото-, видео-, радиоматериалов» (Шестеркина, 2013, с. 16). Применительно к трансформации подготовки журналистов отмечалась специфика цифровых СМИ, которые «представляют собой не только орудие пропаганды для политических сил, но и рупор маркетинга крупного и малого бизнеса. Такой сдвиг актуализирует широкий спектр моделей монетизации разных медиа посредством рекламы, платных подписок, перенаправления трафика и т. д.» (Кильпелайнен, 2019, с. 3).

С одной стороны, в научном пространстве растет число публикаций об использовании нейросетей в медиа (Зорина, Осиповская, 2021; Рубцова, 2023), студенты хотят, чтобы их обучали в вузах алгоритмам коммуникаций с нейросетями³. С другой стороны, эксперты, причастные к вузовскому процессу, как показал наш опрос, не делают акцент на развитии цифрового интеллекта медиаспециалистов.

На сегодняшний день существует спектр инструментов искусственного интеллекта, применяемых в журналистике на всех этапах коммуникационного процесса — от автоматического написания текста до анализа данных, от создания изображений до их проверки. Среди таких инструментов есть и те, что объединяют в себе сразу несколько функций, например, чат-боты или агрегаторы новостей (Gutiérrez-Caneda et al., 2023, p. 11).

Роботизированные журналисты работают в крупных медиа с 2010-х гг., забирая на себя часть рутинной работы. При этом неискушенный читатель практически не сможет ощутить разницы между текстом, написан-

³ Половина российских студентов используют нейросети в учебе // Forbes. 25 августа 2023. <https://www.forbes.ru/forbeslife/495175-polovina-rossijskih-studentov-ispol-zuut-nejros-eti-v-ucebe>

ным машиной, и авторским контентом (Иванов, 2015). Однако в большинстве случаев инструменты ИИ дополняют работу журналистов, а не заменяют ее. Журналисты по-прежнему необходимы для предоставления дополнительного контекста, анализа возможных ошибок и предвзятости, проверки адекватности и качества подготовленных текстов и изображений, а также решения других вопросов (Gutiérrez-Caneda et al., 2023; Kumar et al., 2022; Katamba, Kayihan, 2024). Кроме того, стоит учитывать большое количество фейковой информации и наличие дипфейков. Пандемия COVID-19 подсветила актуальную проблему вбросов и материалов с недостоверными данными в СМИ, потому современный журналист должен обладать умением выявлять подобный контент и более тщательно проводить проверку информации (DeCillia, Clark, 2023). Существуют ИИ-инструменты, помогающие верифицировать информацию медиа в режиме реального времени.

Как видим, *ключевой компетенцией современного журналиста является владение цифровыми технологиями.*

В связи с этим мы предлагаем при анализе необходимых личностных качеств журналиста использовать такое понятие, как «цифровой интеллект», который отвечает за взаимодействие человека с цифровыми технологиями и его существование в цифровом пространстве. Эта идея опирается на труды американского ученого Говарда Гарднера, предложившего в свое время теорию о различных типах интеллекта (т. н. множественный интеллект), которыми в той или иной степени обладает любая личность. Гарднер выделил девять типов интеллекта: музыкальный, межличностный, внутриличностный, визуально-пространственный, лингвистический, кинестетический, логико-математический, натуралистический, экзистенциальный (Gardner, 2006).

Идеи исследователя активно развивает рабочая группа ученых из Южной Кореи (руководитель Пак Юхен), которая в 2015 г., собрав эмпирические данные в области биостатистики, предложила термин «цифровой коэффициент» (англ. digital quotient, DQ), определив его как «совокупность социальных, эмоциональных и когнитивных способностей, которые позволяют людям противостоять вызовам и адаптироваться к требованиям цифровой жизни»⁴. Цифровой интеллект включает следующие показатели: управление экранным временем, личными данными, цифровым следом, критическое мышление, кибербезопасность, умение противостоять кибербуллингу. Как видим, большинство оцениваемых позиций связано с умением личности противостоять киберугрозам, предупреждать их, осуществляя деятельность в цифровом пространстве.

Важно отметить, что критерии оценки отдельных характеристик цифрового интеллекта можно замерить: корейские ученые разработали тесты, которые представляют цифровой профиль личности в виде диаграммы (рис. 3).

⁴ DQ: что такое цифровой интеллект и важен ли он в современном образовании // Skillbox Media. 17 января 2022. <https://skillbox.ru/media/education/dq-chto-takoe-tsifrovoy-intellekt-i-vazhen-li-on-v-sovremennom-obrazovanii/>

Рис. 3. Оценка DQ личности: пример результата тестирования

Источник: DQ Institute (<https://www.dqinstitute.org/>). Инфографика М. Мальгиной для Skillbox Media (<https://skillbox.ru/media/education/dq-chto-takoe-tsifrovoy-intellekt-i-vazhen-li-on-v-sovremennom-obrazovanii/>).

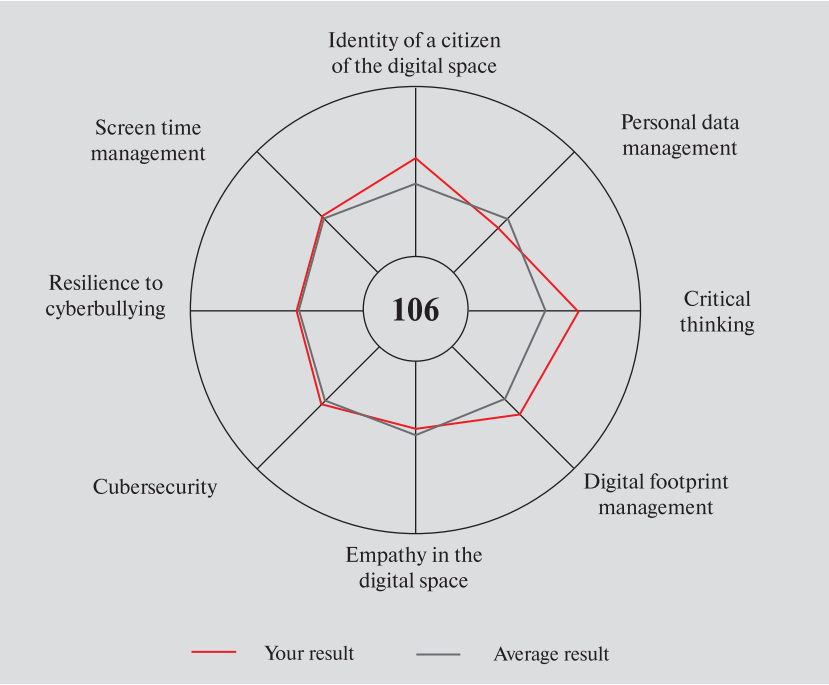

Figure 3. Assessment of personality's DQ: example of test result

Source: DQ Institute (<https://www.dqinstitute.org/>). Infographics by M. Malgina for Skillbox Media (<https://skillbox.ru/media/education/dq-chto-takoe-tsifrovoy-intellekt-i-vazhen-li-on-v-sovremennom-obrazovanii/>).

По мнению авторов *DQ-теории*, цифровой интеллект отвечает за умение быстро адаптироваться к новым информационным технологиям, развивающимся цифровым инструментам, за компьютерную грамотность (в широком понимании). Безусловно, эти навыки играют важную роль в жизни современного человека, непосредственным образом связаны с его профессиональной и творческой самореализацией.

Эта теория в некоторых аспектах перекликается с *теорией цифрового капитала*, созданной на основе идей П. Бурдьё о социальном капитале. В данном случае следует исходить из того, что на медиарынке как неотъемлемой части социального пространства субъекты находятся в ситуации жесточайшей конкуренции, ведется активная борьба за аудиторию, количество подписчиков, лайков, просмотров (в итоге — за монетизацию авторского контента). Успешное существование личности в рамках социального пространства определяется во многом наличием необходимых компетенций, творческим и материальным потенциалом, который, по П. Бурдьё, называется социальным капиталом и определяется как «активные свойства, положенные в основу построения социального пространства» (Шматко, 2005, с. 558). В рамках своей классификации автор выделяет три типа социального капитала: экономический, культурный, социальный. Нетрудно заметить, что все три типа в той или иной степени определяют личность субъекта медиaprостранства.

Полагаем, что с целью приобретения и увеличения социального капитала субъект должен потратить время и силы. При этом государственные институты и сфера медиаобразования должны оказать в этом содействие.

Исследователи выделяют понятие цифрового капитала, своего рода навык работы с медиатехнологиями, со СМИ и социальными сетями в цифровой медийной среде. В широком смысле цифровой капитал охватывает сегодня как технологические навыки, так и более сложные информационно-аналитические навыки, которые включают социальные навыки, а также навыки создания контента для цифровых платформ, способность защищать личную информацию от нежелательного использования другими лицами и другие виды навыков (Вартанова и др., 2022, с. 10). Данное определение является чрезвычайно важным, хотя применительно к субъектам медиaprостранства и в контексте нашего исследования — не совсем полным. Акцент делается на умении работать с цифровыми инструментами, анализировать информацию и защищать ее. При этом цифровой капитал рассматривается в контексте проблемы цифрового неравенства как важный концептуальный и эмпирический инструмент. Решение проблемы — в увеличении «объемов цифрового капитала пользователей путем разработки специальных программ медиаобразования, цифровой грамотности и цифровой интеграции пользователей» (Там же, с. 21–22). Вопрос в том, каковы критерии и инструменты оценки и измерения уровня развития (сформированности) цифрового капитала.

В рамках теорий Гарднера и Юхен параметры измерений цифрового интеллекта журналистов не разработаны. Мы полагаем, что акцент необходимо сделать на творческой составляющей начинающих журналистов и на тех инновациях, которые должны быть внесены в область отечественного медиаобразования с учетом цифровизации СМИ. В этой связи возникает необходимость уточнения базовых характеристик цифрового интеллекта, определенных учеными из Южной Кореи, если мы используем их методику в отношении журналистов.

Цифровизация, с одной стороны, расширила возможности по сбору, анализу, творческой переработке и распространению информации, а с другой — принесла ряд угроз, о которых говорилось выше. В связи с этим мы утверждаем, что цифровая личность должна иметь достаточный уровень развития цифрового интеллекта, чтобы не только справляться с угрозами, но и иметь возможности для эффективной творческой самореализации. Формировать целостную, гармоничную личность должны институты медиаобразования, однако их цели и задачи остаются все еще достаточно размытыми (Олешко, Гаврилов, 2022). В отношении технологий и методов подготовки целостной медиаличности в медиапедагогике не сложилось единого мнения.

Не следует понимать личность с высоким уровнем интеллекта исключительно как личность, способную противостоять киберугрозам. Следовательно, к уже названным характеристикам цифрового интеллекта при развитии *интеллектуального потенциала журналиста* мы предлагаем добавить следующие (или уточнить имеющиеся):

- *цифровая грамотность (умение видеть угрозы и противостоять им, умение собирать, обрабатывать большие объемы данных);*
- *творческие способности (умение генерировать идеи и воплощать их с использованием цифровых инструментов, умение творчески перерабатывать собранную информацию и транслировать ее на потребителей);*
- *критическое мышление, рефлексия (умение критически оценивать поступающую информацию, делать выводы, используя цифровые инструменты);*
- *умение работать с текстами обратной связи;*
- *мотивация (желание использовать цифровые инструменты в профессиональной деятельности);*
- *умение работать с интеллектуальными технологиями.*

Данные параметры выбраны по двум причинам. Во-первых, они дают достаточно полное и всестороннее представление о ЦИЖ с учетом специфики его профессиональной деятельности. Во-вторых, они могут быть верифицированы, так как поддаются и качественному, и количественному анализу. При этом мы отдаем себе отчет в том, что перечень предложенных критериев может меняться, корректироваться. Цифровой интеллект индивида должен оцениваться в системе, по совокупности всех выбранных критериев. Именно их соотношение и станет индивидуаль-

ным портретом ЦИЖ, представит уровень готовности, к примеру, выпускника факультета журналистики к работе в медиапространстве в роли профессионального субъекта медийной деятельности.

Инструменты измерения уровня сформированности названных навыков требуют глубокой проработки силами разных экспертов, в том числе специалистов в области цифровых технологий. Если опираться на способы измерения, разработанные Пак Юхен и ее командой по ряду аспектов (управление экранным временем, личными данными, цифровым следом, критическое мышление, противодействие киберугрозам), то можно разработать собственные. Это позволит скорректировать программы отечественного медиаобразования, выбрать наиболее эффективные формы и методы обучения журналистов в эпоху цифровизации. Это должна быть апробированная система инструментов, включающая анкетирование и тесты психологической и информационной направленности.

Что же касается педагогических технологий и методов развития ЦИЖ, то здесь эффективны проблемное обучение и метод проектов: они стимулируют развитие критического мышления и активизируют способность находить нестандартные решения. Безусловно, наше предположение требует подтверждения путем проведения педагогического эксперимента. Однако мы полагаем, что эффективной будет работа со студенческой группой как с цельным коллективом, командой, погруженной в особую образовательную среду, нацеленной на достижение общего социально значимого результата (в нашем случае — на подготовку оригинального медиапродукта). О такой среде пишет Ю.М. Ершов. Он убежден в том, что проектная деятельность будет результативной и системной, если работа учебной группы организована в рамках медиапарка: «Этот медиапарк, с одной стороны, создает в университете важный средовой и синергетический эффект, с другой — его авторы участвуют в университетском разделении труда и наполнении общественной жизни творчеством. Специалисты по медиа и дизайну, допустим, полноценно могут участвовать в IT-проектах, художники — в проектировании сложных систем коммуникаций, знания возникают на стыках и соединениях наук» (Ершов, 2016, с. 16).

В научной литературе также представлены базовые сценарии, оптимизирующие возможные поколенческие конфликты при работе над медийными проектами в рамках вузовских практических дисциплин (Волкова и др., 2020), при этом необходим учет этических, профессиональных и социальных проблем, возникающих в процессе развития роботизированной журналистики (Волкова, Лазутова, 2017; Иванов, 2017).

В рамках вузов должны быть специализированные программы для развития навыков работы с искусственным интеллектом. Так, например, на базе филологического факультета РУДН реализуется магистерская программа «Журналистика больших данных», где студенты учатся рабо-

тать с массивами информации и сложными аналитическими алгоритмами, и курс для студентов вечернего отделения «Online-журналистика», где, помимо прочего, разбираются особенности работы с программами генерации контента.

Заключение

Для эффективной работы в медиапространстве в условиях цифровизации СМИ журналисту необходим высокий уровень развития цифрового интеллекта, но с особым акцентом на профессию. Дальнейшее накопление эмпирической базы по изучению цифрового интеллекта журналиста (ЦИЖ) позволит скорректировать существующие программы по медиаобразованию, выбрать наиболее эффективные педагогические технологии, формы и методы обучения, в том числе и на факультетах журналистики вузов, смоделировать образ идеального медиаспециалиста периода новейших медиа. Для этого необходимо уточнить перечень компонентов ЦИЖ, выявить актуальные инструменты для измерения их сформированности. При этом не обойтись без учета навыков работы с искусственным интеллектом в журналистике. Выпускник вуза с дипломом журналиста должен наиболее точно отвечать запросам социума, быть способным нейтрализовать угрозы цифровизации СМИ, объективировать действительность, создавать новые позитивные смыслы.

Список литературы

- Алгави Л.О., Аль-Ханаки Д.А. Термин «новые медиа» и его содержание в современной науке // Журналистика и общество. 2014. № 16. С. 124–133.
- Вартанова Е.Л., Гладкова А.А., Дунас Д.В. Цифровой капитал как гибридный нематериальный капитал: теоретические подходы и практические решения в российском контексте // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11. № 1. С. 6–26. [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11\(1\).6-26](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(1).6-26)
- Волкова И.И., Лазутова Н.М. Экранные массмедиа и экология человека: от зачаровывания к присоединению // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 12 (212). С. 106–111. <https://doi.org/10.25198/1814-6457-212-106>
- Волкова И.И., Уразова С.Л., Писарева М.Н. Критерии формирования коммуникативного пространства в студенческой среде: погружение в творчество // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 15. № 1. С. 75–81.
- Градуюшко А.А. Цифровые технологии в работе региональных медиа: результаты опроса главных редакторов // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. 2020. № 1. С. 28–33.
- Евдокимов В.А. Информационное и медиапространство: соотношение понятий // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018. № 4 (34). С. 47–52. <http://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2018.34.47>
- Ершов Ю.М. Модели журналистского образования в цифровую эпоху // Журналистский ежегодник. 2016. № 5. С. 13–16.

- Загидуллина М.В. Информационное общество в контексте NET-мышления // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 5. С. 48–51.
- Зорина В.А., Осиповская Е.А. Обзор литературы на тему искусственного интеллекта в журналистике: библиометрический анализ научных статей, проиндексированных в международных базах данных WoS и Scopus // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 4. С. 734–744. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(4\).734-744](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(4).734-744)
- Иванов А.Д. Роботизированная журналистика и первые алгоритмы на службе редакций международных СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. Т. 16. № 2. С. 32–40.
- Иванов А.Д. Транспарентность роботизированной журналистики: как новые технологии угрожают принципам профессии // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2017. Т. 107. № 8. С. 28–33.
- Иляхина А.А., Деева И.В. Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в журналистике // Вестник науки. 2024. Т. 3. № 1 (70). С. 580–588.
- Кильпелайнен Е.С. Трансформация профессиональных компетенций журналиста в период цифровизации медиапространства: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. М., 2019. 19 с.
- Олешко В.Ф., Гаврилов В.В. Формирование цельной медиаличности будущего журналиста в региональном вузе в условиях цифровизации СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 4 (46). С. 6–12. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10401>
- Рубцова Н.В. Нейросети в медиа: возможности, проблемы, перспективы для будущих медиаспециалистов // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. Т. 13. № 1. С. 156–171. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2024.13\(1\).156-171](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2024.13(1).156-171)
- Уразова С.Л. Цифровое медиапространство в парадигме институционального и социального // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 10. С. 39–44.
- Шестеркина Л.П. Журналистское образование и универсализация профессии: экспериментальный опыт. Челябинск: РЕКПОЛ, 2013. 118 с.
- Шматко Н.А. «Социальное пространство» Пьера Бурдьё // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 554–574.
- DeCillia B., Clark B. Fake news and fact-checking: Combating misinformation and disinformation in Canadian newsrooms and journalism schools // Facts and Frictions: Emerging Debates, Pedagogies and Practices in Contemporary Journalism. 2023. Vol. 3. № 1. P. 86–105. <https://doi.org/10.22215/ff/v3.i1.10>
- Dinçer E. Hard and soft skills revisited: Journalism education at the dawn of artificial intelligence // Adnan Menderes University Journal of Social Sciences Institute. 2024. Vol. 11. Issue 1. P. 65–78. <https://doi.org/10.30803/adusobed.1462061>
- Gardner H. Multiple intelligences: New horizons in theory and practice. New York: Basic Books, 2006. 320 p.
- Gutiérrez-Caneda B., Vázquez-Herrero J., López-García, X. AI application in journalism: ChatGPT and the uses and risks of an emergent technology // Profesional de la información. 2023. Vol. 32. Núm. 5. <https://doi.org/10.3145/epi.2023.sep.14>
- Katamba M., Kayihan B. A descriptive analysis for the future of journalism studies in emerging artificial intelligence (AI) and the case of NewsGPT platform // Yeni Medya. 2024. Issue 16. P. 1–18. <https://doi.org/10.55609/yenimedya.1427421>
- Kumar S., Samadhiya S., Singhal S., Agrawal S., Santhosh S., Arora S. Future of media and journalism – Through the hands of man to AI // Researchgate.net. December 2022. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.14147.89129>

References

- Algavi, L.O., & Al'-Hanaki, D.A. (2014). The term “new media” and its content in modern science. *Journalism and Society*, 16, 124–133. (In Russ.)
- DeCillia, B., & Clark, B. (2023). Fake news and fact-checking: Combating misinformation and disinformation in Canadian newsrooms and journalism schools. *Facts and Frictions: Emerging Debates, Pedagogies and Practices in Contemporary Journalism*, 3(1), 86–105. <https://doi.org/10.22215/ff/v3.i1.10>
- Dinçer, E. (2024). Hard and soft skills revisited: Journalism education at the dawn of artificial intelligence. *Adnan Menderes University Journal of Social Sciences Institute*, 11(1), 65–78. <https://doi.org/10.30803/adusobed.1462061>
- Ershov, Yu.M. (2016). Models of journalism education in the digital era. *Journalist Yearbook*, 5, 13–16. (In Russ.)
- Evdokimov, V.A. (2018). Information space and media space: correlation of concepts. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, 4(34), 47–52. (In Russ.) <http://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2018.34.47>
- Gardner, H. (2006). *Multiple intelligences: New horizons in theory and practice*. New York: Basic Books.
- Gradyushko, A.A. (2020). Digital technologies in the work of regional media: the results of a survey of chief editors. *Journal of the Belarusian State University. Journalism*, 1, 28–33. (In Russ.)
- Gutiérrez-Caneda, B., Vázquez-Herrero, J., & López-García, X. (2023). AI application in journalism: ChatGPT and the uses and risks of an emergent technology. *Profesional De La información*, 32(5). <https://doi.org/10.3145/epi.2023.sep.14>
- Ilyakhina, A.A., & Deeva, I.V. (2024). Prospects for the application of artificial intelligence technologies in journalism. *Science Bulletin*, 3(1), 580–588. (In Russ.)
- Ivanov, A.D. (2015). The robotic journalism and the first algorithms on service of editions of the international mass media. *Sign: Problematic Field of Media Education*, 16(2), 32–40. (In Russ.)
- Ivanov, A.D. (2017). Transparency of robotized journalism: how the new technologies threaten the principles of the profession. *Bulletin of Chelyabinsk State University (Philology Sciences)*, 107(8), 28–33. (In Russ.)
- Katamba, M., & Kayihan, B. (2024). A descriptive analysis for the future of journalism studies in emerging artificial intelligence (AI) and the case of NewsGPT platform. *Yeni Medya*, 16, 1–18. <https://doi.org/10.55609/yenimedya.1427421>
- Kilpelyainen, E.S. (2019). *Transformation of professional competencies of a journalist in the period of digitalization of the media space*. (Ph.D. Dissertation abstract). Moscow. (In Russ.)
- Kumar, S., Samadhiya, S., Singhal, S., Agrawal, S., Santhosh, S., & Arora, S. (2022). Future of media and journalism – Through the hands of man to AI. *Researchgate.net*. December. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.14147.89129>
- Oleshko, V.F., & Gavrilov, V.V. (2022). Formation of an integral media personality of a future journalist in a regional university in the context of digitalization of the media. *Sign: problematic field of media education*, 4, 6–12. (In Russ.)
- Rubtsova, N.V. (2024). Neural networks in media: opportunities, problems, prospects for future media specialists. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 13(1), 156–171. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2024.13\(1\).156-171](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2024.13(1).156-171)
- Shesterkina, L.P. (2013). *Journalistic education and universalization of the profession: experimental experience: monograph*. Chelyabinsk: REKPOL Publ. (In Russ.)
- Shmatko, N.A. (2005). “Social space” of Pierre Bourdieu. In: Bourdieu P. *Social space: fields and practices*. St. Petersburg: Institute of Experimental Sociology; Aletheia. P. 554–574. (In Russ.)

- Urazova, S.L. (2013). Digital media space in the paradigm of institutional and social. *Vestnik of Novosibirsk State University ("History and Philology" Series)*, 12(10), 39–44. (In Russ.)
- Vartanova, E.L., Gladkova, A.A., & Dunas, D.V. (2022). Digital capital as hybrid non-material capital: theoretical approaches and practical solutions in the Russian context. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 11(1), 6–26. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11\(1\).6-26](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(1).6-26)
- Volkova, I.I., & Lazutova, N.M. (2017). Screen media and human ecology: from charming to joining. *Vestnik of Orenburg State University*, 12(212), 106–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.25198/1814-6457-212-106>
- Volkova, I.I., Urazova, S.L., & Pisareva, M.N. (2020). Criteria for forming a communicative space in the student environment: immersion in creativity. *Scholarly Notes of Transbaikal State University*, 15(1), 75–81. (In Russ.)
- Zagidullina, M.V. (2012). Information society in the context of net-thinking. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 5, 48–51. (In Russ.)
- Zorina, V.A., & Osipovskaya, E.A. (2021). Literature review on artificial intelligence in journalism: a bibliometric analysis of publications indexed in the Web of Science and Scopus. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 10(4), 734–744. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(4\).734-744](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(4).734-744)

Сведения об авторах:

Гаврилов Виктор Викторович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры филологического образования и журналистики, филологический факультет, Сургутский государственный педагогический университет, Российская Федерация, 626417, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2. ORCID: 0000-0002-1279-3066. E-mail: victorg12@mail.ru

Зорина Виолетта Александровна, преподаватель кафедры массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-2464-9168. E-mail: zorina-val@rudn.ru

Bio notes:

Viktor V. Gavrilov, Candidate of Pedagogy, Associate Professor at the Department of Philological Education and Journalism, Faculty of Philology, Surgut State Pedagogical University, 10/2 50 let VLKSM St, Surgut, 626417, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1279-3066. E-mail: victorg12@mail.ru

Violetta A. Zorina, Lecturer, Department of Mass Communications, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2464-9168. E-mail: zorina-val@rudn.ru